

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2024. Т. 46, № 2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2024. Т. 46, № 2

Главный редактор

Е. С. Сеньявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2024. Vol. 46, No 2

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2024

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Репухова О. Ю., Сигаев Д. В.</i>	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ			
<i>Короткий А. Ю.</i>			
Н. Н. Головин об участии России в Первой мировой войне: истоки институционального подхода	8		Органы государственной безопасности в организации местной противовоздушной обороны Карелии в 1930–1942 годах
			81
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ			
<i>Белов А. М., Малинин А. Н.</i>			
Кооперативное движение в Костромской губернии в годы Первой мировой войны.	18	<i>Терентьев В. О.</i>	Артиллерия Южной группы генерала В. Д. Цветаева при обороне Олонца
			87
<i>Дианова Е. В.</i>		<i>Терентьева Е. А.</i>	Зимняя война в освещении французской прессы
Участие кооперативных организаций в кинофикации Карелии в 1920-е годы.	25		96
		<i>Мироничев Е. П.</i>	Значение кандалакшского направления в оперативно-тактическом военном планировании накануне Советско-финляндской войны
<i>Кожевникова Ю. Н.</i>			105
Сумское приходское училище и его роль в обучении клириков Кольского благочиния в первой четверти XIX века.	38	Рецензии	
		<i>Алексеев Т. В., Лосик А. В.</i>	
<i>Васильева А. В.</i>			Рец. на кн.: Охочинский М. Н. Николай Алексеевич Рынин. Его жизнь и работа в области межпланетных сообщений.
Система подготовки туристских кадров в Карелии в 1980-е годы	45		112
		<i>Чикина Н. В.</i>	
<i>Петин Д. П.</i>			Рец. на кн.: Сойни Е. Г. Н. К. Рерих: иероглифы северной жизни
Кадры органов советской юстиции на Кольском Севере в 1920-х годах (на материалах Мурманской области).	52		114
		Научная информация	
VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕТРОЗАВОДСК – ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ: ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ»		<i>Зеленская Ю. Н.</i>	
<i>Веригин С. Г.</i>			Петрозаводск – город воинской славы: итоги работы международной научно-практической конференции
Из истории советской контрразведки: судьба разведчика Василия Кириллова.	64		116
		Contents	118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 29.02.2024. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 45 экз.). Изд. № 17

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

доктор исторических наук,
профессор
Петрозаводский
государственный университет
С. Г. Веригин

Sergei G. Verigin,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (History), Professor,
Petrozavodsk State University

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

В 2023 году в Петрозаводском государственном университете состоялась традиционная VII Международная научная конференция «Петрозаводск – город воинской славы: военная история России в региональном измерении». Основу настоящего номера составляют избранные материалы этой конференции.

Статья С. Г. Веригина (Петрозаводск), написанная на базе рассекреченных архивных документов из фондов Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия, рассказывает о героической и трагической судьбе зафронтового разведчика Карельского фронта Василия Кириллова. На примере его деятельности показаны формы и методы работы советской военной контрразведки по подготовке агентов и заброске их за линию фронта в тыл финских войск. Изучению роли органов государственной безопасности в организации местной противовоздушной обороны в приграничной Карелии в предвоенные и в первые годы Великой Отечественной войны посвящена статья О. Ю. Репуховой и Д. В. Сигаева (Петрозаводск). Значение кандалакшского направления боевых действий в оперативно-тактическом военном планировании накануне Советско-финляндской войны впервые в отечественной историографии анализируется Е. П. Мироничевым (Беломорск). В статье В. О. Терентьева (Санкт-Петербург) на основе российских и финляндских архивных документов, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, раскрывается противоборство советской и финской артиллерии при обороне г. Олонца летом 1941 года. Е. А. Терентьева (Санкт-Петербург) рассматривает основные этапы Советско-финляндской войны в освещении французской прессы.

Кроме данной тематической подборки публикуются статьи в традиционной для журнала рубрике «Отечественная история». В ней следует выделить исследования, посвященные проблемам кооперации. В статье А. М. Белова и А. Н. Малинина (Кострома) представлен анализ деятельности кредитной, потребительской и производственной кооперации в Костромской губернии в годы Первой мировой войны, а Е. В. Дианова (Петрозаводск) показывает участие кооперативных организаций в кинофикации Карелии в 1920-е годы.

Внимание читателей привлекут и другие публикации журнала в рубриках «Историография, источниковедение, методы исторического исследования», «Рецензии» и «Научная информация».

АРТЕМ ЮРЬЕВИЧ КОРОТКИЙ

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
akorotkij46@gmail.com

Н. Н. ГОЛОВИН ОБ УЧАСТИИ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ИСТОКИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

А н н о т а ц и я . Анализируются взгляды русского военного эмигранта Николая Николаевича Головина на участие России в Первой мировой войне. В качестве инструмента анализа служит институциональная теория, которая предполагает выявление взаимосвязи важнейших государственных сфер: политических, военных, экономических и общественных институтов, отраженных в его работах, и позволяет дать оценку их влияния на характер военной борьбы против блока Центральных держав. Целью статьи является поиск ответа на вопрос о том, как, с точки зрения Н. Н. Головина, существующие в начале XX века институты Российской империи определили возможности ее военного противостояния в годы Первой мировой войны. Представлены основные теоретические положения, посредством которых конституировались взгляды русского военачальника, влияние отечественной военной мысли, немецкой военной теории и социологических идей П. А. Сорокина на их формирование. Характеризуя оценки указанных выше институтов Н. Н. Головиным, автор отмечает глубокое понимание военным теоретиком и практиком их общего несоответствия качественно новым условиям ведения войны, в которую оказалась втянута вся страна. Сделан вывод о том, что описываемое бывшим генералом Российской императорской армии положение государственных, военных, общественных и экономических институтов накануне мирового конфликта было серьезным препятствием на пути достижения стратегического успеха в войне. Это обуславливалось тем обстоятельством, что система, укорененная в прошлых формах и хорошо функционировавшая в условиях войн прошлого, совершенно не соответствовала войне нового типа с участием вооруженного народа. Такая логика вела бывшего генерала к признанию неразрешенного противоречия между старыми формами государства и новым масштабным типом вооруженного конфликта, что стало причиной революции.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Н. Н. Головин, историография, военная история, Первая мировая война, послереволюционная эмиграция

Д л я ц и т и р о в а н и я : Короткий А. Ю. Н. Н. Головин об участии России в Первой мировой войне: истоки институционального подхода // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1003

ВВЕДЕНИЕ

«Я хотел <...> выразить мысль – что до сей поры исследователи войны по-прежнему <...> изучают “способы” ведения войны, а не самую войну»¹, – такими словами описывал современное для себя состояние научного исследования войны русский военный эмигрант Николай Николаевич Головин. В своем солидном научном наследии, насчитывающем не один десяток работ, он осуществил специфический анализ связанных с военным делом условий, влияющих на характер принимаемых решений, предпринимаемых действий и их последующие результаты в области военной стратегии. Неудивительно

поэтому, что его творчество, на долгие годы исключенное по идеологическим соображениям из отечественной историографии российского военного прошлого, постепенно становится предметом внимания современных исследователей. На смену отрывочным данным о его биографии и общим характеристикам его заслуг как в до-революционной России и Белом движении, так и в эмиграции [8] приходят более детальные и тщательно выверенные оценки его вклада в полемологию. Среди такого рода работ можно назвать статьи Т. И. Артемьевой, охарактеризовавшей роль Н. Н. Головина, М. И. Драгомирова и Г. Е. Шумкова в становлении отечественной

военной психологии [2], и Р. В. Кузнецова, проанализировавшего головинские оценки эволюции народных настроений в ходе Первой мировой войны, приведшей к крушению «установленного государственного порядка» [9]. Особо следует отметить статью И. А. Анфертьева, показавшего на основе источниковедческого анализа работ Н. Н. Головина многосторонность объяснения им причин революционных потрясений в России [1]. Это наблюдение, как представляется, выделяет его из общей среды исследователей, изучавших войну в тот период времени.

В данной статье в отличие от предшественников я сосредоточу свое внимание не только на анализе причин революционных потрясений, представленном в работах Н. Н. Головина, но и выявлю черты институционального подхода в его исследовании участия Российской империи в Первой мировой войне. Отмечу, что в данном случае важны скорее сама призма рассмотрения или метод исследования, чем область его применения. Несмотря на то что предметом статьи не является институциональная теория, тем не менее следует дать ее общий абрис и кратко охарактеризовать познавательный потенциал. Теория институционализма возникла в период интербеллум. Ее связывают с именами Т. Веблена, Дж. Коммонса и др. [12: 427]. В период формирования институционализм связывался исключительно с экономической сферой, в исследованиях доминировал экономизм, рассматривавший данную область изолированно от остальных. Дальнейшее развитие теория получает уже в 1970-е годы, после чего происходит рост исследований в русле данного направления. Его наиболее видными последователями являлись Д. Норт, Дж. Марч, Дж. Олсен и др. [5]. Именно последние двое сыграли важнейшую роль в расширении применимости данного подхода к другим сферам общества. Подобное расширение взглядов, вкуче с их историзацией [14], привело к конституированию такого направления исследований, как исторический институционализм.

В методологическом плане важно определить значение одного из ключевых понятий, использованных в работе, – институт. Как указывает в своей статье А. А. Белькова:

«Институты <...> понимаются как заданные правила, нормы. В. Штрик и К. Телен фокусировались на изучении формальных институтов и организаций, М. Маркуссен и П. Холл – на неформальных. И формальные, и неформальные институты важны для политики, потому что они определяют, кто участвует в принятии решений и в то же время их стратегическое поведение» [5: 118].

Таким образом, институт следует понимать как совокупность формальных и неформальных практик (правил и норм), в рамках которых происходит принятие решений, определяющих дальнейшее развитие событий. Также не следует забывать о том, что институты оказывают влияние друг на друга, поскольку не являются замкнутыми на себе, а функционируют в определенной общественной среде. В данной статье такой средой будет являться государство – Российская империя начала XX века.

Выделим институты, которые составляют «тело» государства: политические институты, ответственные за принятие основных управленческих решений; экономические институты, определяющие хозяйственно-экономическую деятельность в стране; общественные институты, связанные с выстраиванием и функционированием системы гражданского общества, культуры, образования; правоохранительные институты, обеспечивающие правопорядок на территории функционирования институтов данного государства или охрану внутри; вооруженные силы (военные институты), обеспечивающие безопасность границ государства и институтов, его составляющих, или охрану внешнюю. Данный список, безусловно, не является полным, но достаточен для решения конкретной исследовательской задачи, а именно: как, с точки зрения Н. Н. Головина, существующие в начале XX века институты Российской империи определили характер военного противостояния и его итоги в рамках Первой мировой войны. В данном контексте важно понимать, что во взглядах Н. Н. Головина не содержится в чистом виде институциональная теория, то есть он не формулировал и не применял ее в качестве непосредственного инструментария в своих работах. Речь скорее пойдет о том, что с изменением характера военных противостояний, в первую очередь связанного с невиданным до сих пор размахом действий и вовлечением в них значительных масс народонаселения, изменился взгляд на войну и роль государства. Отныне исход боевых операций решался не мастерством отдельных военачальников или выучкой войск, что свойственно для войн с привлечением профессиональных армий образца прошлых веков, а отлаженностью всего государственного механизма, о чем и писал в своих работах отечественный военный теоретик. В связи с этим некорректно будет оценивать взгляды Н. Н. Головина как институционализм. Скорее уместно говорить об определенной преемственности современного исторического институционализма с его концептуальным видением проблем.

Последний теоретический момент, требующий пояснения, – это ситуация выбора, связанная с принятием того или иного решения в рамках института. Как отмечает А. А. Белькова, в историческом институционализме «в ситуации выбора важны все три фактора: актор, контекст и правила» [5: 118]. Таким образом, ситуация выбора связана с персоналией, контекстом ситуации и правилом или устойчивой практикой решений, принимаемых в системе институтов.

АВТОР И СИСТЕМА ЕГО ВЗГЛЯДОВ

Николай Николаевич Головин (1875–1944) был одним из видных деятелей «Общества ревнителей военных знаний», занимавшегося разработкой военно-теоретических знаний [10]. «Возглавлял группу реформистски настроенных преподавателей Николаевской военной академии и был одним из разработчиков прикладного метода обучения тактике будущих генштабистов» [7: 51]. Имел прекрасную военную и, что важно, общеобразовательную (гуманитарную) подготовку. На различных начальных должностях был участником Первой мировой войны, а позже – Гражданской. В ноябре 1921 года вместе с Русской армией эвакуировался из Крыма. За границей Н. Н. Головин приобрел известность как один из крупнейших военных теоретиков русской эмиграции. С 1922 года он вел «курсы высшего военного самообразования», которые позже переросли в «Зарубежные высшие военно-научные курсы», функционировавшие до начала Второй мировой войны [8].

Для понимания взглядов Н. Н. Головина на военную науку необходимо обратиться к источникам их формирования, каковыми были военная теория, собственный практический опыт и, как это ни странно, увлечение социологией, которое вылилось в конституирование полемологии, в котором Николай Николаевич, как военный теоретик, принял активное участие [11]. Говоря о военной теории и ее роли в обосновании им принципов устройства вооруженных сил, методов ведения боевых действий с учетом различных уровней командования, наставлений для родов войск, стоит заметить, что ключевую роль здесь играет доктрина. Именно в военной доктрине находят изложение все вышеперечисленные вопросы, но, несомненно, важнейшее влияние на доктрину оказывает военная теория. Какие же военно-теоретические знания легли в основу доктринальных представлений Н. Н. Головина? Первое, что стоит отметить, влияние «Науки побеждать» А. В. Суворова. Может показаться странным, что Н. Н. Головин апелли-

ровал к опыту второй половины XVIII века, когда формы ведения военных действий имели совершенно иной вид, но для автора был важен взгляд знаменитого российского полководца на наступательный порыв войск, который, как отмечал Н. Н. Головин, должен прививаться солдатам и младшим офицерам, поскольку в современном бою требуется глубокое проникновение пехоты в оборону противника². Таким образом, теоретик подчеркивал важность преодоления позиционного тупика Первой мировой войны.

Второе – влияние немецкой военной школы. В данном случае стоит выделить двух военных теоретиков – К. фон Клаузевица и Г. фон Мольтке старшего. К. фон Клаузевиц, один из крупнейших военных умов в истории, заложил основы концепции «вооруженного народа», которая с введением системы всеобщей воинской повинности должна прийти на смену малым профессиональным армиям [13]. Оценивая значение К. фон Клаузевица, Н. Н. Головин называл немецкого военного одним из первых, кто обратил внимание на войну как явление социальной жизни³. Концептуально важен терминологический аппарат К. фон Клаузевица. С учетом того, что война XX века стала очень сложной, поскольку в армиях появлялись все новые рода войск и в нее включались все большие массы людей, ключевым становился вопрос о координации их действий. В данном случае термином «трение» К. фон Клаузевиц характеризовал

«концепцию, обозначающую совокупность “неопределенностей, ошибок, случайностей, технических трудностей, непредвиденных обстоятельств, а также влияние, которое они оказывают на решения, моральный дух и действия”» [3].

Таким образом, трение – это то, что отличает войну «действительную», как писал К. фон Клаузевиц, от «бумажной»⁴. По мысли Н. Н. Головина, вся военная доктрина государства должна быть проникнута мыслью об уменьшении трения, для чего необходимо налаживать межвидовое взаимодействие войск.

Влияние другого немецкого генерала-фельдмаршала – Г. фон Мольтке старшего проявляется в том, что Н. Н. Головин называл «единством действий». Обосновывая его, русский военный теоретик отмечал:

«Успех на войне <...> зависит от единства действий. Поэтому в военном деле путь коллективной работы чреват большими опасностями. Гениальность Мольтке и заключается в том, что он находит нужный регулятор. Этим регулятором и должно служить единство доктрины. Для постоянной творческой работы над нею он создает свой Большой Генеральный Штаб»⁵.

В связи с этим благодаря работе коллектива Генерального штаба все офицеры, даже отклонившись от плана в результате трения, будут действовать в соответствии с имеющимися уставами, что приведет все действия к единому пункту. Это, однако, не провоцирует шаблонность действий. Наоборот, обращая внимание на разницу в подходах управления массами войск, которые задают две военные школы – французская и немецкая, именно последнюю Н. Н. Головин признавал «децентрализованной» по своей сути. Следуя немецкой военной теории, он, таким образом, фактически выступал апологетом тотального характера войны, когда в нее вовлечена не только армия, но и все население страны. Данный факт логично вытекал из концепции вооруженного народа, предложенной К. фон Клаузевицем, и послужил основанием для системы массовой мобилизации во время военных действий гражданского населения в вооруженные силы и военную промышленность. Вооруженный конфликт при таких условиях охватывал все стороны жизни общества, что убедительно продемонстрировала Первая мировая война.

Скажем несколько слов о практическом опыте. Первую мировую войну Николай Николаевич начал в должности командующего лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Описывая действия конной бригады, в которую был включен его полк, автор делился собственным опытом боевого управления. Он признавался, что действия офицеров многих полков «были еще более консервативны, чем уставы»⁶. Дело в том, что многие кавалерийские начальники прибегали к тактике «шока», пытаясь атаковать противника в духе войн прошлого века, что Н. Н. Головин критиковал. На основе, с одной стороны, личного опыта действий, с другой – военной истории он пришел к следующему выводу:

«Новая кавалерийская доктрина требовала нового символа веры <...>: 1) кавалерия бьет не силой шока, а быстротой маневра; 2) кавалерия не боится широких фронтов; 3) управление даже небольшими частями принимает характер стратегического руководства»⁷.

Во всех военных кампаниях Н. Н. Головин делал особенный акцент на слаженности действий и маневре, именно это отличает его видение будущей войны.

Наконец, третий элемент конституирования взглядов Н. Н. Головина – серьезное научное увлечение социологией. В данном случае особое влияние, уже в эмиграции, на Николая Николаевича оказал известный отечественный социолог П. А. Сорокин. Именно П. А. Сорокин привлека-

ет Н. Н. Головина к работе «Социальная и культурная динамика» [6].

В труде «Наука о войне. О социологическом изучении войны», изданном в 1938 году, Н. Н. Головин фокусировал внимание читателя на изменившемся характере современной войны, в которую оказывались втянутыми огромные массы народонаселения. Данный фактор в корне изменил все представления о роли государства, общества, экономики в условиях экстремального напряжения, вызванного войной. Кроме того, автор выступал апологетом нового подхода к рассмотрению войны как экстремального явления, лежащего тяжелым бременем на психику человека. Это приводило его к утверждению о важности взгляда на войну «снизу», не через депеши, приказы высшего командования, сводки, а через воспоминания рядовых и младших офицеров⁸. Данный подход можно связать с современной военной антропологией. Он еще больше подчеркивал тотальность нового типа конфликта, поскольку большинство солдат были вчерашними крестьянами, рабочими и студентами, которым после войны необходимо было возвращаться в мирную гражданскую жизнь.

ИНСТИТУТЫ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Предваряя предметный разговор о конкретных институтах, оговорюсь, что взгляды Николая Николаевича имеют системный характер, охватывая многие области общественно-государственной жизни, начиная от военной сферы, государственного устройства, экономического уклада, заканчивая СМИ и образованием. Первым институтом, с которого следует начать анализ, учитывая профессиональную подготовку и опыт Н. Н. Головина, является военный, главная задача которого заключается во внешней защите государства, то есть фактически в обороне других институциональных форм от угрозы извне. Условно, исследование данного института должно отвечать на ряд связанных вопросов: кто защищает? (состав вооруженных сил), как защищает? (военная доктрина и организация армии), чем защищает? (оснащение армии). Рассмотрим, как автор отвечал на данные вопросы.

При ответе на вопрос, кто защищает, на первый план у Н. Н. Головина выходила фигура военного министра В. А. Сухомлинова. Характеризуя его, он отмечал ряд негативных черт, главными из которых были невежественность и легкомыслие. Данные личные качества имели решающее значение в неверной «организации военной мощи»⁹ России. Автор подчерки-

вал, что накануне мировой войны российской армией управлял человек прошлой эпохи¹⁰. С учетом быстрых изменений в военном деле, как в области стратегии и тактики, так и в преобразовании средств ведения боя, это привело к глубокому институциональному отставанию России от Германии в данной сфере. Особо Н. Н. Головин отмечал пагубность частой смены начальников Генерального штаба, которая привела к непоследовательности и бессистемности в подготовке к войне, особенно в плане реализации концепции Клаузевица о вооруженном народе. Закономерно возникал вопрос: как получилось, что такой человек оказался у руля вооруженных сил перед столь большими испытаниями? Именно здесь Н. Н. Головин наметил связь с политическим институтом государства. С его точки зрения, когда после революционных событий 1905–1907 годов в политическом институте верх взяли реакционные силы, у руля армии был поставлен В. А. Сухомлинов, более отвечавший политике «поворота вспять»¹¹. Несомненно, решение о назначении на данный пост мог принять только император Николай II, особо расположенный к военному министру [4: 48]. Указанный факт свидетельствовал о важнейшей особенности всей институциональной среды Российской империи – неформальном характере ее устройства и крайней зависимости от некомпетентных мнений самодержца. Это не единственный негативно характеризующий факт влияния политики на армию, приводимый Н. Н. Головиным.

Вторым было снятие с должности Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, в чем Н. Н. Головин не видел никакой пользы. Однако не этот факт политического влияния на вооруженные силы был худшим. Для Н. Н. Головина таковым, без всякого сомнения, являлся Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, запустивший пролонгированный во времени постепенный развал вооруженных сил России¹². Таким образом, институциональное решение революционного органа власти, принятое без оглядки на положение на фронте, запустило процесс распада армии и флота. Замечу, что, несмотря на подчеркнуто негативное влияние политического института в лице самодержца на армию в данных конкретно-исторических реалиях, для автора вопрос принятия большевистской власти был решенным – ее он принять не мог. Причиной тому являлась пропаганда большевиков, беспрепятственная возможность для которой и была открыта решением конституированных после Февральской революции органов власти.

При характеристике военного института важным для Н. Н. Головина был вопрос о высшем командном составе армии. С одной стороны, он отмечал, что у ряда высших военачальников, например у Н. В. Рузского и А. А. Брусилова¹³, сложилось весьма пренебрежительное отношение к «офицерской и солдатской крови». Лестные характеристики давались генералу М. В. Алексееву, великому князю Николаю Николаевичу, более того, тандем этих двух начальствующих лиц был, по мнению Н. Н. Головина, наиболее успешен¹⁴. Общей институциональной проблемой, ставшей весомой для России в годы войны, стала нехватка офицерских кадров, которая ощущалась еще до нее¹⁵. Все эти проблемы были следствием подготовки вооруженных сил в духе профессиональной, а не массовой армии, по сути, реликта войн прошлого, а не нового века. Таким образом, уже здесь мы видим «эффект колеи», накопления комплекса неправильных решений, которые формируют устойчивое направление, по которому следовала российская армия как до, так и во время войны.

Уделял автор внимание и двум другим связанным вопросам. Первый – об адекватности, а точнее – неадекватности понимания ситуации на передовой и, как следствие, выдвижении непосильных запросов, что являлось подлинным бичом российской армии:

«Это заблуждение¹⁶ получило столь широкое распространение у нас, что многие из высших начальников считали предъявление войскам непосильных требований признаком начальнической энергии. Войскам пришлось дорого заплатить за эту систему “запросов”»¹⁷.

Таким образом, свойственное многим высшим чинам неправильное понимание ситуации на передовой приводило к неправильным решениям и увеличению потерь, что негативно сказывалось на моральном состоянии войск.

Второй вопрос касался проблемы ложных донесений. Н. Н. Головин описывал ее на примере боев в Восточной Пруссии в 1914 году, отмечая, что после первых боев в войсках появилась система ложных или условных донесений¹⁸. Это приводило к разрыву между штабами и войсками на передовой, что стало особенно значимым недостатком функционирования военного института уже после Февральской революции 1917 года.

Один из важных вопросов – о рядовом составе вооруженных сил. Именно здесь наиболее ярко проявлялось влияние общественных или социальных институтов на армию. В данном случае крупнейшими составляющими института являются следующие: акторы, к коим причислим

народные массы, лидеров общественного мнения, прессу; контекст, связанный с разворачивающейся войной и ситуацией на фронте; правила или, как было указано, общий консерватизм в принятии решений. Принимая во внимание тот факт, что в институциональных верхах власти как военной, так и политической не было понимания характера современной войны и, соответственно, подготовка к ней велась лишь ограниченно, то и вся политика в области общественных отношений явно не отвечала духу времени, отличаясь консерватизмом. С учетом того что армии, вступившие в вооруженное противостояние в конце лета 1914 года, были выстроены по системе «вооруженного народа», то есть мобилизации, в их состав были включены огромные массы резервистов, выходцев из разных слоев общества. Для России проблема привлечения народных масс в состав армии была особенно тяжелой, с точки зрения Н. Н. Головина. В ней он выделял несколько аспектов. Во-первых, низкий культурно-образовательный уровень населения. Данный факт как нельзя лучше иллюстрировал неудовлетворительное состояние общественных институтов, главным образом образования, в начале XX века. Как отмечал Н. Н. Головин, «серьезной причиной, затруднявшей для России полное использование ее людского запаса, являлась малочисленность образованных людей и малое просвещение народных масс»¹⁹. Проблема была еще более усугублена властями, освободившими большое число образованных молодых людей от призыва. Подобная ситуация, которая, как может показаться на первый взгляд, проблемой не является, в России выводила из состава потенциальных офицеров и унтер-офицеров большое число кандидатов. Такое решение, принятое еще Д. М. Милютиным при осуществлении военной реформы в России в 1870-х годах, сыграло, по мнению военного теоретика, отрицательную роль уже в годы Первой мировой войны. Н. Н. Головин также отмечал «пропасть» между представлениями о войне, сформированными у российских военачальников институциональным укладом, и действительностью, которую каждый день наблюдали солдаты и младшие офицеры на передовой²⁰. Эта проблема привела в конце войны к значительному расслоению «между солдатским составом и строевым офицерством»²¹.

Важную роль, по мнению Н. Н. Головина, сыграла проблема регионализма, если ее обозначать в современной терминологии. Она являлась следствием провала системы образования в вопросе выстраивания единой национальной

идентичности. Особенно сильно данная проблема вскрылась после Февральской революции, когда представители ряда удаленных от фронта губерний прямо говорили о том, что «немец» до них не дойдет. Эти слова свидетельствовали об отсутствии сознания государственного единства среди людей, но также о недостаточных усилиях власти в вопросе «воспитания» молодой нации²².

Вторая проблема, о которой рассуждал автор, по существу являлась проблемой информационного сопровождения войны в общественном пространстве. В связи с этим Н. Н. Головин выделял следующие моменты: неточность, а подчас ложь о состоянии дел на фронте и влияние тыловых настроений на воинские формирования на передовой. Относительно первого аспекта проблемы автор отмечал, что чем «культурнее государство», тем больше нужно обращать внимания на информационное сопровождение войны²³. Фактически речь шла о пропагандистском направлении работы государственного аппарата. Отсутствие внимания к данной сфере не могло быть компенсировано красивыми победными реляциями. Любой обман и замалчивание ведут к тому, что армия и общество «жестoko за это мстят»²⁴. Особенно ярко автор иллюстрировал данную ситуацию на примере донесений и писем с фронта в тыл, отмечая, что чем дальше от фронта находился адресант, тем более пессимистичную ситуацию он описывал²⁵. Именно эта ситуация, как полагал Н. Н. Головин, приводила к тому, что общественное мнение начинало оказывать влияние на политические институты, которые становились все менее самостоятельными в принятии решения, что, в частности, привело к увольнению великого князя Николая Николаевича, который был очень популярен именно у солдат и офицеров на передовой, с должности Верховного главнокомандующего. Это была еще одна грубая ошибка, явившаяся следствием постепенного расшатывания привычной институциональной среды. Общество, зачастую исходя из положительных устремлений, провоцировало лишь усложнение обстановки в стране. В результате и без того неудачных министров император менял на еще более некомпетентных. Характеризуя положение второй половины 1916 года, автор также отмечал, что власти подозревали «лучших элементов» в оппозиционности²⁶. Таким образом, по мнению Н. Н. Головина, к концу 1916 года вся институциональная среда, до того времени с трудом, но выдерживавшая тяжесть величайшего военного конфликта в истории, начинала шататься.

Характеризуя экономические институты России, Н. Н. Головин писал:

«Мы начали настоящую главу с указания на то, что причины кризиса <...> были двух родов: одни являлись следствием объективных условий, другие должны быть отнесены к неумению наших руководящих верхов “предвидеть” и “организовывать”»²⁷.

Он отмечал, что проблемы России были связаны с двумя концептуальными аспектами: трудностями, вызванными войной, и особенностями развития страны в довоенный период, те самые «объективные» причины и проблемы акторов институтов, абсолютно неготовых к принятию сложных решений в тяжелейший для страны момент. Пожалуй, не в одной другой области второй аспект не проявился столь четко, как в сфере экономики. Именно в годы Первой мировой войны Российская империя встретила с колоссальным дефицитом всего необходимого для ведения войны с участием вооруженного народа. Как же сказало институциональное влияние на экономической сфере и какое воздействие она сама оказала на другие институты общества?

Первое, что отмечает Н. Н. Головин, – нехватка квалифицированных рабочих для предприятий оборонного профиля. С началом боевых действий неминуемо происходит мобилизация, которая из-за невключенности в вопрос такого актора, как Военное министерство, приводит к тому, что в ряды вооруженных сил забирают в том числе высококвалифицированных рабочих. Несомненно, что они принесли бы куда большую пользу своей стране в тылу, работая на оборонных предприятиях. Однако из-за невнимательности министерства, непонимания им ситуации²⁸ эти работники были переведены в строевые подразделения вооруженных сил. Ссылаясь на мнение компетентного генерала А. А. Маниковского, начальника Главного артиллерийского управления, Н. Н. Головин отмечал, что, когда был поставлен вопрос о возвращении этих людей в строй, министерство всячески отказывалось это делать²⁹. Причина заключалась в том, что не была готова законодательная база, то есть Россия институционально оказалась не готова к войне нового типа. Несомненно, данный фактор негативно сказался на производстве боеприпасов для армии и послужил одной из причин снарядного голода в 1915 году, то есть прямо в разгар наступления австро-германских войск на фронте. Началось Великое отступление российской армии, приведшее к падению духа тыла, который, как было сказано выше, начинал негативно влиять на ситуацию в войсках.

Следующая проблема была связана с мобилизацией тыла и переводом экономики на военные рельсы. Данные меры, являющиеся нормой для воюющей державы, в России приняты не были и, более того, постоянно встречали сопротивление со стороны ряда влиятельных лиц, особенно В. А. Сухомлинова. Организация такого сложного процесса, как экономическая мобилизация, требует создание координирующего все мероприятия центра, однако он не был создан. Это является свидетельством консерватизма в принятии решений в стране. Н. Н. Головин приводил мнение исследовавшего процесс промышленной мобилизации России подполковника Ф. Ребуля, который считал, что отсутствие руководящего центра являлось главной проблемой всей тыловой работы страны в годы войны³⁰. Автор приходил к неутешительным выводам, что главной причиной плохого снабжения была неподготовленность руководства³¹.

Решения очень сильно запаздывали во времени, принимались в спешке, не предупреждая появления проблем. Лишь в середине 1915 года, как отмечал Н. Н. Головин, при большом противодействии бюрократических кругов³² было создано Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. С назначением на должность военного министра А. А. Поливанова, который пошел навстречу новому учреждению, удалось преодолеть острейший кризис в снабжении фронта. Однако наметившееся решение сложных институциональных проблем и преодоление «эффекта колеи» вызвали недовольство высших кругов, выступивших против усиления общественного влияния в области экономики и общей включенности в войну. Судя по всему, представители политических институтов, влияние в которых принадлежало условно старому правящему классу, были недовольны усилением общества, особенно земских учреждений, и созданным для координации экономики Военно-промышленным комитетом. Автор заключал, что сложившаяся ситуация внутреннего противостояния во власти привела к социальному процессу «изоляции правительства»³³. Государственные институты оказались отчуждены от собственного общества. Фактически страна находилась на грани катастрофы, которая произошла в 1917 году. Общество взяло реванш у старых государственных институтов. Правда, этим не преминули воспользоваться радикальные политические силы. В итоге Н. Н. Головин подводил своих читателей к выводу об устарелости монархической формы правления, ее неспособности вынести конфликт тотального характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким представляется видение Н. Н. Головиным институциональных проблем России в преддверии и во время Первой мировой войны. Военный теоретик считал, что одной из важных проблем являлись «примитивные» формы организации на уровне государственного управления, которые служили помехой для совместной работы с общественностью. Последняя, в связи с тотальным характером войны, становилась крайне важным элементом всего государственного ме-

ханизма. Более того, не только правительство, но и народные массы были не готовы к современным формам и способам управления, особенно необходимым в конкретных условиях мировой войны. В результате из-за собственной неспособности преодолеть внутренние противоречия в условиях тяжелейшего военного противостояния все существующие институты продолжали работать «как раньше», идя по собственной колее, которая, по мнению Н. Н. Головина, привела Россию к революциям.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Головин Н. Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж: Изд-во газеты «Сигнал», 1938. С. 21–22.
- ² Головин Н. Н. Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной силы. Общие основания. Белград: Изд-е Русского военно-научного института, 1939. С. 13.
- ³ Головин Н. Н. Наука о войне... С. 19.
- ⁴ Там же. С. 48.
- ⁵ Головин Н. Н. Мысли... С. 8.
- ⁶ Головин Н. Н. Современная конница. Белград: «Военный сборник» О.Р.В.З., 1923. С. 7.
- ⁷ Там же. С. 8.
- ⁸ Головин Н. Н. Наука о войне... С. 97–158.
- ⁹ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне: В 2 т. Т. 1. Париж: Товарищество объединенных издателей, 1939. С. 24–25.
- ¹⁰ Накануне войны в военной иерархии, помимо императора (он не принимал участия в военном планировании, организации обеспечения, выработке уставов и т. д.), важнейшую роль играли два человека: военный министр и начальник Генерального штаба. Однако, по причине «чехарды», связанной с постоянной сменой начальника Генерального штаба, он не оказывал большого воздействия на армию.
- ¹¹ Головин Н. Н. Военные усилия... Т. 1. С. 24.
- ¹² Там же. Т. 2. С. 183.
- ¹³ Там же. Т. 1. С. 152.
- ¹⁴ Там же. Т. 2. С. 155.
- ¹⁵ Там же. Т. 1. С. 49.
- ¹⁶ В данном случае Н. Н. Головин рассуждал о том, что некоторые офицеры полагали, будто войска на передовой не делают все, что в их силах.
- ¹⁷ Головин Н. Н. Наука о войне... С. 127.
- ¹⁸ Там же. С. 128.
- ¹⁹ Головин Н. Н. Военные усилия... Т. 1. С. 41.
- ²⁰ Следствие проблемы недостаточного привлечения грамотных кадров в армию еще до войны, о чем говорилось выше.
- ²¹ Головин Н. Н. Наука о войне... С. 126.
- ²² Головин Н. Н. Военные усилия... Т. 2. С. 121.
- ²³ Головин Н. Н. Мысли... С. 25.
- ²⁴ Там же. С. 26.
- ²⁵ Головин Н. Н. Военные усилия... Т. 2. С. 144–145.
- ²⁶ Там же. С. 62.
- ²⁷ Там же. С. 49.
- ²⁸ Считалось, что созданных запасов военного имущества достаточно и война не продлится долго.
- ²⁹ Головин Н. Н. Военные усилия... Т. 2. С. 50.
- ³⁰ Там же. С. 51–52.
- ³¹ Там же. С. 53.
- ³² Там же. С. 54.
- ³³ Там же. С. 62.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анфертьев И. А. Н. Н. Головин о причинах поражения Российской империи в Первой мировой войне: источниковедческий аспект // Вестник архивиста. 2014. № 4. С. 75–91.
2. Артемьева Т. И. О становлении и развитии отечественной военной психологии: дореволюционный период // Человек и мир. 2018. Т. 2, № 1. С. 73–101.

3. Бангей С. Клаузевиц и трение // ВикиЧтение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://econ.wikireading.ru/hMikTnYA9s> (дата обращения 01.11.2023).
4. Бей Е. В., Евдокимов А. В. Министерская чехарда. Последние военные министры Российской империи // Военно-исторический журнал. 2020. № 3. С. 46–53.
5. Белькова А. А. Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2014. № 7. С. 117–121.
6. Быков А. С. Питирим Сорокин и Николай Головин – ученые в изгнании. Грани научного сотрудничества // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения): Междунар. науч. конф., Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г.: Сб. науч. тр. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 30–37.
7. Ганин А. В. Подготовка кадров Генерального штаба в русской эмиграции межвоенного периода (1921–1939 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 11. С. 46–51.
8. Квакин А. В. Головин Николай Николаевич // Русская национальная философия в трудах ее создателей [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/golovin_nn.html (дата обращения 31.10.2023).
9. Кузнецов Р. В. «Революция опрокинула установленный государственный порядок» // Военно-исторический журнал. 2022. № 3. С. 58–65.
10. Латышов С. Л. Общество ревнителей военных знаний // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2675807 (дата обращения 31.10.2023).
11. Мартянова Н. А., Рубцова М. В., Цыплакова О. Г. Полемиология как учебная дисциплина: новые вызовы для социологического образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 8. С. 114–121.
12. Мелихов В. Ю., Осадчая Т. Г. Основные этапы развития институциональной теории // Вестник ТГУ. 2011. № 12. С. 427–432.
13. Харман Г. Введение в Клаузевица // Логос. 2019. Т. 29, № 3. С. 25–58.
14. Чеканцева З. А. Path dependence, политика времени и метаморфозы истории // Вестник Пермского университета. 2020. № 3. С. 5–15.

Поступила в редакцию 24.12.2023; принята к публикации 29.01.2024

Original article

Artyom Yu. Korotkiy, Postgraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
akorotkiy46@gmail.com

NIKOLAY GOLOVIN ON RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE FIRST WORLD WAR: ORIGINS OF THE INSTITUTIONAL APPROACH

Abstract. The article analyzes the views of the Russian military emigrant Nikolay Nikolaevich Golovin on Russia's participation in the First World War. The analysis tool is the institutional theory, which involves identifying the relationship between the most important public spheres: political, military, economic, and social institutions reflected in his works, and allows us to evaluate their influence on the nature of the military struggle against the bloc of the Central Powers. The purpose of the work is to find an answer to the question of how, from Golovin's point of view, the institutions of the Russian Empire in the early XX century determined the possibilities of its military confrontation with its opponents during the First World War. The author characterizes the main theoretical principles through which the views of the Russian military leader were constituted, and demonstrates the influence of domestic military thought, German military theory and the sociological ideas of Pitirim Alexandrovich Sorokin on their formation. Characterizing Golovin's evaluations of the aforementioned institutions, the researcher emphasizes the military theorist and practitioner's deep understanding of their general inconsistency with the qualitatively new conditions of waging a war which the entire country was drawn into. As a result, the author comes to the conclusion that the situation with state, military, social, and economic institutions on the eve of the world conflict described by the former general of the Russian Imperial Army was a serious obstacle to achieving strategic success in the war. This was due to the fact that the system rooted in the past forms and, accordingly, functioning well during the previous wars, was completely inconsistent with a new type of war involving an armed people. This logic led the former general to recognize the unresolved contradiction between the old forms of state and a new large-scale type of armed conflict, which eventually caused the revolution.

Key words: N. N. Golovin, historiography, military history, World War I, post-revolutionary emigration

For citation: Korotkiy, A. Yu. Nikolay Golovin on Russia's participation in the First World War: origins of the institutional approach. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1003

REFERENCES

1. Anfertiev, I. A. N. N. Golovin on the causes of the Russian Empire' defeat in World War I: a source study. *Herald of an Archivist*. 2014;4:75–91. (In Russ.)
2. Artemyeva, T. I. On the formation and development of domestic military psychology: pre-revolutionary period. *The Man and the World*. 2018;2(1):73–101. (In Russ.)
3. Bangey, S. Clausewitz and friction. *Wikimedia Commons*. Available at: <https://econ.wikireading.ru/hMikT-nYA9s> (accessed 01.11.2023). (In Russ.)
4. Bey, Ye. V., Yevdokimov, A. V. Cabinet reshuffles. The last war ministers of the Russian Empire. *Military History Journal*. 2020;3:46–53. (In Russ.)
5. Belkova, A. A. Historical institutionalism – a new trend in historical researches. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*. 2014;7:117–121. (In Russ.)
6. Bykov, A. S. Pitirim Sorokin and Nikolai Golovin – scientists in exile. Aspects of scholarly cooperation. *Pitirim Sorokin and paradigms of global development of the XXI century (celebrating the 130th anniversary of Pitirim Sorokin): International research conference, Syktyvkar, 10–12 October 2019*. Syktyvkar, 2019. P. 30–37. (In Russ.)
7. Ganin, A. V. Training of the General Staff's personnel within the Russian emigration during the interwar period (1921–1939). *Military History Journal*. 2015;11:46–51. (In Russ.)
8. Kvakina, A. V. Golovin Nikolay Nikolaevich. *Russian national philosophy in the works of its creators*. Available at: http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/golovin_nn.html (accessed 31.10.2023). (In Russ.)
9. Kuznetsov, R. V. “The revolution upset the established state system”. General N. N. Golovin on the evolution in the mood of Russia's public with regard to the 1914–1917 war. *Military History Journal*. 2022;3:58–65. (In Russ.)
10. Latyshov, S. L. Society of Zealots of Military Knowledge. *Great Russian Encyclopedia*. Available at: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2675807 (accessed 31.10.2023). (In Russ.)
11. Martianova, N. A., Rubtsova, M. V., Tsyplakova, O. G. Polemology as an academic discipline: new challenges for sociological education. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2023;8:114–121. (In Russ.)
12. Melikhov, V. Yu., Osadchaya, T. G. Main development stages of institutional theory. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2011;12:427–432. (In Russ.)
13. Harman, G. An introduction to Clausewitz. *Logos*. 2019;29(3):25–58. (In Russ.)
14. Chekantseva, Z. A. Path dependence, politics of time and metamorphosis of history. *Perm University Herald*. 2020;3:5–15. (In Russ.)

Received: 24 December 2023; accepted: 29 January 2024

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ БЕЛОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры истории
Института гуманитарных наук и социальных технологий
Костромской государственной университет
(Кострома, Российская Федерация)
belovi_1957@mail.ru

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ МАЛИНИН

аспирант кафедры истории Института гуманитарных наук
и социальных технологий
Костромской государственной университет
(Кострома, Российская Федерация)
andrei.malinin99@mail.ru

КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А н н о т а ц и я . Важной стороной жизни российского общества в годы Первой мировой войны стала деятельность кооперативных организаций. Начиная с хозяйственной стороны и заканчивая культурно-просветительской, кооперативы проделали огромную работу при переходе страны на военные рельсы. Время показало важность деятельности подобных организаций в условиях кризиса, вызванного внешними факторами. Кооперативы помогали населению в борьбе с дороговизной продовольствия, изготовлении товаров для действующей армии и предметов потребления местного населения, делая их доступными для простого обывателя. Целью исследования является анализ деятельности кредитной, потребительской и производственной кооперации в Костромской губернии в годы Первой мировой войны. Выявлены основные направления работы кооперативных организаций в губернии, а также трудности, с которыми им приходилось сталкиваться. Это помогает понять, как именно кооперативы содействовали фронту и мирному населению в сложный для страны период. Данная тема не была объектом специального исследования в историографии, что определяет научную новизну статьи. Были использованы проблемно-хронологический и историко-системный методы, которые позволяют увидеть генезис состояния и развития кооперации в годы Первой мировой войны.
К л ю ч е в ы е с л о в а : Первая мировая война, кооперативное движение, Костромская губерния, земство, борьба с дороговизной, продовольственное снабжение

Д л я ц и т и р о в а н и я : Белов А. М., Малинин А. Н. Кооперативное движение в Костромской губернии в годы Первой мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 18–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1004

ВВЕДЕНИЕ

Тема развития кооперативного движения в дореволюционной России стала активно исследоваться в начале XX века видными теоретиками кооперации. Среди них, в частности, можно отметить В. Ф. Тотомианца¹, А. В. Чайнова [13], М. И. Туган-Барановского [11] и М. Л. Хейсина². Дореволюционная историография поднимала различные вопросы становления и развития российской кооперации, но по понятным причинам так и не охватила период Первой мировой войны. Данный пробел стал восполняться лишь в 1990-е годы. Особое внимание стоит обратить на монографии А. В. Лубкова [8] и А. П. Корелина [5]. Авторы рассмотрели многие стороны хозяйственной и культурно-просвети-

тельской деятельности кооперативных организаций, показали динамику их роста, взаимоотношения с властью и земскими учреждениями, трудности, с которыми приходилось сталкиваться в процессе деятельности. Особое развитие тема получила в научных статьях последних десятилетий. Исследователи стали чаще использовать местный материал. Так, на сегодняшний день заложены основы по изучению кооперации в годы войны в Поволжье [2], [3], Сибири [1], [10], Дагестане [4], Псковской губернии [6], [7] и др. Примечательно, что А. В. Лубков использовал сведения о кооперации Центрального промышленного района России, включая Костромскую губернию. Однако он не рассматривал кооперативные организации в полном объеме.

Деятельность кооперативов в российской провинции отражена в разнообразных источниках. Историю кооперации в военный период в пределах Костромской губернии позволяют проследить как периодическая печать, так и материалы, издаваемые кооперативами и земствами. В частности, среди них стоит выделить «Известия Костромского губернского земства», журнал «Костромской кооператор», газеты «Поволжский вестник», «Костромские губернские ведомости», а также протоколы, отчеты и доклады Союза кооперативов Кинешемского района. Эти источники составили основу для данной статьи.

* * *

1 августа 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну, которая закончилась для нее в марте 1918 года. За годы войны российское общество смогло проявить себя с разных сторон, начиная с деятельности общественных организаций и заканчивая филантропическими усилиями частных лиц. На первых порах в российском обществе имел место патриотический подъем как в центре, так и на местах. «Известия Костромского губернского земства» отмечали, что война вызвала «небывалый подъем русского национального самосознания»³.

Первые военные месяцы стали тяжелым испытанием для многих общественных организаций, включая кооперативы. Кооперативная система испытала кризис. Начало войны вызвало общественный ажиотаж, повлиявший на кооперативы, была парализована деятельность ряда «вполне, казалось бы, дееспособных товариществ, обществ и артелей» [5: 287]. Ситуацию усугубила и всеобщая мобилизация, которая создала самый «критический» момент в народно-хозяйственной жизни страны. С одной стороны, мобилизация рекрутирует многие профессиональные кадры кооперативных организаций. С другой – нарушает «правильное товарное обращение» вследствие загруженности путей сообщения перевозками войск, военных снарядов и припасов для фронта⁴. Ситуация стабилизировалась только к концу 1914 – началу 1915 года.

В российской провинции земские и кооперативные учреждения, понимая всю серьезность войны для экономики страны, за короткий промежуток времени смогли сформулировать задачи своей дальнейшей деятельности. В октябре 1914 года на страницах журнала «Костромской кооператор» – периодического издания Костромского центрального сельскохозяйственного общества – появилась статья «Объединяйтесь!». В статье отмечалось, что «потребуется много усилий и труда, чтобы привести в порядок го-

сударственный механизм». Авторы призывали народ объединяться в кооперативы, создавать «как можно больше» кредитных товариществ и потребительских лавок с целью успешной борьбы с «дороговизной жизни»⁵.

За годы войны в губернии наметилась тенденция к росту кооперативных организаций. Если на 1 сентября 1914 года насчитывалось 525 кооперативов⁶, то в начале 1916 года их было уже 641⁷. Первые места занимали кредитная и потребительская кооперация, что отражало потребность мелких производителей в финансовой взаимопомощи и стремлении приобрести товары по доступным ценам, ограждая себя от спекуляции частных торговцев. Кооперативное движение накануне и в годы войны примечательно тем, что появилась потребность в образовании губернских, уездных и районных союзов [9: 101]. В частности, в годы войны в Костромской губернии действовали: Костромское центральное сельскохозяйственное общество, Шунгенский союз кооперативов, Союз кооперативов Кинешемского района, Костромской союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, Буйское районное товарищество кооперативов. В союзы входили не только кооперативы Костромской губернии. Так, Кинешемский союз распространил свое влияние и на некоторые уезды Владимирской губернии (Шуйский, Юрьевский и Ковровский уезды)⁸.

Кооперативы, как правило, состояли из крестьян. Однако из-за большого процента неграмотности среди крестьянства в деле организации кооперации существенную роль оказывали представители интеллигенции. Неслучайно «Костромской кооператор» обратился к интеллигенции с призывом о помощи в разъяснении народу «громادного значения, которое имеет объединение». По словам кооператоров, именно русская интеллигенция всегда «была чувствительна ко всем переживаниям своего народа»⁹. Встречались ситуации, когда основателями, председателями и счетоводами кооперативных организаций были и священники¹⁰. В то же время Союз кооперативов Кинешемского района отмечал в сельских обществах большой недостаток работников, особенно счетоводов¹¹.

С первых дней войны активную помощь власти в снабжении материалами и продовольствием армии и общества стали оказывать земские учреждения. Уже осенью 1914 года наблюдалось стремление земств и кооперативов действовать сообща. Так, земство Костромской губернии, затрагивая вопрос обеспечения действующей армии всем необходимым (оружие, одежда, продовольствие), отмечало, что во всей этой работе следует опираться только на производственные

кооперативы в силу того, что им «чужды голые мотивы наживы» и в их деятельности «исключен личный интерес»¹². Губернское земство обратилось к производственным кооперативам с предложением принять на себя заготовку обуви и теплой одежды для действующей армии. Этим и объясняется рост производственной кооперации в военный период. В частности, заказы на кожаную обувь были переданы сапожным артелям. Активно включились в работу Ветлужская сапожная артель (100 пар ежемесячно), Макарьевская сапожная артель (250 пар), Вершининская сапожная артель (250 пар)¹³. В феврале 1915 года «Известия Костромского губернского земства» сообщали, что для производства кожаной обуви были образованы шесть временных товариществ в Макарьевском, Костромском и Нерехтском уездах¹⁴. Интересно, что поставщиками обуви и одежды выступали не только производственные кооперативы. Например, поставки валяных сапог и полушубков были выполнены кредитными товариществами, которые взяли на себя посреднические операции по сбыту товаров¹⁵.

В феврале 1915 года, когда обострился вопрос с дороговизной хлеба, вызванный спекуляцией хлеботорговцев, кооперативные союзы всерьез задумались об устройстве собственных мельниц. Губернская касса мелкого кредита инициировала созыв 24 февраля совещания представителей крупных кооперативных союзов губернии, потребительских обществ земских служащих и потребительских обществ при Кашинской и Зотовской фабриках. Совещание признало желательной постройку двух мельниц – в Костромском и Кинешемском уездах. Однако возник спор по поводу того, где именно будет располагаться мельница в Костромском уезде – г. Костроме или с. Шунге¹⁶. Вместе с тем кооперативам было сложно собрать средства для постройки собственных мельниц. 22 января 1916 года губернская земская управа решила выдать Костромскому центральному сельскохозяйственному обществу ссуду на постройку мельницы в размере 50 тыс. руб.¹⁷, а Кинешемский союз в 1916 году арендовал мельницу¹⁸.

Кооперативные организации были ограничены в собственных средствах. С этой проблемой кооперации помогало справляться земство, выдавая обществам, товариществам и артелям ссуды. Земство было заинтересовано в расширении сельского хозяйства губернии в годы войны и шло кооперативам навстречу. Так, учитывая рост маслодельных и сыроваренных артелей в 1915 году, губернская земская касса мелкого кредита решила организовать агрономическое совещание с представителями кооперативов. На нем планировалось обсудить положение мас-

лодельной и сыроваренной кооперации в Костромской губернии, формы содействия ей со стороны земства, организацию сбыта товаров, улучшение техники производства, а также другие вопросы организации молочных артелей¹⁹.

Были и случаи личной неприязни земских деятелей к кооператорам, что затрудняло совместную работу. В феврале 1915 года пошел слух о том, что кооператор А. И. Зимин, один из крупных деятелей Костромского центрального сельскохозяйственного общества, по каким-то причинам не устраивает земских деятелей. Они, «как это выяснилось на годичном собрании шунгенского союза кооперативов, желают его отстранить от дел». В то же время один из «влиятельных деревенских кооператоров» сказал, что если А. И. Зимин будет трудиться в кооперативах, то «земство никогда не пойдет нам навстречу»²⁰. Однако это факт никак не повлиял на дальнейшую деятельность А. И. Зимины.

Несмотря на помощь со стороны земских учреждений, кооператоры отмечали факты, когда им по той или иной причине в помощи было отказано. В частности, когда в Шунгенской волости Костромского уезда заработали первые овощесушилки, в местной печати появилась информация о том, что они были построены исключительно на средства кооперативов. Земство «не только отказало в материальной поддержке, но даже вообще признало эти новые предприятия в области производительной кооперации в волости нежизнеспособными»²¹.

Кооператоры гордились тем, что могут действовать и собственными силами. Это проявлялось при организации помощи пострадавшим от войны. Так, одно из обществ Кинешемского уезда ассигновало на это дело «единодушно» 200 руб., а общество потребителей при Большой Костромской льняной мануфактуре (г. Кострома) и Николо-Шангское кредитное товарищество (Ветлужский уезд) обустроили 20 коек в лечебных заведениях для раненых солдат, расходы по оборудованию которых исчислялись обычно от 50 до 150 руб. за одну койку²². Деятельность самих кооперативов вызывала у земств немало вопросов. В частности, они критиковали те организации, которые распределяли продукты только между своими членами, тем самым закрыв к ним доступ для «посторонних», то есть людей, которые по тем или иным причинам не вступили в общества²³. Особое внимание привлекла деятельность Ветлужского общества потребителей. «Известия Костромского губернского земства» отмечали, что этому обществу чужды идеи кооперации: оно «все время идет в ногу с местными купцами в деле повышения цен на товары, а случается – и нередко! – что обгоняет их»²⁴.

Другой проблемой в деятельности кооперации стала строгая регламентация со стороны властей. Кооперативы имели право действовать только в тех населенных пунктах, которые были указаны в учредительном уставе. Если возникала необходимость расширить границы района своей деятельности, кооператив должен был получить специальное разрешение. Так, «Костромские губернские ведомости» информировали читателей, что Мирохановскому кредитному товариществу (Чухломской уезд) было разрешено присоединить к району кооператива селения Кусенево и Анофрево Алешковской волости²⁵. Примечательно, что жесткая регламентация мешала не только кооперативам, но и земствам. Газета «Поволжский вестник» 4 января 1917 года сообщает интересный случай, произошедший на Юрьевецком уездном земском собрании. При обсуждении вопроса о передаче школьной библиотеки кооперативам у членов земства возникли сомнения. Они полагали, что это вряд ли возможно сделать «без разрешения министерства», а один из руководителей земства В. А. Плеханов «убеждал собрание отнестись осторожнее к изменению принципов деятельности земств в библиотечном деле». В итоге земское собрание признало передачу школьных библиотек кооперативам нежелательной и решило ограничиться выдачей местным кооперативам пособий по 100 руб.²⁶

Кооперативные организации в годы войны проявили себя и в культурно-просветительской деятельности. Наибольшую популярность приобрела идея обустройства собственных народных домов. Они привлекали кооператоров своей многофункциональностью. Так, в народном доме можно было проводить общие собрания кооперативов, народные чтения, беседы, лекции, устраивать спектакли, литературные и музыкальные вечера, поместить библиотеку-читальню и чайную, а также правления разных кооперативов. Однако стоимость такого здания обходилась в 3–5 тыс. руб., что было слишком затратным для многих кооперативов. Поэтому приходилось обращаться за помощью к другим учреждениям. Известны ходатайства кооперативов о ссудах на постройку народных домов в губернскую кассу мелкого кредита²⁷.

Примечательно, что для обустройства народных домов свои усилия могли объединять кооперативы разных видов. Так произошло в селе Сеготь Юрьевецкого уезда. В селе действовали три кооператива: кредитное товарищество, сельскохозяйственное общество и общество потребителей. Они поддерживали друг друга. В частности, потребительское общество субсидировало библиотеку-читальню сельскохозяйственного общества. Кооперативы размещались в малоприв-

способленных, взятых в аренду помещениях, поэтому на совместном заседании было решено общими силами построить народный дом. В нем должны были быть: зал для общих собраний всех кооперативов, лекций, чтений, спектаклей и пр.; библиотека-читальня; телефонный пункт; правления кооперативов. Члены кооперативов решили, что постройку народного дома осуществит кредитное товарищество, которое берет на свою ответственность ссуду в 3 тыс. руб. из губернской кассы мелкого кредита. Остальные кооперативы обязались взять соответствующие долговые обязательства²⁸. Данная ситуация прекрасно демонстрирует сущность кооперации, когда взаимопомощь и взаимодействие трех кооперативов, не стремившихся к личной выгоде, приносили положительные результаты.

Как показывают источники, кооператорам не были чужды и политические вопросы. Однако до Февральской революции 1917 года это проявлялось не очень часто. Так, в конце августа 1915 года Костромское центральное сельскохозяйственное общество при субсидии губернского земства смогло организовать губернский кооперативный съезд. Делегатами была составлена телеграмма на имя председателя Государственной Думы следующего содержания: «Съезд признает, что успешная оборона страны невозможна без немедленной перемены министерства и замены его людьми, пользующимися доверием народа». Телеграмма была адресована председателю Государственной Думы М. В. Родзянко и депутату А. Ф. Керенскому²⁹. 7 мая 1916 года на собрании Союза кооперативов Кинешемского района В. В. Бармаш, представитель Котловского общества, прямо говорил, что правительство оказалось слабым как в организации необходимых условий для нужд раненых солдат, так и в вопросах просвещения народа. Рассуждая о будущем мирном времени, он подчеркнул:

«Необходимость борьбы за лучшие условия жизни вызывается еще и тем обстоятельством, что здесь на родине мы должны подготовиться к встрече тех, кто должен возвратиться, когда окончится война. Тот, кто видел смерть перед собой, не сможет быть рабом»³⁰.

Именно поэтому, по его словам, союз должен смело идти вперед к возрождению «новой, свободной России»³¹. Вместе с тем в печати вскоре появилось сообщение, что председатель ревизионной комиссии союза Бармаш был выслан за пределы Костромской губернии³².

В конце февраля 1917 года кооператоры уже не скрывали своих политических убеждений. 28 февраля, когда в Кострому поступили первые сведения о революционных выступлениях в Петрограде, в помещении Костромского

центрального сельскохозяйственного общества состоялось совещание. На нем, в частности, присутствовали эсер А. И. Зимин и будущие лидеры меньшевиков (Н. И. Воробьев) и большевиков (С. С. Данилов). Принятый совещанием план действий был далек от деятельности кооперативов: во-первых, было решено оповестить о революционных событиях население, выпустив листок, во-вторых, утром 1 марта отправиться на фабрики и провести там агитацию за выборы представителей в Совет рабочих депутатов [12: 13]. Интересно, что позже, в июне 1917 года, правлению общества пришлось оправдываться перед ревизионной комиссией, почему ее деятельность имеет много «дефектов». Правление заявило, что «с апреля месяца оно было отвлечено от работ по обществу революцией», но теперь работы правления «опять вошли в свою колею»³³.

Деятельность кооперативов продолжалась и в условиях Октябрьской революции. В сентябре 1917 года земство обратилось к кооперативам с призывом о помощи армии и местному населению. Испытывая острую нужду в продуктах, земство попросило кооперативы взять в свои руки заготовку яиц³⁴. В декабре того же года Костромское центральное сельскохозяйственное общество организовало кружок, цель которого состояла в просвещении «преимущественно деревенского» населения посредством чтений, театральные представления, собеседований и пр.³⁵

Революционные настроения вызывали трудности у кооперативов. Отсутствие товаров на рынке и высокие цены на продукты деревенские жители зачастую ставили в вину кооперативам. Так, в селе Ошма (Ветлужский уезд) от «дикой деревенской массы» пострадала лавка потребительского общества. Прибывшие из армии в отпуск местные солдаты, «наслушавшись глупых и лживых выкриков о разных кознях буржуазии», стали проводить агитацию против лавки с угрозами ее разгрома. Они заявили местному населению, что лавка их грабит, а члены общества часто собираются на совещания лишь за-

тем, чтобы сговориться, как бы дороже продать свой товар³⁶. Несмотря на это, кооперативы продолжили свою привычную деятельность в надежде на преодоление возникших трудностей. Так, с 28 по 30 марта 1918 года проходило собрание Костромского центрального сельскохозяйственного общества, куда входили 432 кооператива. Признавая «хаос разрушения», собрание поставило перед обществом большие задачи в хозяйственной и культурно-просветительской сфере. В частности, решено было открыть кондитерско-конфетную фабрику и маслобойный завод, а также организовать народный университет в Костроме, а в деревнях – сельские школы грамоты для взрослых³⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В годы Первой мировой войны кооперативное движение в Костромской губернии проявило себя во многих направлениях, начиная с хозяйственных вопросов и заканчивая культурно-просветительской деятельностью, разделив тяжесть военного времени со всей страной. Кооперативные организации приняли непосредственное участие в оказании помощи армии и мирному населению губернии. На всех этапах войны они брали на себя задачи по выпуску продуктов и товаров первой необходимости, находились в постоянном поиске решения проблем дороговизны. Кооперативы решали вопросы, связанные с обустройством народных домов, организацией просветительских мероприятий. Примечательно, что кооператоров интересовали и политические вопросы, что объясняет их активную политическую деятельность после февральских событий 1917 года. Во многом деятельность кооперации осуществлялась благодаря плодотворному сотрудничеству с земскими учреждениями, обладавшими необходимыми материальными средствами. Совместная деятельность кооперативов и земств прослеживалась на протяжении всего военного времени, облегчая адаптацию к трудностям войны жителям Костромской губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тотомианц В. Ф. Кооперация в русской деревне. М.: М. и С. Сабашниковы, 1912. 454 с.

² Хейсин М. Л. Кредитная кооперация в России. Пг.: Мысль, 1919. 199 с.

³ Война и производственная кооперация // Известия Костромского губернского земства. Сентябрь – Октябрь 1914 г. № 9–10. С. 43.

⁴ Кредитная кооперация и война // Известия Костромского губернского земства. Август 1915. № 8. С. 16.

⁵ Объединяйтесь! // Костромской кооператор. 23 октября 1914. № 16–18. С. 5.

⁶ Число кооперативов в Костромской губернии на 1 сентября 1914 г. // Известия Костромского губернского земства. Декабрь 1914. № 12. С. 58.

⁷ Кооперация в Костромской губернии // Костромской кооператор. Январь 1916. № 1. С. 15.

⁸ Союз Кооперативов Кинешемского Района // Союз кооперативов Кинешемского района. 1914–1916 гг.: Протоколы, отчеты и доклады. Кинешма: Земская Типография, 1916. С. V.

⁹ Объединяйтесь! // Костромской кооператор. 23 октября 1914. № 16–18. С. 5.

- ¹⁰ Положение кооперативов // Известия Костромского губернского земства. 22 сентября 1917. № 27. С. 24; Сорхотское общество // Костромской кооператор. Февраль 1917. № 6–7. С. 13.
- ¹¹ Союз Кооперативов Кинешемского Района // Союз кооперативов Кинешемского района. 1914–1916 гг.: Протоколы, отчеты и доклады. Кинешма: Земская Типография, 1916. С. VIII.
- ¹² Война и производственная кооперация // Известия Костромского губернского земства. Сентябрь – Октябрь 1914. № 9–10. С. 42.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Губернское Земство и нужды военного времени // Известия Костромского губернского земства. Февраль 1915. № 2. С. 27.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Сопещение о постройке кооперативных мельниц // Поволжский вестник. 1915. 27 февраля. С. 3.
- ¹⁷ Из жизни Костромского Центрального Сельскохозяйственного Общества // Костромской кооператор. Февраль 1916. № 4. С. 8.
- ¹⁸ Русская кооперация за время войны // Известия Костромского губернского земства. 8 июня 1917. № 20. С. 22.
- ¹⁹ К развитию кооперативного маслоделия // Поволжский вестник. 1915. 13 марта. С. 3.
- ²⁰ Губернское земство и кооперативы // Поволжский вестник. 1915. 7 февраля. С. 4.
- ²¹ Костромской уезд. Рост производственной кооперации // Поволжский вестник. 1915. 27 июня. С. 4.
- ²² Кинешемский уезд. О наших кооперативах // Костромской кооператор. Май 1915. № 4–6. С. 21; Губернское Земство и нужды военного времени // Известия Костромского губернского земства. Февраль 1915. № 2. С. 21.
- ²³ Обывательщина в потребительной кооперации // Известия Костромского губернского земства. 22 декабря 1916. № 22. С. 8.
- ²⁴ Ветлужское общество потребителей // Известия Костромского губернского земства. Декабрь 1914. № 12. С. 54–55.
- ²⁵ По делам мелкого кредита // Костромские губернские ведомости. 1916. 18 июня. С. 7.
- ²⁶ Юрьеvec. Земское собрание // Поволжский вестник. 1917. 4 января. С. 3.
- ²⁷ Народные дома // Поволжский вестник. 1915. 9 мая. С. 2.
- ²⁸ Кооперативный Народный Дом // Известия Костромского губернского земства. Март 1915. № 3. С. 41.
- ²⁹ Губернский кооперативный съезд // Известия Костромского губернского земства. Сентябрь 1915. № 9. С. 52.
- ³⁰ Труды V Собрания Уполномоченных Союза Кооперативов Кинешемского района. 7–9 мая 1916 г. // Союз кооперативов Кинешемского района. 1914–1916 гг. Протоколы, отчеты и доклады. Кинешма: Земская Типография, 1916. С. 35.
- ³¹ Там же. С. 34, 35, 77.
- ³² Кинешма. Съезд кооперативов // Поволжский вестник. 1917. 24 февраля. С. 3.
- ³³ Собрание центрального сельскохозяйственного общества // Поволжский вестник. 1917. 27 июня. С. 4.
- ³⁴ Воззвание к кооперативам // Известия Костромского губернского земства. 15 сентября 1917. № 26. С. 14–15.
- ³⁵ Просветительный кружок // Поволжский вестник. 1917. 12 декабря. С. 3.
- ³⁶ Положение кооперативов // Известия Костромского губернского земства. 22 сентября 1917. № 27. С. 24–25.
- ³⁷ Собрание уполномоченных Центрального сельскохозяйственного общества // Известия Костромского губернского земства. 1 мая (18 апреля) 1918. № 9–10. С. 28–30.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басаев Г. Д., Хуташкеева С. Д. Кооперативное движение в Западном Забайкалье накануне и в годы Первой мировой войны // Гуманитарный вектор. Серия: История. 2012. № 2 (30). С. 105–109.
2. Безгина О. А. Деятельность потребительской кооперации Поволжья в годы Первой мировой войны // Проблемы изучения военной истории: Сб. ст. Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Самара, 24–25 марта 2015 года. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2015. С. 45–51.
3. Голубинов Я. А. «Потребность в самопомощи»: решение продовольственного вопроса в средневожских городах в 1914–1917 гг. // Великая война 1914–1918 гг.: сто лет / Под ред. М. Ю. Мягкова, К. А. Пахалюка. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 191–205.
4. Искендеров Г. А. Кооперативное движение в Дагестане в годы Первой мировой войны // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 3 (39). С. 94–97.
5. Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 391 с.
6. Корольков О. П. Первая мировая война и кооперация // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2009. № 9. С. 27–42.
7. Кузьмин В. Г. Состояние кредитной кооперации Псковской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 2. С. 165–171.
8. Лубков А. В. Война. Революция. Кооперация. М.: ООО «Изд-во Прометей», 1997. 261 с.
9. Лубков А. В. Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907–1914 гг.). М.: МПГУ, 2019. 272 с.
10. Пивоваров Н. Ю., Рынков В. М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 35–58.

11. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика, 1989. 496 с.
12. Хроника событий 1917 года в Костроме / Авт. и сост. А. М. Белов. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2017. 144 с.
13. Чаянов А. В. Краткий курс кооперации. М.: Кн. палата, 1989. 80 с.

Поступила в редакцию 18.01.2024; принята к публикации 09.02.2024

Original article

Andrey M. Belov, Dr. Sc. (History), Professor, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)
belovi_1957@mail.ru

Andrey N. Malinin, Postgraduate Student, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)
andrei.malinin99@mail.ru

COOPERATIVE MOVEMENT IN KOSTROMA PROVINCE DURING WORLD WAR I

Abstract. Cooperative organizations played a significant role in Russian society during the First World War, encompassing various aspects ranging from economic to cultural and educational domains. These cooperatives played a crucial role in facilitating the country's transition into the war era and mitigating the impact of the crisis resulting from external factors. By addressing the soaring cost of food and facilitating the production of goods for both the army and the local population, cooperatives made these essential resources more accessible to the general public. Hence, this study aims to analyze the activities of credit, consumer, and production cooperatives specifically within the Kostroma Province throughout the First World War. It explores the primary operational avenues pursued by cooperative organizations in the province and illuminates the challenges they encountered. This analysis enables an understanding of the cooperatives' precise contributions to both the frontline and the civilian population during this turbulent period in the country's history. It is crucial to note that this topic has not been extensively researched within historiography, thus highlighting the article's scientific novelty. The problem-chronological and historical-system methods were employed to examine the genesis of the state and development of cooperation during the First World War.

Key words: World War I, cooperative movement, Kostroma Province, zemstvo, combatting high prices, food supply

For citation: Belov, A. M., Malinin, A. N. Cooperative movement in Kostroma Province during World War I. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):18–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1004

REFERENCES

1. Basaev, G. D., Khutashkeeva, S. D. The cooperative movement in the Western Trans-Baikal before and during World War I. *Humanitarian Vector. Series: History*. 2012;2:105–109. (In Russ.)
2. Bezgina, O. A. Consumer cooperation activities in the Volga region during World War I. *Problems of studying military history: Proceedings of the third all-Russian research conference with international participation, Samara, 24–25 March 2015*. Samara, 2015. P. 45–51. (In Russ.)
3. Golubinov, Ya. A. "The need for self-help": solving the food issue in the Middle Volga cities in 1914–1917. *The Great War of 1914–1918: a centenary*. (M. Yu. Myagkov, K. A. Pakhalyuk, Eds.). St. Petersburg, 2014. P. 191–205. (In Russ.)
4. Iskenderov, G. A. Cooperative movement in Dagestan during World War I. *Herald of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2014;3(39):94–97. (In Russ.)
5. Korelin, A. P. Cooperation and cooperative movement in Russia. 1860–1917. Moscow, 2009. 391 p. (In Russ.)
6. Korolkov, O. P. World War I and cooperation. *Bulletin of Pskov State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2009;9:27–42. (In Russ.)
7. Kuzmin, V. G. The state of credit cooperation in Pskov province during the First World War. *Bulletin of Tver State University. Series: History*. 2015;2:165–171. (In Russ.)
8. Lubkov, A. V. War. Revolution. Cooperation. Moscow, 1997. 261 p. (In Russ.)
9. Lubkov, A. V. Solidarity economy. Cooperative modernization of Russia (1907–1914). Moscow, 2019. 272 p. (In Russ.)
10. Pivovarov, N. Yu., Rynkov, V. M. Siberian cooperation in the system of power relations in the era of wars and revolutions of 1914–1920. *Power and society in Siberia during the XX century*. Novosibirsk, 2012. Issue 3. P. 35–58. (In Russ.)
11. Tugan-Baranovsky, M. I. Social foundations of cooperation. Moscow, 1989. 496 p. (In Russ.)
12. Chronology of 1917 events in Kostroma. (A. M. Belov, Ed.). Kostroma, 2017. 144 p. (In Russ.)
13. Chayanov, A. V. Brief course on cooperation. Moscow, 1989. 80 p. (In Russ.)

Received: 18 January 2024; accepted: 9 February 2024

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ДИАНОВА

доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

elena-dianowa@yandex.ru

УЧАСТИЕ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КИНОФИКАЦИИ КАРЕЛИИ В 1920-е ГОДЫ

А н н о т а ц и я . Освещается роль кооперативных союзов в кинофикации Карелии в 1920-е годы, место потребкооперации в данном процессе. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью этой темы. Научная новизна статьи состоит в том, что здесь впервые рассматривается участие кооперативных объединений в организации киносеансов в городах и селах Карелии в 1920-е годы. Цель исследования – рассмотреть работу кооперативных организаций Карелии по продвижению кино в низовые общества потребителей в указанный период. Для этого необходимо выявить состояние кооперативной киносети на местах, основные показатели ее развития в период первой пятилетки, условия работы киномехаников в сельской местности и вопросы их профессиональной подготовки. На основе архивных документов в ходе исследования выяснилось, что в первой половине 1920-х годов для обслуживания сельской местности руководство Наркомпроса Карелии стремилось увеличить количество кинопередвижек за счет финансовой помощи кооперативов. Правление Каронегсоюза выражало заинтересованность в деле приобретения передвижных киноустановок. Концентрация средств, выделяемых на культурную работу низовыми обществами потребителей, способствовала покупке новых кинопроекторов, что позволило проводить киносеансы на периферии Каронегсоюза. Кооперативные союзы принимали участие в кинообслуживании крестьян, рыбаков, лесозаготовителей. Кинокартины о кооперации способствовали индоктринации кооперативных идей. Активное участие в кооперативной агитации и пропаганде принимали киномеханики Каронегсоюза. Значение киноработы кооперативных союзов Карелии заключается в том, что она содействовала знакомству людей с культурными инновациями и техническим изобретением – кинематографом, развитию их интереса к искусству кино.

Ключевые слова: кооперация, кооперативные общества и союзы, кино, кинематограф, кинофикация, кинопередвижки, кинообслуживание

Для цитирования: Дианова Е. В. Участие кооперативных организаций в кинофикации Карелии в 1920-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 25–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1005

ВВЕДЕНИЕ

В условиях визуального поворота в исторических исследованиях большое внимание уделяется кинематографу, не только собственно киноискусству и его истории, но и киноиндустрии как отрасли экономики, производящей кинофильмы и демонстрирующей их для зрителей. В современной научной литературе нашла отражение история отечественного кино [3], [8], [11], [18], в том числе становление и развитие советской системы кинопроизводства [1], деятельность различных кинематографических организаций [19], зрительские предпочтения 1920-х годов [21]. В советский период кинематограф выступал

как инструмент пропаганды большевистской идеологии, художественного и политического воспитания [13], что определяло влияние кино на социокультурный облик крестьянства [17].

Исследователи освещают развитие кинодела в 1920–1930-е годы в разных регионах страны: в городах Дальнего Востока РСФСР [15], в Мордовии [12], на территории Среднего Поволжья [16], в Брянской, Смоленской, Гомельской [14], Пензенской губерниях [4], Тюменском крае [5]. В список региональной литературы о кинофикации Карелии входят обобщающие труды по истории культуры края, отдельные монографии и статьи А. И. Афанасьевой [2], А. А. Иванова [10],

С. Н. Филимончик [20]. В год российского кино (2016) Отдел краеведческой литературы и библиографии Национальной библиотеки Республики Карелия подготовил указатель литературы «Из истории кинематографа в Карелии» [9].

Ряд публикаций посвящен участию кооперативных организаций в кинофикации сельской местности в 1920-е годы в целом по всей стране [6] и в отдельных северных губерниях [7]. В рамках данной темы весьма перспективным является изучение деятельности и других кооперативных союзов Европейского Севера по приобретению киноаппаратов и устройству киносеансов.

Цель статьи состоит в том, чтобы осветить работу кооперативных организаций Карелии по дистрибуции фильмов на периферию в низовые общества потребителей. Для достижения этой цели необходимо выявить состояние кооперативной киносети Карелии в 1920-е годы и планы ее развития в период первой пятилетки; изучить практику кинообслуживания кооперированного населения (крестьян, рыбаков и лесозаготовителей); осветить некоторые вопросы подготовки киномехаников для кооперативной киносети и особенности их работы в сельской местности.

Актуальность данной темы заключается в том, что процесс кинофикации Карелии в 1920-е годы изучен недостаточно полно, в то время как исследования в области истории кино и историчности кинематографа являются востребованным направлением в изучении визуальных исторических источников. Научная новизна статьи состоит в том, что впервые рассматривается участие кооперативных объединений в организации киносеансов в городах и селах Карелии в 1920-е годы. Киноработа карельской кооперации, так или иначе способствовавшая трансформации традиционной культуры сельского социума, представлена с позиций социокультурной динамики. В 1920-е годы происходят изменения, с одной стороны, связанные с радикальной сменой социально-политического строя, с другой – с культурными инновациями и техническими изобретениями (кино, радио), используемыми для организации досуга и внедрения в массовое сознание новых идеологических установок, в том числе индоктринации кооперативных идей.

В качестве источниковой базы используется сборник документов «Кино: организация управления и власть. 1917–1938 годы»¹, в него включены документы I Всесоюзного совещания по киноделу (1924) и Всесоюзного партийного совещания по кинематографии (1928), определившие место кооперативных объединений в кинофикации страны.

В 1920-е годы печатались справочные материалы об устройстве кооперативных передвижек, подборе фильмов для деревенского проката, подготовке киномехаников для кооперативной киносети². Всероссийские и областные союзы кооперативов видели в кино мощное средство кооперативной агитации и пропаганды, о чем сообщала кооперативная печать, в частности «Информационный бюллетень Центросоюза». С признанием потребкооперации одной из самых крупных организаций в деле продвижения кино в деревню Центральный союз потребительской кооперации РСФСР и СССР (Центросоюз) стал проявлять заботу об увеличении количества сельских кинопередвижек и обучении кинороботников для села. Кинофикация деревни входила в культурно-просветительную работу сельских потребительских обществ, что отразилось в подготовке печатных изданий³.

Большой объем фактического материала обнаружен в фондах кооперативных организаций, хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК). Это документы Карельского областного союза кооперативов (ф. Р-190), Карельского союза потребительской кооперации (ф. Р-509), Карельского рыбацкого промыслового союза (ф. Р-647), среди них отчеты потребительских обществ, протоколы культурно-просветительных отделов и комиссий, переписка об организации кинематографа. В фондах Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) АКССР (ф. Р-630), Рабоче-крестьянской инспекции (ф. Р-721) и Карельского областного комитета РКП(б) – ВКП(б) (ф. П-3) сохранились сведения о развитии киносети Карелии, отчеты о культурно-массовых мероприятиях кооперативных организаций, в том числе о работе кооперативных передвижек. Выявление единичных фактов, их систематизация и структурно-функциональный анализ позволили создать общее представление о киноработе кооперативных союзов, обществ и товариществ Карелии в 1920-е годы.

КИНОСЕТЬ КАРЕЛИИ И КООПЕРАЦИЯ

В первые десятилетия XX века в культурном пространстве столицы и провинции кинематограф занимал важное место. В Карелии в начале 1923 года состояние киносети в уездных городах и сельской местности оставляло желать лучшего: киноаппараты находились только в Петрозаводске, причем один киноаппарат принадлежал Карельскому союзу кооперативов, второй – Карельскому политпросвету, который с марта 1923 года регулярно приглашал жителей города в кино⁴.

На местах уездные политпросветы и органы народного образования обращались за помощью к кооперативным объединениям, которые соглашались принять участие в организации кинематографа в городских и рабочих клубах и Домах крестьянина. Так, 22 февраля 1923 года состоялось организационное собрание комиссии по оборудованию кинематографа в Кемском городском клубе, где присутствовали секретарь Карельского союза кооперативов (Карсоюза) Житло, представитель уездного отдела народного образования (УОНО) Диев и завклубом Крылов. Материальные расходы по устройству кинематографа были распределены следующим образом: Кемское отделение Карсоюза – 55 %, УОНО – 30 %, уездный клуб – 15 %. Затраченные средства погашались за счет эксплуатации кинематографа. Административно-хозяйственная часть находилась в ведении заведующего Кемской конторой Карсоюза, где и концентрировались все средства. После окончательного оборудования кинематографа «как в идейном, так и в административно-хозяйственном отношении» он переходил в собственность и ведение уездной коллегии клуба, куда входили представители УОНО и конторы Карсоюза⁵. Таким образом, к концу 1923 года в Карелии имелось три киноаппарата, два из которых принадлежали потребкооперации.

Малое количество киноаппаратов, имевшихся в распоряжении политпросветов и других учреждений, не могло обеспечить киносеансами все население, прежде всего проживающее в сельской местности. На I Всесоюзном совещании по киноделу (1924) говорилось о том, что пока еще «кино в СССР не находится в том положении, которого оно заслуживает». В кинофикации страны большую роль могла сыграть кооперация, поэтому следовало поощрять интерес кооперативных союзов к кино, приобретение ими кинопроекторов для вовлечения «широких масс населения (особенно крестьянских) в сферу воздействия важнейшего культурно-просветительного орудия» и «лучшего и наиболее мощного средства коммунистической пропаганды и агитации» – кинематографа⁶.

Государственные учреждения и общественные организации по мере своих возможностей прилагали усилия к увеличению числа киноустановок. В 1924/25 году в Карелии уже насчитывалось 18 киноустановок, из них три находились в Петрозаводске, где работали коммерческие кинотеатры «Триумф» и «Красная звездочка», кинотеатр Карельского политпросвета. Также киноустановки появились в рабочих клубах и на предприятиях: в Кондопоге на Кондострое

и в селе Суна на лесозаводе; в Олонецком уезде – в городе Олонце (аппарат принадлежал уездному политпросвету) и в Народном доме села Видлица; в Пудожском уезде – в городе Пудуже и поселке Шала на лесозаводе; в Кемском уезде – в селе Сорока на лесозаводе, в городе Кеми – в Кемском городском и железнодорожном клубах, на лесозаводе на острове Революции (бывший Попов остров, теперь – Рабочий остров); на лесозаводе на станции Ковда, в железнодорожном клубе на станции Кандалакша. Киноустановки находились в населенных пунктах Повенец, Паданы, Ухта. На 1 октября 1925 года в Карелии (кроме Петрозаводска) имелось 15 киноустановок профессионального типа и 4 кинопередвижки (одна кооперативная), обслуживавшие четыре уезда, из них два пограничных. В 1925 году кинопередвижка Карело-Прионежского союза потребительской кооперации (Каронегсоюза) обслуживала 14 сельских потребительских обществ (сельпо) Петрозаводского уезда. В месяц она работала 16 дней, а в остальные дни «ввиду дальности расстояния и плохих дорог» находилась в разъездах, соответственно, киносеансы в деревнях не проводились⁷.

Руководство Наркомпроса Карелии собиралось организовать кинопередвижки во всех уездных центрах, в том числе в Пудуже, Кеми и Олонце. Кинофикацию карельской глубинки, где ни в одной сельской библиотеке, ни в одном кооперативе не было киноаппарата, работники Наркомпроса намеревались проводить при участии кооперативов. Они обратились в кооперативные организации – Карело-Прионежский союз потребительских обществ (Каронегсоюз) и Петрозаводский Центральный рабочий кооператив (ЦРК) с просьбой выделить 70 руб. в кинофонд для приобретения киноаппаратов⁸. В 1926/27 году в Карелии имелось уже 13 кинопередвижек, из них 8 принадлежали политпросвету, 5 – другим организациям, в том числе кооперативным⁹.

Средства, ассигнуемые сельскими потребительскими обществами на культурные цели, обыкновенно тратились на местах. На инструкторском совещании Каронегсоюза, проходившем 19–22 сентября 1926 года, сотрудники организационного отдела приняли решение о том, что необходимо все средства из культфондов потребительских обществ перечислять правлению союза. Концентрация средств на культмассовую работу позволит проводить ее «более организованным путем и в более широком масштабе». Для достижения этой цели предполагалось приобрести две кинопередвижки, «благодаря которым идеи кооперации могут быть продвинуты

в самые глухие отдаленные уголки Карелии». 21 февраля 1927 года участники инструкторского совещания при организационном отделе Каронегсоюза вновь признали желательным приобретение двух кинопередвижек и новых кооперативных фильмов. Когда наконец союзу удалось приобрести еще две кинопередвижки, с 5 июля 1927 года они сразу же были «направлены по нижней периферии»¹⁰.

Благодаря отчислениям в культфонды и концентрации средств состояние киносети Каронегсоюза постепенно улучшалось. В деревнях Карелии на 1 октября 1928 года имелись две стационарные киноустановки, в Каронегсоюзе – пять кинопередвижек. У первичных кооперативов своих передвижек не было, за исключением Керетского потребительского общества. В феврале 1929 года была пущена шестая кинопередвижка Каронегсоюза. Таким образом, в распоряжении потребкооперации Карелии имелось семь кинопередвижек и два стационарных киноаппарата¹¹.

С 15 сентября 1928 года по 1 апреля 1929 года кинопередвижки Каронегсоюза провели 264 киносеанса, из них 13 платных. Прокат кинофильмов обходился дорого, и в большинстве случаев кинопередвижки не окупали потраченных средств из-за бесплатных сеансов. Четыре с половиной месяца работы принесли убытки (3684 руб.), которые пришлось погасить из средств культфонда союза. В апреле 1929 года орготдел Каронегсоюза решил увеличить число платных сеансов (до 20–22)¹².

В 1929 году кинопередвижки Каронегсоюза дали 408 киносеансов. Они обслужили 224 населенных пункта в пяти административных районах Карелии, 1755 зрителей в кинозалы были пропущены бесплатно, 16 960 – платно, всего – 18 715 человек. По 10 коп. кино посмотрел 751 человек, по 15 коп. – 846 человек, свыше 15 коп. – 364 человека¹³. В некоторых сельпо «бесплатных сеансов не было даже для бедноты, бесплатно пропускались только дети бедняков и красноармейцы-пограничники»¹⁴. Введение платы за посещение кино давало возможность перевести работу кооперативных передвижек на самоокупаемость и возместить все затраты по организации сеансов на периферии.

Всесоюзное партийное совещание по кинематографии (1928) в своих резолюциях определило место потребкооперации в проведении мероприятий по увеличению количества стационарных и передвижных киноустановок в сельской местности, а кинофикация деревни стала частью общей культурно-просветитель-

ной работы в деревне. Дальнейшая кинофикация сельской местности с участием потребительской кооперации предполагалась и в планах первой пятилетки. В планах Северо-Западного областного союза потребительских обществ к концу первой пятилетки необходимо было приобрести 320 кинопередвижек и 5 стационарных киноустановок для 745 потребительских обществ Северо-Западной области вместе с Карельской АССР и Мурманским краем. В АКССР планировалось довести количество кооперативных кинопередвижек в 1928/29 году – до 11, в 1929/30 году – до 18. Каронегсоюз предполагал увеличить число кинопередвижек до 15 штук в 1929/30 году. Однако убыточность проката и нерентабельная работа в сельской местности заставили руководство потребкооперации Карелии скорректировать планы кинофикации. В результате правление Каронегсоюза решило число передвижных киноаппаратов не увеличивать. В 1929/30 и 1930/31 годах в Каронегсоюзе по-прежнему действовало только шесть кинопередвижек. В то же время некоторые крупные районные потребительские общества (райпо), как, например, Кемское и Петровское, имели в своем распоряжении киноустановки¹⁵.

В июле 1928 года план кинофикации Карелии представило Северо-Западное отделение «Совкино». В основу разработки пятилетнего плана кинофикации АКССР положены статистические данные: площадь республики – 118 200 км², количество населения – 269 734 человека, в том числе городского – 45 937, сельского – 223 797 человек, плотность населения – 1,89 человека на один квадратный километр. Учитывалось также состояние киносети республики. На 1 октября 1928 года в Карелии имелся 51 киноаппарат (30 в городах и 21 на селе), в среднем один аппарат приходился на территорию размером 2317 км². По пятилетнему плану кинофикации Карелии в республике в 1933 году должно было быть уже 65 киноаппаратов (32 в городах и 33 на селе). При этом планировалось уменьшить размер площади до 1818 км² на один киноаппарат, количество населения – с 5288 до 3340 человек. В целом вся киносеть должна была увеличиться на 27,5 %, при этом городская сеть – на 6,7 %, деревенская – на 57,1 %. В городах Карелии предполагалось увеличить число коммерческих и клубных установок. Если на 1 октября 1928 года там было 10 коммерческих и 20 клубных установок, то к 1933 году должно было быть 11 коммерческих и 21 клубная установка. Таким образом, количество городских киноаппаратов увеличивалось с 30 до 32¹⁶.

По первому пятилетнему плану предусматривалось поставлять на село киноаппараты каждый год. Если на 1 октября 1928 года в Карелии имелось 19 кинопередвижек, то в 1928/29 году должно было быть 21, в 1929/30 году – 23, в 1930/31 году – 24, в 1931/32 году – 25, в 1932/33 году – 26. Из этого следует, что кинофикацию сельской местности Карелии предполагалось осуществить путем увеличения количества киноаппаратов. К 1933 году в карельских деревнях должно было быть уже 33 киноустановки (7 стационарных аппаратов и 26 кинопередвижек)¹⁷.

На приобретение оборудования для городской и сельской киносети Карелии в годы первой пятилетки требовалось 157 тыс. руб. В качестве основных источников финансирования предлагались средства, изыскиваемые по инициативе самого населения за счет самообложения граждан и создания кооперативных кинотовариществ и киноартелей. Среди источников финансирования назывались доходы, получаемые от коммерческих кинотеатров, ассигнования по местному бюджету и отчисления из культфондов кооперации и профсоюзов¹⁸.

В результате принятых мер киносеть Карелии значительно возросла. Так, если в 1929 году в городах, рабочих поселках и деревнях имелось 26 стационарных и 70 передвижных киноустановок, то в 1932 году – 58 и 131, в 1933 году – 57 и 131 соответственно¹⁹. Данные говорят о высоких темпах кинофикации Карелии, в которой приняли участие кооперативные организации республики.

При развертывании киносети возникла потребность в увеличении штата работников, имевших навыки работы с киноаппаратами. В Карелии первая группа киномехаников (14 человек) для работы в деревне прошла обучение в 1927 году. В течение первой пятилетки число обученных работников передвижных и стационарных киноустановок должно было увеличиться в пять раз. Если в 1928 году было подготовлено 20 человек, то к 1933 году планировалось обучить 100 человек из всех районов республики. Для подготовки киномехаников деревенской сети требовалась 21 тыс. руб., которые намеревались взять у кооперативных и профессиональных союзов²⁰.

Подготовка киномехаников для кооперативной сети осуществлялась в крупных городах под руководством Центросоюза. В апреле 1929 года в Ленинграде для киномехаников Северо-Западной области проводились инструктивные курсы киновьюро Центросоюза²¹. Из Карелии на эти курсы поехали шесть киноработников

Каронегсоюза. В это время в штате Каронегсоюза числились киномеханики Бабушкин, Ивонин, Мартынов, Пальвиайнен, инструктор-культурник Куткевич и киноинструктор Мантере. Все они были чуть старше 20 лет, имели низшее образование, состояли в ВЛКСМ. По социальному положению один был из среды крестьян, четверо – из рабочих, один – из служащих. Из-за того, что все киномеханики учились на курсах, с апреля по июнь 1929 года киносеансы в системе Каронегсоюза не проводились²². Обучение на курсах повышало общий образовательный уровень работников кооперативной киносети: курсисты изучали основы теории кооперации, историю и практику кооперативного движения, что давало им возможность вести кооперативную агитацию и пропаганду.

В целом к началу 1930-х годов сложилась система кооперативной киноработы. Динамичный процесс расширения кооперативной киносети оказался прерван после принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О потребительской кооперации» от 12 мая 1931 года. В связи с усилением роли потребкооперации в обеспечении населения продуктами питания и предметами первой необходимости правительство решило освободить ее от несвойственных ей функций, в том числе культурно-просветительной деятельности. Однако в условиях отстранения потребительских обществ и союзов от культмассовой работы «соответствующие отчисления кооперации на культурное обслуживание своих пайщиков» сохранялись²³. Кооперативная киносеть, стационарные киноаппараты и деревенские кинопередвижки передавались из Центросоюза в ведение «Союзкино».

КИНООБСЛУЖИВАНИЕ КООПЕРИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ

Прокат кинолент на местах осуществляли агентства и отделения «Совкино». В Ленинграде размещалось Северо-Западное отделение, обслуживавшее Северо-Западную область. Карело-Мурманское отделение находилось в Петрозаводске, оно отвечало за Карело-Мурманский край. Карельскую АССР обслуживала еще и коммерческая прокатная организация «Кино-Север». Кроме того, районные и областные союзы потребкооперации прикреплялись к определенному отделению или агентству «Совкино». К Северо-Западному отделению «Совкино» относились союзы, расположенные на территории Северо-Западной области и Карельской АССР (Северо-Западный союз областной потребкооперации, Карело-Прионежский, Великолукский,

Лодейнопольский, Лужский, Псковский, Череповецкий районные союзы потребкооперации)²⁴.

По плану культурно-массовой работы на 1927/28 год руководство Каронегсоюза заключило договор с управлением зрелищных предприятий Наркомпроса «в части обслуживания кооперативной периферии кинопередвижками»²⁵. Правление Каронегсоюза, стремясь подобрать репертуар для киносети «почти весь по кооперации»²⁶, обращалось в Карельский политпросвет и агентство «Совкино». В прокат поступали кооперативные кинокартины «Все на радость», «Василисина победа», «Счастливый червонец»; документальные ленты «Кооперативный киножурнал», «Наша кооперация»; мультфильмы «Грозный Вавила и тетка Арина», «Даешь хороший лавком» и «Не зевай»²⁷. В 1929 году кооперативные фильмы составили 39 % проката кинопередвижек Каронегсоюза²⁸.

К сожалению, составить программы кино вечеров полностью из картин о кооперации не представлялось возможным. В деревнях киномеханики Каронегсоюза показывали игровые картины различной тематики: о первой русской революции 1905–1907 годов – «Броненосец Потемкин»; о Гражданской войне – «Дети бури», «Путь в Дамаск», «Синий пакет»; «из городской жизни» при нэпе – «Чашка чая»; о классовой борьбе в деревне и развитии селькоровского движения – «Волки»; о положении рабочих масс за рубежом – «Кто ты такой», а также документальный фильм «Красная Армия на страже СССР»²⁹.

Анализируя зрительские предпочтения пайщиков, киномеханики пришли к выводу, что на местах появился запрос на исторические, революционные и агитационные фильмы, а также на «фильмы из городской жизни»³⁰. Самостоятельно выбирать картины они не могли, поскольку агентства «Совкино» выдавали в прокат те киноленты, которые были у них в наличии. Кооператоры стремились «добиться получения идеологически выдержанных фильмов», чтобы превратить просмотр кино «в разумный и полезный отдых, являющийся орудием коммунистического воспитания»³¹. Кооперативные работники демонстрировали знание директив ВКП(б), рассматривавшей кино

«как средство широкой образовательной работы и коммунистической пропаганды, организации и воспитания масс вокруг лозунгов и задач партии, их художественного воспитания, целесообразного отдыха и развлечения»³².

Кооперативные кинопередвижки обслуживали городские и сельские потребительские обще-

ства, но количество киносеансов не было везде одинаковым. Городские потребительские общества (горпо), рабочие кооперативы и сельские потребительские общества (сельпо), находившиеся на близком расстоянии от районных центров, имели возможность чаще приглашать кинопередвижку Каронегсоюза, чем сельпо отдаленных сел и деревень. Кемское городское общество «Самопомощь» и Олонецкое горпо смогли организовать по пять киносеансов. Педасельгское сельпо Прионежского района и Ильинское сельпо Олонецкого района – по шесть киносеансов. В селе Лижма Кондопожского района и селе Деревянное Прионежского района Лижемское сельпо и Деревянское сельпо провели по семь киносеансов. В том же районе Шуйское сельпо устроило 10 киносеансов, а Кунгозерское сельпо Сямозерского района – 12³³.

В 1927/28 году по два киносеанса провели Мегрегское сельпо Олонецкого района, Святнаволоцкое потребительское общество «Бережливость» Петровского района, Каскеснаволоцкое потребительское общество «Успех» Святозерского района, Спасогубское и Мяндусельгское сельпо «Заря» Медвежьегорского района, Селецкое сельпо «Крестьянин» Сегозерского района, Уницкое сельпо «Спайка» Кондопожского района. В Туломозерском сельпо Видлицкого района было устроено три киносеанса, а в Вешкельском сельпо Сямозерского района – четыре³⁴. Кондопожское потребительское общество тоже устроило четыре киносеанса для рабочих Кондостроя. В Тивдийском сельпо Кондопожского района, Видлицком и Коткозерском сельпо Олонецкого уезда, Ругозерском обществе потребителей «Вперед», Повенецком потребительском обществе имени Федора Копейкина удалось провести только один киносеанс³⁵.

Киносеансы давали возможность вести кооперативную агитацию. Так, в 1925 году в Ладвинском кооперативе в помещении чайной перед киносеансом устраивались народные чтения о кооперации³⁶. В 1928 году киномеханик Пальвиайнен по приглашению сельских кооперативов приезжал в деревни Мяндусельга и Чебино Медвежьегорского района. В избах-читальнях перед сеансами он рассказывал крестьянам о целях и задачах кооперации, значении кооперативного кино³⁷.

Оповещением населения о приезде кинопередвижки занимались деревенские активисты и члены правлений сельских потребительских обществ, они же участвовали в написании киноафиш. Как правило, почти во всех селах содействие киномеханику оказывали избачи, учителя и комсомольцы, принимавшие участие в органи-

зации киносеансов, например, в Лумбушах Медвежьегорского района. В то же время в Святозерском районе «комсомольцы слабо участвуют в работе кино» и «Эссоильская ячейка участия в работе кино не принимает». К сожалению, не всегда киномеханики находили сочувствие у членов сельских кооперативов. Так, «в Вешкелицах комсомольцы активные, а пайщики относятся безразлично, приходя только зрителями на сеанс»³⁸.

На совещании в правлении Каронегсоюза 29 декабря 1928 года киномеханики информировали руководство о работе кинопередвижек и отношении сельских зрителей к киносеансам. Обычно киносеансы проводились в избах-читальнях или сельских школах. Между тем киномеханики, обслуживавшие Петрозаводский уезд, сообщали о том, что в некоторых деревнях учителя отказались пускать кинопередвижки в помещения школ. Также выяснилось, что в деревне Семчезеро Медвежьегорского района «школьный работник потребовал разрешение от Наркомпроса на показ фильма в школе», да и в других деревнях «учителя были недовольны проведением киносеанса в школах»³⁹. В тех населенных пунктах, где не было школы и избы-читальни, «для показа кино использовали частный дом». У работников учреждений культпросвета неожиданно обнаружили коммерческие наклонности. В Деревянном клубный работник потребовал надбавки по 5 коп. на билет в пользу клуба, а в Святозере избач запросил 50 % от выручки. Кооператоры сталкивались с некоторыми трудностями в «продвижении кино в деревню», будь то отсутствие помещения или апатия местного населения. Постепенно они научились завоевывать симпатии деревенских жителей. Если в начале кинофикации деревни некоторые пайщики говорили: «Не делом занялся Каронегсоюз», то вскоре стало заметно, что «деревня уже доросла, уже сама почувствовала потребность в кино»⁴⁰, о чем свидетельствует нарастание зрительского интереса к картинам и репертуару кооперативных кинопередвижек.

КИНООБСЛУЖИВАНИЕ РЫБАКОВ И ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЕЙ

На Европейском Севере население поморских сел занималось рыбными морскими промыслами. Рыбаки объединялись в рыболовецкие артели, которые входили в Карельский рыбопромысловый союз (Каррыбпромсоюз). В 1927/28 году кинопередвижка Каррыбпромсоюза побывала в Кемском уезде в селах Гридино, Шуерецкое, Поньгома и Калгалакша. К сожалению, в других

селах киносеансы не состоялись, так как «не было хорошего механика, и аппарат испортился»⁴¹.

Культурным обслуживанием карельских рыбаков на Мурманском берегу Северного Ледовитого океана занимались Карполитпросвет и Карельский рыбопромысловый союз. На тресковый промысел рыбацкое население обычно выезжало в конце апреля – начале мая и оставалось там по сентябрь включительно. По данным Каррыбпромсоюза, во время промыслового сезона 1928 года на тресковые промыслы выехало 2700 рыбаков, они располагались в становищах (факториях) на Мурманском берегу. Для охвата рыбаков киноработой правление Каррыбпромсоюза и политпросвет АКССР планировали выслать на побережье Северного Ледовитого океана кинопередвижку и киномеханика⁴².

Для промысловых товариществ предназначались картины «Архангельск – город рыбы», «Ловля лососей», «Траловый лов трески», «По рыбацким становищам Мурмана», «Охота на птиц», «Звериный промысел», «Охота на белого медведя», «Охота на морских зверей», «За тюленями в полярные льды». Работа рыбопромысловых артелей, кооперативных и государственных заготовительных контор на севере отражена в фильме «Рыбные промыслы». В кинокартине «На дальнем берегу» показана жизнь рыбаков, живущих на севере и ведущих борьбу с частными скупщиками за организацию рыболовных артелей.

Кооперативные кинопередвижки использовались и для организации отдыха крестьян, занятых на лесозаготовках. В Карелии в зимний период потребкооперации приходилось проводить политико-просветительную работу, агитировать за коллективное питание (общий котел) и объединение лесорубов в трудовые артели. Наряду с пропагандой решений XV съезда ВКП(б) о значении лесозаготовок для экономики страны требовалось «вести борьбу с отрицательными явлениями на производстве», в том числе с массовыми отъездами крестьян-лесозаготовителей в свои деревни на праздники (Рождество, Крещение). Основными формами культмассовой работы на лесозаготовках были громкие читки газет и журналов, беседы, доклады, справочная работа, вечера вопросов и ответов в избышках, выпуск стенгазет для лесных избышек сельскими избами-читальнями⁴³.

Необходимость культмассовой работы среди рубщиков леса объяснялась тем, что

«“изголодавшийся” в лесной глуши ум лесоруба часто с жадностью воспринимает самое обычное газетное сообщение. Как бы ни был долог рабочий день лесоруба, но ночью он работать не может, как бы он ни устал, но всю ночь спать не может. Вечерами рабочие долго

еще сидят: кто точит пилу, кто готовит чай, кто говорит сказки, другие слушают. Потом опять говорят о работах, а наговорившись вдоволь, с удовольствием слушают газету, книжку»,

а еще с нетерпением ждут, когда на их участок придет кинопередвижка. На лесопунктах в бараках и лесных избушках, в которых имелись печи с трубами, столы, скамейки, развертывалась сеть красных уголков с «достаточно пригодными условиями для массовой работы», как для чтения книг и газет, так и для показа фильмов. Теперь и кино, «невиданное ранее зрелище», могло привлечь «отсталого лесоруба в красный уголок избы-читальни». Имеются отрывочные сведения о работе кинопередвижек на лесозаготовках в декабре 1927 и январе 1928 года в Олонецком районе, где кинопередвижка побывала в четырех местах и обслужила 467 лесорубов. Три киносеанса были даны в деревнях, расположенных поблизости от лесозаготовок, один – в лесном бараке (Куйтежа). На февраль 1928 года был заключен договор с «Совкино» о прокате 10 фильмов⁴⁴.

В 1929/30 году работники Наркомпроса, Карельского лесохимического и охотничьего кооперативных союзов, Госкино и профсоюзные организации получили задание развернуть политико-просветительную работу на лесозаготовках ввиду усиления «контрреволюционной деятельности кулачества, саботажа кулаков и подкулачников». В культурно-просветительной работе на лесопунктах уделялось внимание разъяснению лесозаготовителям приемов рационализации производства с целью повышения производительности труда, а также необходимости размещения лесорубов в бараках. Агитация за проживание в бараках объяснялась тем, что «крестьяне отказывались селиться в лесные бараки из-за боязни жить вместе в связи со случаями пропажи продовольствия», а также из-за удаленности бараков от места лесных разработок. Однако бесплатный показ фильмов и снабжение книгами и газетами лесорубов «потянули сурового и молчаливого карела в барак»⁴⁵.

После выхода обращения ЦК ВКП(б) «О выполнении промфинплана» от 3 сентября 1930 года с призывами обеспечить реализацию плана третьего года пятилетки одной из «ударных задач» потребкооперации стало «немедленное развертывание работы по обслуживанию лесозаготовок». Помимо снабжения лесорубов средствами и орудиями производства, продуктами и товарами, потребительской кооперации вменялось в обязанность «принять самое активное участие в отношении широкого культобслуживания за-

нятых на лесоразработках рабочих». На лесозаготовки с каждым продовольственным обозом рекомендовалось отправлять книги, наборы настольных игр, кинопередвижки с различными кинолентами, громкоговорители и радиоустановки. Культмассовая работа в лесных избушках и бараках могла помочь борьбе с негативными явлениями (пьянством и азартными играми), порой имевшими «повальный характер», и «покончить с социальными пережитками прошлого», способствуя тем самым выполнению промышленно-финансового плана⁴⁶.

В лесозаготовительный сезон 1930/1931 года в 38 леспромхозах Карелии организовали 18 избчитален, на лесопунктах – 138 красных уголков. Для обслуживания избчитален и лесопунктов Наркомпрос Карелии выделил 8 кинопередвижек. Главная цель культурно-массовой работы Наркомпроса, потребкооперации и других организаций состояла в том, чтобы «поставить эту работу на боевые темпы и обеспечить стопроцентное выполнение программы лесозаготовок». Наряду с успехами в культурно-массовой работе, в том числе киноработе, имелись недостатки, так как кинопередвижки приезжали нерегулярно. Из потребительских обществ, обслуживавших лесозаготовки, часть кинопередвижек перебрали в колхозы⁴⁷. Кроме того, некоторые районные потребительские общества самоустранились от организации киносеансов на лесозаготовках и передали киноаппараты учреждениям культуры. Так, правление Каронгсоюз потребовало от Кемского и Петровского райпо «прекратить свертывание киноработы и получить обратно переданные Союзкино киноаппараты». Неслучайно «выполнение плана по культобслуживанию лесозаготовок по линии райпо в сезон 1930/31 года было неудовлетворительно»⁴⁸.

Наряду с комсомольскими и партийными ячейками, профсоюзами, учреждениями политпросвета, народного образования и здравоохранения, союзы потребкооперации привлекались к проведению политико-просветительной и культурно-массовой работы во время лесосплава. В бараках, где жили сплавщики, с участием потребительских обществ создавались красные уголки и клубы – «очаги классового воспитания». С опорой на «лучшую», «передовую часть сплавщиков» (батраки, беднота, колхозники) клуб и красный уголок помогали остальным рабочим сплава «осознать политику партии, ее генеральную линию»⁴⁹.

В Карелии в 1928 году из 207 тыс. сельских жителей на сплавных работах трудилось более 30 тыс. человек. Это заставляло всех политпро-

светработников серьезно готовиться к обслуживанию рабочих сплава, поскольку если им удастся «наладить культурную работу и дать разумное культурное развлечение, то рабочие не будут убивать свой досуг на картежную игру и пьянство», в результате – «уменьшатся прогулы и ущерб производству»⁵⁰.

Основными формами политико-воспитательной работы в красных уголках на сплаве были беседы, лекции, выставки книг, громкие читки, стенгазеты, вечера затейников и батрацкой смекалки, агитсуды, игры. С учетом того, что «тяжелая, однообразная работа сплавщика требует как можно больше ярких, быстро сменяемых впечатлений (быстрая смена зрительных и слуховых раздражений)», рекомендовалось разнообразить досуг рабочих. На сплаве развертывалась «густая сеть» радиоточек, а в основных запанях устанавливались трансляционные узлы с микрофонами. Данные мероприятия позволяли издавать радиогазеты на местном материале, освещать работу ударных бригад, «бить по недостаткам, вскрывать кулацкие вылазки и драться за выполнение сплава досрочно». Для «расширения политико-технического кругозора рабочих и повышения их культурного уровня» использовалось кино как «мощное агитационно-пропагандистское средство»⁵¹.

25 апреля 1930 года состоялось совместное совещание инструкторско-организационного отдела и киномехаников Каронегсоюза по вопросу о культурном обслуживании рабочих лесосплава. На совещании выяснилось, что кооперативы Повенецкого района, Кунгозерское, Сямозерское, Ладвинское, Пряжинское общества потребителей с хозяйственным обслуживанием справлялись в целом хорошо, но даже «при наличии имеющихся у них работников не могли выполнить вопросы культуробслуживания». Кинообслуживание лесосплавов «давало большой дефицит», ибо приходилось часто ставить бесплатные сеансы. Участники совещания пришли к выводу, что если не будут изменены условия проката картин, то потребительские общества получают большие убытки от работы по культуробслуживанию рабочих лесосплавов. Каронегсоюз принимал меры для «максимального использования имеющихся кинопередвижек», согласовывал их маршруты с Всероссийским союзом сельскохозяйственных и лесных рабочих и Наркомпросом Карелии⁵².

С изъятием киноаппаратов из системы потребкооперации прекратились поездки кооперативных киномехаников на сплавные участки. Судя по отчету культсектора (сектора культурно-массовой работы) Карельского обкома проф-

союза рабочих лесной и деревообрабатывающей промышленности об итогах выполнения единого культплана по обслуживанию рабочих сплавов, в сплавной период весной 1931 года не удалось организовать ни одного киносеанса. В основном проводились мероприятия с устно-печатными средствами агитации и пропаганды (лекции на антирелигиозные темы, передвижные выставки, брошюры, выпуск газет на русском и финском языках «Ударник» и «Искури»). Среди визуальных средств значились лозунги и плакаты. Показательная культбаза (комплексная форма обслуживания и центр культурно-массовой работы), созданная при Олонецком леспромхозе, еще не развернула свою деятельность, «опыта работы ее не видно»⁵³. Таким образом, передача кооперативного кинооборудования учреждениям культуры привела только к его распылению и прекращению кинообслуживания лесных рабочих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования удалось выявить состояние кооперативной киносети Карелии в 1920-е годы, проекты Северо-Западного областного союза потребительских обществ и Карело-Прионежского союза потребительских обществ по приобретению кинопередвижек для кооперативной периферии, план кинофикации Карелии в годы первой пятилетки, разработанный Северо-Западным отделением «Совкино».

Кооперативные организации Карелии участвовали в кинофикации городов и сел края, приобретая на свои средства киноаппараты. Руководство культурно-просветительной работой кооперативов на местах осуществляли политпросветы и агитационно-пропагандистские отделы партийных комитетов, поэтому кино использовалось не только для организации досуга, но и распространения новых идеологических установок. Фильмы о Первой русской революции, Гражданской войне демонстрировали зрителям визуальные образы истории с позиций официального политического дискурса. Кооперативные картины способствовали индоктринации кооперативных идей, кооперативной агитации и пропаганде.

Подготовка кооперативных киномехаников осуществлялась на специальных курсах Центросоюза в Москве и Ленинграде. Курсовая подготовка работников для кооперативной киносети позволяла приобрести технические навыки обращения с киноаппаратом, знания по истории кооперации и кооперативного строительства.

Это давало возможность во время киносеансов вести кооперативную агитацию и пропаганду, что составляло особенность работы киномехаников на селе.

Кооперативные союзы обслуживали различные категории населения. На Мурманском берегу Северного Ледовитого океана Карельский рыбопромысловый союз и политпросвет АКССР занимались показом фильмов для карельских рыбаков. Потребительские общества, входившие в систему Каронесоюза, привлекались к организации культурного отдыха на лесозаготовках и лесосплаве. В зимний период они совместно с Карельским лесохимическим и охотничьим кооперативными союзами участвовали в создании для рубщиков леса изб-читален в леспромахозах и красных уголков на лесопунктах. Весной во время лесосплава в бараках, где жили сплавщики, с участием потребительских обществ создавались красные уголки и клубы. Кооператив-

ные кинопередвижки выезжали в леспромахозы, на лесопункты и сплавные участки для проведения киносеансов.

Киноработа карельской кооперации способствовала внедрению в сельский социум культурных инноваций и трансформации традиционной культуры, приобщению к достижениям научно-технического прогресса и расширению кругозора деревенских жителей, их знакомству с городской культурой, повседневной жизнью и бытом народов СССР. Значение этой работы с позиций социокультурной динамики заключается в том, что она содействовала повышению активности кооперативов в кинообслуживании пайщиков и увеличении количества киносеансов, проведенных кооперативными кинопередвижками на местах; заметному росту количества людей, прежде всего сельских жителей, познакомившихся с кинематографом, развитию их зрительского интереса к искусству кино.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг.: Документы. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
- ² Каринцев Н. А. Проблема кинофикации деревни в системе потребкооперации // Союз потребителей. 1929. № 3. С. 95–99; Каринцев Н., Конко В. Киноработа потребительской кооперации в деревне: Руководство для инструкторов-культурников, киноинструкторов и киномехаников. М.: Центросоюз, 1930.
- ³ Кациграс А. И. Как работать с кинопередвижкой в деревне: Справочник-памятка деревенского киноработника. М.: Теа-кинопечатъ, 1929. 152 с.
- ⁴ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 11/104. Л. 42.
- ⁵ НА РК. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 2/20. Л. 41.
- ⁶ Кино: организация управления и власть... С. 182, 184.
- ⁷ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 26/219. Л. 42; Д. 18/163. Л. 85.
- ⁸ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 11/103. Л. 178; Д. 45/370. Л. 46; Д. 10/97. Л. 65.
- ⁹ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 36/302. Л. 62.
- ¹⁰ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 7/80-а. Л. 50; П-3. Оп. 2. Д. 187. Л. 149.
- ¹¹ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 10/114. Л. 23, 93.
- ¹² НА РК. Ф. Р-509. Оп. 15. Д. 1/8. Л. 20.
- ¹³ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 10/114. Л. 94; Бранд П. П. Под знаком роста. X лет Карельской потребительской кооперации // Десять лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1930. С. 230.
- ¹⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 405. Л. 2, 8.
- ¹⁵ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 15. Д. 1/8. Л. 20; Оп. 17. Д. 10/144. Л. 23, 41; Д. 12/130. Л. 12.
- ¹⁶ НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 297. Л. 26.
- ¹⁷ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 10/114. Л. 28–33.
- ¹⁸ Там же. Л. 37, 41.
- ¹⁹ Культурное строительство в Советской Карелии. 1926–1941. Народное образование и просвещение: Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1986. С. 144.
- ²⁰ НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 297. Л. 37.
- ²¹ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 13. Д. 1/6. Л. 18 (копия).
- ²² НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 10/114. Л. 94.
- ²³ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1931. № 29. Ст. 224.
- ²⁴ Информационный бюллетень Центросоюза. 1929. № 2. С. 28, 35–36.
- ²⁵ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 8/94. Л. 110.
- ²⁶ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 36/302. Л. 62.
- ²⁷ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 10/114. Л. 94.
- ²⁸ Бранд П. П. Под знаком роста. X лет Карельской потребительской кооперации // Десять лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1930. С. 230.
- ²⁹ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 10/114. Л. 94.
- ³⁰ НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 405. Л. 6, 7.

- ³¹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 405. Л. 6, 7.
- ³² Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения: Вопросы народного просвещения в основных директивах съездов, конференций, совещаний ЦК и ЦКК ВКП(б) / Сост. А. Я. Подземский. 3-е изд. М.; Л.: ОГИЗ, 1931. С. 446.
- ³³ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 8/94. Л. 12, 28, 52, 171, 217, 311, 376, 502, 564.
- ³⁴ Там же. Л. 40, 54, 114, 195, 203, 274, 518, 543.
- ³⁵ Там же. Л. 48, 124, 187, 228, 324, 523.
- ³⁶ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 2. Д. 15/467. Л. 64; Оп. 17. Д. 2/8. Л. 41.
- ³⁷ НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 405. Л. 2, 8.
- ³⁸ НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 405. Л. 2, 8.
- ³⁹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 187. Л. 137.
- ⁴⁰ НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 405. Л. 2, 8.
- ⁴¹ НА РК. Ф. Р-647. Оп. 1. Д. 23/1. Л. 112.
- ⁴² НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 45/370. Л. 30.
- ⁴³ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 45/376. Л. 49, 84.
- ⁴⁴ В помощь просвещенцу. 1928. № 1–2. С. 38, 43.
- ⁴⁵ В помощь просвещенцу. 1928. № 3–5. С. 76.
- ⁴⁶ Потребительская кооперация лицом к лесозаготовкам! М.: Центросоюз, 1930. С. 2, 3.
- ⁴⁷ НА РК. Ф. Р-721. Оп. 1. Д. 45/596. Л. 16.
- ⁴⁸ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 12/130. Л. 12.
- ⁴⁹ Культрботу на лесосплав: Инструктивно-методическое письмо для просветительных учреждений Северного края. Архангельск: ОГИЗ РСФСР. Северное краевое отделение, 1931. С. 9.
- ⁵⁰ В помощь просвещенцу. 1928. № 3–5. С. 74.
- ⁵¹ Там же. С. 7, 43.
- ⁵² НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 10/113. Л. 8, 9.
- ⁵³ Культурное строительство в Советской Карелии. 1926–1941. С. 136, 137.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А н и с к и н М. А. Становление советской системы кинопроизводства (1920–1930-е гг.) // Власть. 2016. № 10. С. 154–159.
2. А ф а н а с ь е в а А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии, 1918–1927. Петрозаводск: Карелия, 1983. 238 с.
3. Б е л ь н ь к и й И. В. История кино. Киносъемки, кинопромышленность, киноискусство. М.: Альпина Паблишер, 2019. 402 с.
4. Г а в р и л о в а Т. В. Развитие кинодела в Пензенском крае в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4-1 (10). С. 39–41.
5. Г о н ч а р е н к о О. Н. Становление кинофикации в Тюменском крае в 1919–1939 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-1 (86). С. 63–66.
6. Д и а н о в а Е. В. Участие кооперативных организаций в кинофикации сельской местности в 1920-е годы // КЛИО. Ежемесячный журнал для ученых. 2023. № 8. С. 124–136.
7. Д и а н о в а Е. В. Киноработа Вологодской кооперации в 1920-е годы // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2023. № 2. С. 17–22.
8. З о р к а я Н. М. История советского кино. СПб.: Алетейя, 2005. 544 с.
9. Из истории кинематографа в Карелии: Список литературы / Отдел национальной и краеведческой литературы и библиографии; Сост.: М. Ю. Ванчурова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.karelia.ru/files/6994.pdf> (дата обращения 12.09.2023).
10. И в а н о в А. А. Мы любим кино. Петрозаводск: Карельское. кн. изд-во, 1969. 88 с.
11. История отечественного кино / Отв. ред. Л. М. Будяк. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 523 с.
12. К а у к и н а Р. Н. Становление кинофикации и радиофикации в Мордовии в 1920–1930-е гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 3 (51). С. 96–103.
13. К у б а н о в Н. Ю. Советское киностроительство в 1917–1924 гг. как инструмент пропаганды большевистской идеологии // Гилея: научный вестник. 2017. № 116 (1). С. 31–38.
14. К у л а ч к о в В. В., К о н о в а В. И. Радиовещание и кинематограф в сельской местности 1920-х гг. (на материалах Брянской, Смоленской и Гомельской губерний) // История: факты и символы. 2021. № 1 (26). С. 31–38.
15. К у л и н и ч Н. Г. Киностроительство в городах Дальнего Востока РСФСР в 1920-е – 1930-е годы // История и культура Приамурья. 2007. № 2 (2). С. 62–79.
16. М и р о н о в Г. А. Развитие кинодела в Среднем Поволжье в 1890–1930 гг.: историография // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38): В 3 ч. Ч. II. С. 137–141.

17. Полянскова Л. Ю. Влияние радио- и кинофикации деревни на социокультурный облик крестьянства Среднего Поволжья (1921–1929 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5). С. 130–132.
18. Русина Ю. А. История советского кино. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 104 с.
19. Рябчикова Н. С. «Пролеткино»: от «Госкино» до «Совкино» // Киноведческие записки. 2010. № 94/95. С. 90–108.
20. Филимончик С. Н. Культурная жизнь Петрозаводска в 1920-е годы // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 257–259.
21. Юсупова Г. М. «С большим материальным и художественным успехом...»: кассовые феномены популярного искусства 1920-х годов: Кино. Литература. Театр. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2016. 267 с.

Поступила в редакцию 15.09.2023; принята к публикации 29.01.2024

Original article

Elena V. Dianova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
elena-dianowa@yandex.ru

PARTICIPATION OF COOPERATIVE ORGANIZATIONS IN CINEFICATION OF KARELIA IN THE 1920s

Abstract. The article highlights the role of cooperative unions in the cinefication of the region in the 1920s, and examines the place of consumer cooperatives in this process. The relevance of the topic is determined by the lack of studies on this issue. The scientific novelty of the article lies in the fact that the participation of cooperative associations in organizing film shows in the cities and villages of Karelia in the 1920s is considered for the first time. The purpose and objectives of the publication are to consider the work of cooperative organizations in Karelia to “promote” cinema to grassroots consumer societies in the 1920s, to identify the state of the local cooperative cinema network, to outline the main indicators of its development during the first five-year plan, to determine the working conditions of projectionists in rural areas, and to highlight issues of training for the cooperative cinema network. Based on archival documents, the study revealed that in the first half of the 1920s, in order to serve rural areas, the leadership of the People’s Commissariat for Education of Karelia sought to increase the number of film exhibitions through financial assistance from cooperatives. The board of the Karelo-Prionezhsky Union of Consumer Cooperation (Karonegsoyuz) expressed interest in purchasing mobile cinema installations. The concentration of funds allocated for cultural work by grassroots consumer societies contributed to the purchase of new film projectors, which made it possible to hold film shows on the periphery of the Karonegsoyuz. Cooperative unions took part in film services for peasants, fishermen, and loggers. Films about cooperation contributed to the indoctrination of cooperative ideas. Projectionists from the Karonegsoyuz took an active part in cooperative agitation and propaganda. The significance of the film work of the cooperative unions of Karelia lies in the fact that it contributed to raising people’s awareness about various cultural innovations and the mere concept of cinema, a great technical invention of the time, and encouraged their interest in cinema as an art form.

Key words: cooperation, cooperative societies and unions, cinema, cinematography, cinefication, mobile cinemas, film services

For citation: Dianova, E. V. Participation of cooperative organizations in cinefication of Karelia in the 1920s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):25–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1005

REFERENCES

1. Aniskin, M. A. Formation of the Soviet film system (1920s–1930s). *Vlast'*. 2016;10:154–159. (In Russ.)
2. Afanasyeva, A. I. The Great October Revolution and the formation of Soviet culture in Karelia, 1918–1927. Petrozavodsk, 1983. 238 p. (In Russ.)
3. Belenkiy, I. V. History of cinema. Filming, film industry, film art. Moscow, 2019. 402 p. (In Russ.)
4. Gavrilova, T. V. Cinema business development in Penza region in the 1920s. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2011;4-1(10):39–41. (In Russ.)
5. Goncharenko, O. N. The spreading of the motion-picture industry in Tyumen krai in 1919–1939. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2017;12-1(86):63–66. (In Russ.)
6. Dianova, E. V. The participation of co-operative organizations in the rural cinema development in the 1920s. *Klio. A Monthly Scholarly Journal*. 2023;8:124–136. (In Russ.)

7. Dianova, E. V. Cinema circuit development and promotion by the Vologda cooperation in the 1920s. *Bulletin of Vologda State University. Series: History and Philology*. 2023;2:17–22. (In Russ.)
8. Zorkaya, N. M. The history of Soviet cinema. St. Petersburg, 2005. 544 p. (In Russ.)
9. From the history of cinema in Karelia: List of references (Department of National and Local History Literature and Bibliography; M. Yu. Vanchurova, Ed.). Available at: <http://library.karelia.ru/files/6994.pdf> (accessed 12.09.2023). (In Russ.)
10. Ivanov, A. A. We love cinema. Petrozavodsk, 1969. 88 p. (In Russ.)
11. The history of Russian cinema. Moscow, 2005. 523 p. (In Russ.)
12. Kaukina, R. N. The formation of film-showing and radiobroadcasting industries in Mordovia in the 1920s and 1930s. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2019;3(51):96–103. (In Russ.)
13. Kubanov, N. Yu. Soviet filmmaking in 1917–1924 as a tool for promoting Bolshevik ideology. *Gilea: Scientific Bulletin*. 2017;116(1):31–38. (In Russ.)
14. Kulachkov, V. V., Konova, V. I. Radio broadcasting and cinematograph in rural lands of the 1920s. (on the materials of Bryansk, Smolensk and Gomel provinces). *History: Facts and Symbols*. 2021;1(26):31–38. (In Russ.)
15. Kulinich, N. G. Filmmaking in the cities of the Far East of the RSFSR in the 1920s and the 1930s. *History and Culture of the Amur Region*. 2007;2(2):62–79. (In Russ.)
16. Mironov, G. A. Cinema affairs development in Middle Volga region in 1890–1930: historiography of problem. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2013;12(38-II):137–141. (In Russ.)
17. Polyanskova, L. Yu. The influence of the provision of radio and film-showing facilities on the sociocultural image of Middle Povolzhye peasantry (1921–1929). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2010;1(5):130–132. (In Russ.)
18. Rusina, Yu. A. The history of Soviet cinema. Yekaterinburg, 2019. 104 p. (In Russ.)
19. Ryabchikova, N. S. “Proletkino”: from “Goskino” to “Sovkino”. *Film Studies Notes*. 2010;94/95:90–108. (In Russ.)
20. Filimonchik, S. N. Cultural life of Petrozavodsk in the 1920s. *Local traditions in the folk culture of the Russian North: Proceedings of the international research conference “Ryabinin Readings-2003”*. Petrozavodsk, 2003. P. 257–259. (In Russ.)
21. Yusupova, G. M. “With great material and artistic success...”: box office phenomena of popular art of the 1920s: Cinema. Literature. Theater. Moscow, 2016. 267 p. (In Russ.)

Received: 15 September 2023; accepted: 29 January 2024

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального
исследовательского центра «Кольский научный
центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozevnikova@gmail.com

СУМСКОЕ ПРИХОДСКОЕ УЧИЛИЩЕ И ЕГО РОЛЬ В ОБУЧЕНИИ КЛИРИКОВ КОЛЬСКОГО БЛАГОЧИНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Впервые рассматривается история Сумского приходского училища, созданного в поморском селе Сумский посад Кемского уезда Архангельской губернии во время реформы духовной школы, проводившейся при Александре I, оценивается роль этого заведения в обучении клириков из приходов Кольского благочиния. Основными источниками для исследования стали документы Национального архива Республики Карелия: указы Архангельской духовной консистории и служебная переписка смотрителя Сумского приходского училища с ректором Архангельского уездного училища. Общероссийские правила по организации учебного процесса, выработанные особой комиссией при Синоде, были приспособлены к условиям северной провинции с низкой плотностью населения. Выясняется, что в Сумском училище начальное духовное образование получали дети клириков не только Кемского, но и Кольского уезда, так как запланированное учебное заведение в городе Кола не было открыто из-за малочисленности местных приходов. За краткий период существования (1809–1814) Сумское училище не могло эффективно решить назревшую проблему подготовки грамотных клириков для сельских приходов Кольского благочиния, вместе с тем полученные в нем знания позволили его ученикам занять причетнические должности. Учебное заведение было закрыто из-за сокращения количества учащихся. На примере Сумского училища выявляются общие для Архангельской епархии проблемы начального духовного образования первой четверти XIX века.
К л ю ч е в ы е с л о в а : Архангельская епархия, Кольское благочиние, Кольский уезд, духовное образование, приходское училище, приходское духовенство

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».
Д л я ц и т и р о в а н и я : Кожевникова Ю. Н. Сумское приходское училище и его роль в обучении клириков Кольского благочиния в первой четверти XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 38–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1006

ВВЕДЕНИЕ

В первой четверти XIX века в России была проведена масштабная реформа духовного образования, направленная на устранение основных недостатков и расширение учебных программ для подготовки грамотных священников и причетников, в которых остро нуждались городские и сельские приходы. Новая централизованная система учебных заведений состояла из четырех ключевых звеньев – духовные академии, семинарии, уездные и приходские училища, которые одновременно были друг для друга служебными инстанциями. С 1808 года при Святейшем Синоде действовала особая Комиссия духовных училищ для управления созданной

образовательной структурой. Основным источником материального обеспечения духовных учебных заведений по предложению авторов реформы – статс-секретаря М. М. Сперанского, митрополитов Амвросия (Подобедова) и Феофилакта (Русанова) – «без всякого отягощения государства» стали денежные поступления от продажи восковых свечей, монополизированной Русской православной церковью¹ [1].

Отечественная историография, посвященная реформе духовной школы при Александре I, обширна. Значимость и актуальность проведенных преобразований подчеркивались досоветскими историками². Отмечались и слабые стороны нововведений, например отсутствие четких

полномочий епархиальных архиереев в управлении учебными заведениями и неучастие в нем духовных консисторий³. При этом основное внимание историки уделяли традициям академического и семинарского образования⁴. На материалах отдельных регионов в наши дни проводятся системные исследования истории духовной школы и выявляется местная специфика проходивших в первой четверти XIX века процессов; в научный оборот вводятся новые данные; выявляются общие черты в реформировании двух образовательных сфер – духовной и светской [2], [5]. Рассмотрено развитие духовной школы в Архангельской губернии в XIX – начале XX века, в том числе проблемы, связанные с организацией и деятельностью приходских учебных заведений, созданных в 1808–1809 годах [3], [6]. Сумское приходское училище кратко упоминается в обобщающем труде по истории духовной школы [6: 106, 111–112]. Вопрос обучения клириков Кольского благочиния в первой четверти XIX века ранее не рассматривался в научной литературе.

Данная статья подготовлена на основе материалов фондов Национального архива Республики Карелия: Кемского духовного правления (Ф. 165) и Кемского приходского училища (Ф. 692). Основными источниками сведений стали сохранившиеся в них указы Архангельской духовной консистории и переписка смотрителя Сумского приходского училища с ректором Архангельского уездного училища.

ОТКРЫТИЕ ПРИХОДСКИХ УЧИЛИЩ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ

В приходских училищах, представлявших низшую ступень в новой системе духовного образования, дети клириков получали начальные знания русской грамматики, учились чтению и письму, четырем правилам арифметики, сокращенному катехизису и церковному нотному пению. Полный учебный курс в этом звене рассчитывался на два класса (то есть на два года). Свидетельство, выданное приходскими училищами, давало их выпускникам право поступить на свободные причетнические места или продолжить обучение в уездных училищах⁵.

Первоначально в Архангельской епархии предполагалось создать 19 духовных училищ, в том числе в уездном городе Кола. По предложению правящего епископа Евлампия (Введенского) число учебных заведений пришлось сократить «по соображении местных обстоятельств» до одиннадцати:

«признано нужным открыть наперед уездное училище, а приходских только десять, а именно в трех больших округах по два, а в прочих (кроме Кольской, где учеников мало) по одному»⁶.

По синодальному указу от 19 июля 1809 года были учреждены уездное училище при Архангельской духовной семинарии и десять приходских училищ в городах Архангельск и Холмогоры, в мужских Николо-Корельском, Крестном и Веркольском монастырях, в Емецком (Холмогорский уезд), Устьважском (Мезенский уезд), Березницком (Шенкурский уезд) и Сумском (Кемский уезд) приходах⁷. Другими словами, училища открывались в каждом уезде Архангельской губернии за исключением Кольского, который вполне справедливо назывался тогда «почти безжизненной пустыней, омываемую бурными водами Северного океана и Белого моря»⁸.

Училища, организованные в течение 1809 года в Архангельской епархии, относились к Санкт-Петербургскому учебному округу. Новые учебные заведения находились под руководством настоятеля Михаило-Архангельского монастыря архимандрита Амвросия, ставшего первым ректором Архангельского уездного училища и сыгравшего важную роль в деле духовного образования епархиальных клириков в первой четверти XIX века. В сжатые сроки он должен был наладить образовательный процесс во всех подведомственных ему учебных заведениях. Ректор входил в состав уездного училищного правления, и ему напрямую подчинялись смотрители, управлявшие приходскими училищами.

Все сыновья священников и причетников, достигшие школьного возраста, были распределены по учебным заведениям, «чтобы ни один из священноцерковнослужительских детей, имеющих шесть лет от роду, не оставался не приписанным к какому-либо училищу»⁹. В сентябре 1809 года в приходские училища Архангельской епархии должны были поступить 218 мальчиков¹⁰. На домашнем обучении по просьбе родителей временно оставались 23 человека с обязательным условием прибыть на экзамен в течение следующего Великого поста¹¹. В случае успешно пройденного испытания они могли продолжить учебу в родном доме, а при отрицательной оценке отправлялись получать недостающие знания в училище.

ОТКРЫТИЕ СУМСКОГО ПРИХОДСКОГО УЧИЛИЩА

Одним из учебных заведений, открытых в Архангельской епархии за время реформы духовного образования, проводившейся в 1808–1814 годах, стало приходское училище в поморском селе Сумский посад, расположенном на Карельском берегу Белого моря. Место для приходского училища было выбрано неслучайно. Старинное поморское селение Сумской острог, до секуляризации духовных имений входившее в состав вотчинных земель Соловецкого монастыря,

по сенатскому указу от 12 июля 1806 года получило статус посада¹². Его украшали две церкви: каменная в честь Успения Божией Матери с приделом преподобных Зосимы и Савватия, построенная соловецкими монахами во второй половине XVII века, и деревянная Никольская, поставленная в 1768 году над погребением местночтимого святого преподобного Елисея Сумского¹³. В первой четверти XIX века в Сумском приходе служили два священника, Петр Ануфриев (1807–1821) и Гавриил Молчанов (1809–1814). По данным за 1829 год, местная община была относительно большой для этого края и состояла из 791 человека¹⁴. В начале XIX века в Сумском посаде, на левом берегу реки Сума, действовало подворье Соловецкого монастыря с хозяйственными постройками¹⁵, и новое учебное заведение предполагалось разместить в его стенах («под приходское в Суме училище занять удобный покой, соразмерный количеству учеников в доме Соловецкого монастыря»¹⁶).

Смотрителем Сумского приходского училища назначили протоиерея Иосифа Нечаева из Успенского собора в городе Кемь. Ведомость за 1815 год сообщает, что священник обучался в Архангельской духовной семинарии в 1782–1793 годах, сразу после рукоположения поступил в соборный причт, в 1799 году стал кемским благочинным, в сан протоиерея был возведен 22 февраля 1803 года¹⁷. За два месяца Иосиф Нечаев должен был составить список учеников, найти подходящие кандидатуры учителей, подготовить помещение и получить учебные пособия. В сохранившейся в Национальном архиве Республики Карелия переписке ректора и смотрителя с августа 1809 года обсуждаются вопросы, связанные с налаживанием учебного процесса в Сумском посаде¹⁸. Прежде всего выяснилось, что постройки подворья, служившего до 1793 года зимней резиденцией соловецких настоятелей, уже обветшали. Мужская обитель, испытывавшая в тот период значительные материальные затруднения, отказалась поддерживать создаваемое училище и срочно отремонтировать для него «ветхий покой»¹⁹. При этом незначительная «штатная сумма», выделенная государством на содержание учебного заведения и жалованье учителю²⁰, вовремя в Кемь не поступила. Ректор архимандрит Амвросий пояснял досадную задержку с финансированием: «от государственного казначея, конечно, по ошибке не вышла на ваше Сумское училище сумма, о чем Его Преосвященство уже отнесся в Петербург куда следует»²¹. Собственный деревянный дом под училище согласился отдать

в аренду сумский мещанин Тимофей Лукич Рябов за 75 рублей в год «с исправлением должности сторожа»²².

В Сумском училище должны были получать начальное образование сыновья клириков, служивших в церквях сразу двух, Кемского и Кольского, уездов. Таким образом, общероссийские правила, выработанные реформаторами («несколько приходов одного уезда <...> имеют одно приходское училище»)²³, были приспособлены к местным реалиям из-за малочисленности сельских приходов и их удаленности друг от друга. По этим же причинам в Архангельской епархии для каждого приходского училища назначался свой смотритель, который следил за работой учителей, принимал экзамены, составлял ведомости об успеваемости²⁴.

В Сумском училище по предварительно составленным спискам были сформированы два класса с 18 учениками в возрасте от 6 до 12 лет, однако к началу занятий явились только 8 мальчиков из приходов Кемского уезда, в том числе шестилетний сын самого отца Иосифа²⁵. «Как бы их всех в непродолжительном времени собрать, это уже на Вашем попечении», – наставлял озадаченного смотрителя в конце октября 1809 года архимандрит Амвросий²⁶. В первый год существования Сумского училища в нем обучались 17 мальчиков, из них 5 – в высшем классе, 12 – в низшем. По числу учащихся это учебное духовное заведение относилось к числу наиболее малолюдных в Архангельской епархии, из-за чего в нем преподавал только один учитель²⁷. Им стал молодой священник Гавриил Молчанов, специально переведенный к открытию училища из Малошуйского прихода Онежского уезда, где он служил после окончания низшего отделения Архангельской духовной консистории²⁸.

Официально занятия в училище начались с опозданием почти на месяц, 26 сентября 1809 года²⁹. В первом рапорте на имя протоиерея Иосифа Нечаева учитель сообщает любопытные подробности, свидетельствующие о скромных успехах его подопечных:

«В течение октября месяца в училище первого отделения ученики упражняемы были в познании букв и складов гражданской печати и церковной и рукописной по букварю и по таблицам совокупным чтением. Из часослова вседневную полунощницу совокупным чтением выучили. Правила для учащихся начинают учить. Второго отделения ученики упражняемы были в познании букв и складов гражданской печати и церковной и рукописной совокупным чтением. Из псалтири с начала пять кафизм проучили совокупным чтением, из катехизиса выучили на память семь вопросов с ответами. Заглавные буквы выписали. Все ученики без упущения в училище ходили»³⁰.

ОБУЧЕНИЕ КЛИРИКОВ КОЛЬСКОГО БЛАГОЧИНΙΑ

В состав Кольского благочиния, охватывавшего огромную территорию Кольского полуострова и северной Карелии, в конце XVIII – начале XIX века входили семь приходов с центрами в уездном городе Кола, поморских селах Кереть, Кандалакша, Варзуга, Умба и Поной [4]. До открытия приходского училища в Сумском посаде вопрос о профессиональном обучении служивших в них клириков решался двумя способами. Священники и причетники могли оставлять сыновей на домашнем обучении или же посылать их на учебу в Архангельскую семинарию – единственное в то время епархиальное заведение, где можно было получить духовное образование. Известно, что в 1793 году учеником инфимы (то есть низшего отделения) был Лев Адрианов, сын священника Понойского прихода³¹. В 1803 году при семинарии была открыта так называемая русская школа с упрощенной учебной программой для подготовки причетников [6: 90], но духовенство Кольского благочиния не стремилось отправлять малолетних детей на учебу в далекий Архангельск из-за родительских опасений и дороговизны жизни в губернской столице.

В 1809 году все подходившие по возрасту сыновья священников и причетников Кольского благочиния были приписаны к Сумскому училищу. При составлении списка будущих учеников возникла путаница: по ошибке благочинного в него попали два сына бывшего пономаря Воскресенского собора в городе Кола Дмитрия Сидоровского, лишённого духовного звания из-за участия в краже крупной суммы денег³². За допущенную неточность в учетном документе благочинный был оштрафован на 5 рублей в пользу епархиальной богадельни.

Первым из детей клириков Кольского благочиния в Сумском училище приехал учиться 15-летний сын священника Умбского прихода Антоний Титов, приступивший к занятиям 15 ноября 1809 года³³. Другие мальчики задерживались. В перечне учеников, не явившихся вовремя на учебу, упоминаются имена Алексея и Федора Ивановских и Федора Измайлова из соборного Кольского прихода, Дмитрия и Ивана Титовых из Умбского, Григория Гурьева из Варзужского, Сидора Адрианова из Понойского³⁴. В январе 1810 года смотритель Иосиф Нечаев жаловался руководству, что «Кольской округи священноцерковнослужители не представляют детей в училище, но отзываются по разным причинам» (из-за плохой погоды, «удобного случая к отправке не было»)³⁵. Варзужский священник Василий Гурьев, оправдывая свое нежелание от-

пускать сына, называл его «малолетним и косноязычным». Уездное училищное правление потребовало прислать ребенка в Архангельск для выяснения, «точно ли косноязычен и неспособен к учению»³⁶. Позднее, в случае упорного нежелания уездного духовенства отправлять в училище детей, не сдававших экзамен во время четырехдесятницы, власти угрожали «выслать чрез земскую полицию»³⁷.

Сохранившаяся ведомость о публичных испытаниях, проведенных в Сумском училище в 1811 году, содержит сведения о шести мальчиках из приходов Кольского благочиния³⁸. В низшем классе учился 11-летний Федор Измайлов, «смирного поведения и не худых способностей», сын умершего священника кольского Воскресенского собора Александра Измайлова. Среди учеников высшего отделения упоминается 17-летний Антоний Титов из Умбы, «хорошего поведения и не худых способностей». Он уже завершил обучение и получил свидетельство для определения на пономарскую должность. Место в родном приходе с условием выучиться было оставлено за ним в 1809 году, когда выяснилось, что он «читает, поет и пишет не худо», а прочих предметов не знает (катехизиса, церковного устава, истории, арифметики, российской грамматики)³⁹. При желании юноша мог продолжить учебу в уездном училище для дальнейшего возведения во священство. Еще одно свидетельство, «за ушедшими годами», в 1811 году получил 15-летний Алексей Ивановский. Про его младшего брата, 10-летнего Федора, в документе сообщается, что тот отсутствовал на экзамене. В высшем классе продолжали учиться еще два сына умбского священника Иоанна Титова – Дмитрий и Иван.

По правилам, разработанным Комиссией духовных училищ, детей во время учебы содержали их родители. Для тех, кто не имел возможности оплачивать все расходы, назначалось вспомогательное пособие. Из детей клириков Кольского благочиния в 1811 году на «полубурсачном» положении находился Федор Ивановский, сын кольского протоиерея: мальчику выделялись казенные деньги на пропитание, так как его отец отказался от полного содержания сына. Вторым «полубурсачком» был Иван Титов из многодетной семьи умбского священника⁴⁰.

Во время непродолжительного существования Сумского училища (1809–1814) число учеников из Кольского благочиния оставалось крайне малым прежде всего из-за небольшого количества местных сельских приходов и служивших в них причетов⁴¹. К началу 1813/14 учебного года школьного возраста достигли только два мальчика – Иван Плотников из Керетского прихода и Гавриил Гурьев из Петропавловского

Варзужского прихода⁴². Кроме того, Сумский посад находился слишком далеко от большей части приходов Кольского благочиния. Священникам Петропавловских церквей в селах Варзуга и Поной, располагавшихся в юго-восточной части Кольского полуострова, по их просьбам было разрешено отправить сыновей Григория Гурьева и Григория Адрианова⁴³ на обучение в более близкое по расстоянию Рождественское приходское училище в Архангельске⁴⁴.

ЗАКРЫТИЕ СУМСКОГО ПРИХОДСКОГО УЧИЛИЩА

При разработке реформы духовного образования ее авторы полагали, что «училища приходские в самые села и деревни распространят отрасли единообразного и методического учения»⁴⁵. В Архангельской епархии, однако, опыт открытия учебных заведений в отдаленных селах Сумский посад, Усть-Вашка, Ровдино, а также в Веркольском и Крестном монастырях оказался неудачен [б: 111–112]. По ходатайству правящего епископа Парфения (Петрова), признавшего их работу неэффективной, в 1814 году из-за малого числа учащихся они были закрыты и переведены в разные уездные города. Вместо Сумского приходского училища учреждалось новое учебное заведение в Кеми, учителем которого при отсутствии других кандидатов стал тот же священник Гавриил Молчанов, не прошедший полный курс обучения в семинарии⁴⁶.

После закрытия Сумского училища сыновья клириков Кольского благочиния могли получать начальное духовное образование в Рождественском⁴⁷ или Кемском приходских училищах⁴⁸. Уже в 1816 году из-за отсутствия учащихся деятельность учебного заведения в Кеми была приостановлена.

Сумское училище из-за кратковременности своего существования не могло оказать сильного влияния на уровень профессиональных знаний детей городских и сельских клириков Кольского благочиния, однако полученное в нем начальное духовное образование позволяло его ученикам занять свободные дьяческие и пономарские места в местных приходах, а при желании – продолжить учебу в уездном училище в Архангельске для получения священного сана.

ВЫВОДЫ

Итак, в ходе реформы духовного образования, начатой в Архангельской епархии в 1809 году, изначально запланированное приходское училище в уездном центре Кола не было открыто из-за малочисленности приходов и сельского духовенства Кольского благочиния. Священники и причетники местных церквей вынужденно отправляли подросших сыновей на учебу в отдаленные Сумский посад или Архангельск. Сумское приходское училище для обучения детей клириков Кемского и Кольского уездов существовало недолго, в 1809–1814 годах, и не могло решить назревшую проблему подготовки грамотных клириков для сельских приходов. В неудачном опыте создания этого малоизвестного в наши дни учебного заведения отразились общие для Архангельской епархии проблемы начального духовного образования первой четверти XIX века: отсутствие собственного помещения, низкая квалификация учителя, труднодоступность учебного заведения для большей части приходов и сокращение числа его учащихся. Не все общероссийские рекомендации могли быть применены в условиях северной провинции с низкой плотностью населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Знаменский П. В. Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I. Казань: Типография Императорского университета, 1878. 42 с.
- 2 Прилежаев Е. М. Духовная школа и семинаристы в истории русской науки и образования. СПб., 1879. 28 с.; Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX столетии. К столетию духовно-учебной реформы 1808-го года. Вильна: Типография «Русский почин», 1908. 385 с.
- 3 Знаменский П. В. Основные начала духовно-училищной реформы... С. 18–19, 25.
- 4 Надеждин А. Н. История Санкт-Петербургской православной духовной семинарии, с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. 1809–1884 гг. СПб.: Синодальная типография, 1885. 660 с.; Смирнов С. К. История Московской Духовной Академии до ее преобразования (1814–1870). М.: Университетская типография, 1879. 632 с.
- 5 «Неоказавшие успехов» ученики оставались в приходском училище на третий год и по его истечении, сдав экзамен, также получали свидетельства, позволявшие им занять места дьячка или пономаря. Кто не выдержал испытания, могли рассчитывать только на самые низшие церковные должности. См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 года по 12 декабря 1825 года (далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 30. № 23122.
- 6 Цит. по: Копия с 21-й статьи журнала Комиссии духовных училищ мая 22 дня 1809 года // Архангельские епархиальные ведомости. 1893. № 8. С. 155.
- 7 Об открытии духовных уездного и приходского училищ в Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. 1893. № 8. С. 146.

- ⁸ Поромов И. Описание Кольского уезда // Архангельский сборник. Архангельск: Губернская типография, 1863. Ч. 1. Кн. 2. С. 265. По данным секретаря Архангельского статистического комитета Ивана Петровича Поромова, плотность населения Кольского уезда в 1865 году составляла 1 человек на 20 квадратных верст. См.: Там же.
- ⁹ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 30. № 23122.
- ¹⁰ Копия с 21-й статьи журнала... С. 155.
- ¹¹ Об открытии духовных уездного и приходского училищ... С. 148.
- ¹² Национальный архив РК: Путеводитель. Петрозаводск: Версо, 2018. С. 124.
- ¹³ НА РК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4а/85. Л. 24.
- ¹⁴ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 7/116. Л. 32 об.
- ¹⁵ «Подворье в Сумском посаде на Корельском берегу, деревянное, существующее с давних времен, оставленное во владение Соловецкого монастыря при Высочайшем утверждении духовных штатов в 1764 году февраля 26 дня. К нему прилегают четыре сенокосных луга, занимающие <...> всего 39 десятин и 1174 сажени». См.: Мелетий, архимандрит. Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М.: Типография М. Н. Лаврова и К., 1881. С. 309.
- ¹⁶ НА РК. Ф. 692. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 1.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ НА РК. Ф. 692. Оп. 1. Д. 1/1.
- ¹⁹ Там же. Л. 11.
- ²⁰ По штатам Сумскому приходскому училищу полагалось пособие 550 рублей в год, из них 100 рублей – на его содержание (отопление, освещение), 175 рублей – на жалованье смотрителя и 275 рублей – двух учителей. См.: ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 30. № 23122.
- ²¹ НА РК. Ф. 692. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 14.
- ²² Там же. Л. 75.
- ²³ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 30. № 23122.
- ²⁴ В правилах указывалось, что в обычном порядке «смотритель есть всегда начальник приходских училищ в своем округе»; «смотритель благочиния управляет непосредственно всеми приходскими училищами, в округе его состоящими, и дает в сем отчет правлению училища уездного». См.: ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 30. № 23122.
- ²⁵ В низший класс поступили Иван Нечаев и Иван Петров из Кемского соборного прихода, Василий Дунин из Нюхченского, Иван Никитин из Шуерецкого; в высший класс – Иван Ануфриев и Григорий Никитин из Сумского прихода, Михаил Петров из Кемского соборного, Иван Посников из Шиженского.
- ²⁶ НА РК. Ф. 692. Оп. 1. Д. 1/1. Д. Л. 12.
- ²⁷ Наименьшее количество учеников в Архангельской епархии имели Николаевское приходское училище (9 человек) и Березницкое (15). См.: Григорьевский М. Открытие уездного и приходских училищ в Архангельской епархии (к истории духовного просвещения Архангельского края) // Архангельские епархиальные ведомости. 1905. № 14. С. 525.
- ²⁸ НА РК. Ф. 692. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 511 об.–512.
- ²⁹ Григорьевский М. Открытие уездного и приходских училищ... № 13. С. 481.
- ³⁰ НА РК. Ф. 692. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 21.
- ³¹ Там же. Ф. 165. Оп. 2. Д. 2/3. Л. 140. Лев Адрианов, после учебы в семинарии служивший дьячком в Понойском приходе, уволился в крестьянство в 1815 году. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 5/15. Л. 22 об.–23.
- ³² НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 5/35. Л. 34–34 об.
- ³³ Там же. Ф. 692. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 22 об.
- ³⁴ Там же. Ф. 165. Оп. 2. Д. 5/35. Л. 24.
- ³⁵ Там же. Ф. 692. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 66; Ф. 165. Оп. 1. Д. 6/108. Л. 116.
- ³⁶ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4/93. Л. 15, 19.
- ³⁷ Например, см.: НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4/93. Л. 8.
- ³⁸ Там же. Ф. 692. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 148 об.–151 об.
- ³⁹ Там же. Ф. 165. Оп. 2. Д. 5/36. Л. 1–1 об.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 692. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 82. Из учеников училища «полным бурсаком» учился Григорий Никитин, сын умершего священника Сумского прихода Тимофея Никитина. См.: Там же. Л. 184–184 об.
- ⁴¹ Если средняя численность уездного духовенства в Архангельской епархии в 1809 году составляла 80 человек [6: 107], то в Кольском уезде в 1815 году насчитывался 21 священник и церковный служитель. См.: НА РК. Ф. 166. Оп. 2. Д. 5/15.
- ⁴² Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4/93. Л. 7.
- ⁴³ После скоропостижной смерти отца в 1815 году Григорий по ходатайству своей матери получил дьяческое место в Понойском приходе. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5/97. Л. 18.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 692. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 95, 97.
- ⁴⁵ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 30. № 23122.
- ⁴⁶ Его перевели в Кемский соборный причт. См.: НА РК. Ф. 166. Оп. 2. Д. 4/9. Л. 165–165 об.
- ⁴⁷ Рождественское училище в 1820 году стало называться Архангельским духовным приходским училищем.
- ⁴⁸ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5/102. Л. 16–17; Д. 3/46. Л. 40 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беглов А. Л. Реформа духовного образования и закрепощение православных приходов в Российской империи // Российская история. 2020. № 2. С. 149–158. DOI: 10.31857/S086956870009262-9

2. Калинина Е. А. Духовное образование в Олонецкой губернии в XIX – начале XX века. Петрозаводск: ИП Марков Н. А., 2019. 561 с.
3. Квашнина Л. Н. Образование и религиозно-нравственное воспитание на Архангельском Севере в XVIII–XIX веках: Дис. ... канд. пед. наук. Петрозаводск, 1999. 162 с.
4. Кожевникова Ю. Н. Благочинный на Кольском Севере в начале 19 века (по материалам Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия) // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2023. № 1 (59). С. 67–73. DOI: 10.19110/1994-5655-2023-1–67–73
5. Налетова Н. Ю. Духовное образование на территории Смоленской епархии в дореволюционный период. Смоленск: Смоленский НТИ, 2008. 157 с.
6. Санакина Т. А. Православное духовное образование в Архангельской и Холмогорской епархии в XVIII – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2011. 274 с.

Поступила в редакцию 09.01.2024; принята к публикации 09.02.2024

Original article

Yulia N. Kozhevnikova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation) *ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozevnikova@gmail.com*

SUMA PARISH SCHOOL AND ITS ROLE IN EDUCATING THE KOLA DEANERY CLERICS IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

Abstract. This article presents the first-of-its-kind analysis of the Suma Parish School, which was established in Sumsky Posad village in the Kemsy Uyezd of the Arkhangelsk Province during the ecclesiastical school reform initiated by Alexander I. It assesses the role played by this institution in educating clerics from the parishes in the Kola Deanery. The primary sources for this study were the documents from the National Archives of the Republic of Karelia, specifically, decrees issued by the Arkhangelsk Ecclesiastical Consistory and the official correspondence exchanged between the caretaker of the Suma Parish School and the rector of the Arkhangelsk Uyezd School. The national regulations for organizing the educational process, formulated by a special Synod commission, were adjusted to suit the circumstances of the sparsely populated northern province. Notably, the Suma school provided primary theological education to the children of clerics both from the Kem and Kola uyezds, as the intended educational institution in Kola city was not opened due to the limited number of local parishes. Since the Suma school existed only for a short period from 1809 to 1814, it was unable to fully address the pressing issue of training literate clergy for rural parishes in the Kola Deanery. Nevertheless, the knowledge acquired at this school enabled its students to assume clerical positions. Eventually, the institution was closed due to a decline in student enrollment. Through the case study of the Suma school, this article sheds light on the prevailing challenges in primary theological education within the Arkhangelsk Eparchy during the first quarter of the XIX century.

Keywords: Arkhangelsk Eparchy, Kola Deanery, Kola Uyezd, ecclesiastical education, parish school, parish clergy

Acknowledgements. The article was financed from the federal budget as part of the state research task (No FMEZ-2024-0002 “Dynamics of the socio-cultural image of the Kola North in the context of the history of the development of Russia’s Arctic frontier”) assigned to the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kozhevnikova, Yu. N. Suma Parish School and its role in educating the Kola Deanery clerics in the first quarter of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):38–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1006

REFERENCES

1. Beglov, A. L. The reform of the church education in 1808 and enslavement of the Orthodox parish in the Russian Empire. *Russian History*. 2020;2:149–158. DOI: 10.31857/S086956870009262-9 (In Russ.)
2. Kalinina, E. A. Ecclesiastical education in the Olonets Province during the XIX and the early XX centuries. Petrozavodsk, 2019. 561 p. (In Russ.)
3. Kвашнина, L. N. Education and religious and moral upbringing in the Arkhangelsk North during the XVIII and the XIX centuries: Diss. Cand. Sc. (Pedagogics). Petrozavodsk, 1999. 162 p. (In Russ.)
4. Kozhevnikova, Yu. N. Dean in the Kola North at the beginning of the XIX century (according to the documents of the Kem spiritual collegium of the National Archives of the Republic of Karelia). *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2023;1(59):67–73. DOI: 10.19110/1994-5655-2023-1–67–73 (In Russ.)
5. Naletova, N. Yu. Ecclesiastical education in the territory of the Smolensk Eparchy during the pre-revolutionary period. Smolensk, 2008. 157 p. (In Russ.)
6. Санакина, Т. А. Orthodox ecclesiastical education in the Arkhangelsk and Kholmogory eparchies between the XVIII and the early XX centuries: Diss. Cand. Sc. (History). Arkhangelsk, 2011. 274 p. (In Russ.)

Received: 9 January 2024; accepted: 9 February 2024

АННА ВАЛЕРЬЕВНА ВАСИЛЬЕВА

старший преподаватель кафедры отечественной истории
Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
eco-anna@rambler.ru

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ ТУРИСТСКИХ КАДРОВ В КАРЕЛИИ В 1980-е ГОДЫ

Аннотация. В связи с необходимостью вовлечения молодежи в рекреационную деятельность, а также обеспечения кадрами сферы туризма актуальным стало изучение истории советского туризма. В то время во всех республиках Советского Союза непрерывно велась подготовка туристских общественных кадров для самостоятельного туризма (руководителей туристских походов, инструкторов по туризму, судей). В статье впервые проводится анализ документов Карельского областного совета по туризму и экскурсиям с целью изучения системы подготовки туристских кадров в Карелии с 1981 по 1986 год. Источниковую базу исследования представляют как организационно-распорядительная документация местного органа управления туризмом, так и материалы устной истории, собранные автором. Исследование доказывает, что основную роль в развитии туристского движения играл общественный актив туристских клубов, а государственное управление туризмом представляло собой уникальную систему государственно-общественного партнерства и способствовало развитию самостоятельного туризма в целом.

Ключевые слова: советский туризм, самостоятельный туризм, спортивные походы в СССР, история туризма в Карелии

Для цитирования: Васильева А. В. Система подготовки туристских кадров в Карелии в 1980-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 45–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1007

ВВЕДЕНИЕ

В силу уникальных природно-климатических условий и наличия большого количества историко-культурных и природных достопримечательностей Карелия, оправившись от последствий Великой Отечественной войны, с середины 1950-х годов стала привлекать к себе все больше туристов¹. Профсоюзная организация возглавила работу по становлению туристической отрасли и обеспечению безопасности отдыха граждан в республике.

В 1964 году был организован Карельский областной совет по туризму и экскурсиям (КОСТЭ). В статье мы представим анализ расцвета его деятельности в последнюю пятилетку брежневской эпохи – 1981–1986 годах. К 1987 году, в соответствии с осуществлением поставленной задачи по воспитанию гармонично развитой личности, туризмом занимались около 9 миллионов советских граждан, а в туристских походах участвовало более 24 миллионов человек².

Актуальность исследования вызвана современной государственной направленностью

на развитие и популяризацию массового пешеходного туризма среди детей и молодежи как инструмента патриотического воспитания, формирования культуры и привычки путешествовать по стране³ и, соответственно, возможностью использования советского опыта подготовки туристских кадров для безопасных путешествий [2].

Источниковой базой исследования являются материалы Национального архива Республики Карелия (НА РК), устные интервью, взятые у участников туристской деятельности 1980-х годов, и статьи периодической печати. В указанный период благодаря еще работающей бюрократической машине между центральными и местными органами власти сформировался достаточно большой массив организационно-распорядительной документации КОСТЭ. Этот орган государственной власти транслировал на места все указания Центрального Совета по туризму и экскурсиям [1: 261], готовил справки и отчеты о плановых показателях, издавал приказы по личному составу и распоряжения по организации деятельности.

В следующем пятилетии в ходе политики «перестройки» был ослаблен контроль КПСС – заметны пробелы в порядке и содержании документов, ненадлежащее исполнение директив. В 1991 году, после распада СССР, ВЦСПС был распущен, его преемником стала Федерация независимых профсоюзов России. Массовый профсоюзный туризм постепенно канул в Лету, унеся с собой и систему подготовки кадров.

В статье рассматривается государственная поддержка спортивного туризма как основы формирования туристских кадров по водному, пешеходному (горному), лыжному туризму; организация подготовки инструкторов для обслуживания туристских групп на плановых маршрутах; система добровольного патрулирования самостоятельных и плановых маршрутов спасателями; проведение массовых мероприятий. В дополнение ко всему раскрываются характер и уровень проведения массовых туристских мероприятий и работа по пропаганде туризма в печати, на радио и телевидении.

РАЗВИТИЕ СПОРТИВНОГО ТУРИЗМА

Поскольку Карелия – равнинный регион с большим количеством небурных рек начальной категории сложности, здесь давно развит водный туризм. В 1980-е годы основными плавсредствами были байдарки, катамараны с надувными баллонами и плоты спасательные надувные (ПСН). Самыми удобными маршрутами для учебных походов были сплавы по рекам Лососинка, Шапша, Шуя, Лижма, Олонка⁴. Для обеспечения безопасности на воде и обучения навыкам водного туризма в 1980 году КОСТЭ утвердил состав методического совета по водному туризму: председатель – Э. П. Назуков, инструкторы – Ю. К. Смирнов, В. М. Бедер, Л. А. Пикалева, М. М. Берман, В. С. Ольхин и А. Н. Кургузов⁵. Члены совета – активисты петрозаводских турклубов «Сампо» Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) и «Факел» завода «Петрозаводскмаш».

Чтобы поддерживать высокий уровень туристских кадров, КОСТЭ в 1981–1984 годах регулярно направлял туристов на учебные семинары и в учебно-тренировочные походы: по спелеологии – в Крым, по лыжному туризму – в Кировск и на Полярный Урал, по водному туризму – на р. Умба, Кольский полуостров⁶, по спасательным работам – в Кемерово, Свердловск, Красноярск⁷. При этом «расходы на проезд в оба конца, оплату суточных, прокат и провоз багажа, внутритранспортные расходы» оплачивались за счет статьи «Подготовка кадров» в бюджете КОСТЭ⁸.

В 1980 году в качестве практики туристы-водники (Э. П. Назуков и еще четыре человека) были приглашены Центральными туристскими курсами в Иркутск для участия во Всесоюзном семинаре старших инструкторов водного туризма⁹; в 1981 году Виктор Строганов, Александр Ланев и Сергей Потахин были направлены в Орджоникидзе для участия в соревнованиях по технике водного туризма; в 1986 году 10 человек от турклубов «Петрозаводскмаш», Онежского тракторного завода (ОТЗ) и других предприятий отправились на Всероссийские соревнования по водному туризму в Карачаево-Черкесскую область Ставропольского края¹⁰. Тем же составом ездили туристы на соревнования в Мурманскую область и Ленинград.

Туристы Карелии к 1980-м годам имели большой опыт организации республиканского весеннего слета туристов на р. Лососинке, проводили Первенство республики по технике водного туризма на р. Шуе.

Благодаря опыту туристского актива Карелия два раза была выбрана для проведения Слета туристов нечерноземной зоны РСФСР по пешеходному и водному туризму. Слет проходил в июне 1982 и июне 1984 года на р. Тивдийке в селах Тивдия и Белая гора Кондопожского района. По поручению КОСТЭ и Центрального Совета по туризму и экскурсиям организовали работу на слете карельских туристов-общественников старший инструктор совета по самостоятельному туризму Г. И. Степанова; заведующий турклубом «Карелия» Н. Н. Качанова и инструктор Е. З. Рынкевич. Они обеспечили штаб слета и участников снаряжением и медицинским сопровождением. В комиссию по подготовке слета вошло 17 человек, они занимались вопросами размещения туристов, подвоза питьевой воды, дров, организацией культурной программы. Это было значительное событие для республики – участниками соревнований стало около 500 человек. По оценкам организаторов и участников, слет прошел «на отлично»¹¹. По итогам проведения слета благодарности и грамоты получили члены турклубов «Сампо», «Факел», «Скифы», всего около 60 человек¹².

Техника пешеходного туризма лучше всего оттачивается в горах. Карельские туристы, согласно приказам КОСТЭ, нередко отправлялись на майские праздники в учебно-тренировочные походы на Западный Кавказ. Состав командированных был достаточно разнообразен: в 1986 году в группу входили руководитель кружков Станции юных туристов В. Е. Степанов, инженер радиозавода Ю. В. Тишков, мон-

тажница радиозавода Т. Тишкова, представитель ПетрГУ А. А. Пергамент, представитель ОТЗ А. Шавриков и сварщик троллейбусного управления В. Г. Зайков¹³. Тогда же по Западному Кавказу провела поход-семинар по технике пешеходного туризма команда студентов турклуба «Сампо» (В. Пашков, И. Воронов, В. Югелайнен и др.). Эти примеры говорят о демократичности туризма, доступности его для людей из разных социальных групп.

Технику пешеходного туризма помогали оттачивать местные спелеологи¹⁴. Открытое первенство Петрозаводска по спасработам в горах и пещерах проводилось в районе ст. Шуйская. Инициатором и главным судьей соревнований был Андрей Шульц – спелеолог-любитель.

В течение зимнего сезона традиционно проходили лыжные соревнования и семинары для руководителей лыжных групп. В марте начиналась подготовка судей.

Таким образом, путем постоянного обучения руководителей спортивных походов, соревновательного эффекта и профессионального общения государство содействовало развитию спортивного туризма, создавало базовый уровень для подготовки инструкторов по туризму.

ПОДГОТОВКА ИНСТРУКТОРОВ ДЛЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ ТУРИСТСКИХ ГРУПП НА ПЛАНОВЫХ МАРШРУТАХ

В Карелии были развиты водные, пешие и лыжные плановые маршруты. Значительное число плановых маршрутов имело форму радиального путешествия: туристы весь период отдыха находились на одной и той же туристской базе, совершая экскурсии, а также непродолжительные туристские походы, обычно 2–5-дневные, с ночевками в туристских приютах.

Подготовке туристских кадров для плановых маршрутов содействовали все существующие на тот момент в Петрозаводске организаторы туризма. Так, в 1983 году в гостинице «Карелия» проходили сборы по водному и лыжному туризму. Туристы, выезжающие на практику, чаще всего на турбазу «Косалма» в Кондопожском районе, обеспечивались транспортом, сухим пайком и снаряжением по приказу КОСТЭ за счет средств на подготовку кадров. В 1985 году на курсы инструкторов было зачислено 85 человек¹⁵. Приказом от 14 мая 1985 года к работе с туристами допущено 66 человек¹⁶. В 1987 году в Карелии были организованы курсы руководителей туристских групп, в которых участвовали

59 человек¹⁷. На регулярной основе шла подготовка инструкторов-методистов водного туризма плановых маршрутов. Так, по итогам обучения в мае 1987 года 50 слушателям была присвоена квалификация инструктора-методиста по водному туризму¹⁸.

Методисты городского турклуба «Карелия» непосредственно разрабатывали инструкции по обеспечению безопасности в лыжных походах и прогулках на туристских базах, в которых подробно рассказывалось, как сделать лыжную трассу, как ее промаркировать, как обеспечить безопасность. В одной из инструкций было отмечено, что «к участию в лыжных походах допускаются практически здоровые люди»¹⁹, тем самым подчеркивались доступность и простота данной рекреационной деятельности.

В указанный период закрепляется профессиональная модель инструктора самостоятельного туризма для плановых маршрутов, определяются основные требования к каждой категории общественных кадров [3]. В 1987 году инструктор должен был пройти инструкторский поход-семинар, иметь звание инструктора-методиста, удостоверение о профессиональной подготовке.

На протяжении 1980-х годов начальник контрольно-спасательного отряда В. Ф. Сайков отправлял добровольцев-туристов на патрулирование самостоятельных и плановых маршрутов. Он организовывал питание патрулей, снаряжение, пытался добиться награждения активистов; оплата труда спасателей не подразумевалась.

В начале года проводился сбор-семинар контрольно-спасательных отрядов КАССР, а также патрульный поход на о. Кижы²⁰. В приказах, кроме патрулирования на о. Кижы и на островах Кижских шхер, есть данные о направлении спасательных отрядов в Лоухский и Кемский районы. В период школьных каникул применялся метод автомобильного патрулирования в Кондопожском, Медвежьегорском, Пряжинском районах²¹.

Патрульные поездки в дальние районы производились в соответствии с планом профилактических мероприятий на самостоятельных маршрутах. 5–7 человек из числа актива отправлялись на несколько дней в труднодоступные районы, чтобы проверить состояние туристских групп. Данную важную общественную работу люди выполняли даже во время своего отпуска. В состав патрулей входили студенты ПетрГУ и рабочие заводов «Петрозаводскмаш» и ОТЗ. В вы-

ходные и праздничные дни на патрулирование чаще всего ходили члены головного контрольно-спасательного отряда КОСТЭ А. М. Афанасьев и И. А. Ачеповский. В 1982 году они провели более 10 патрульных походов²².

В зимнем сезоне 1985/86 года было проведено силами общественности 6 рейдов и 10 рейдовых проверок на маршрутах, часто посещаемых самодельными туристами. Патрульные походы в Прионежском и Пряжинском районах проводились штатными сотрудниками спасательной станции.

Руководители контрольно-спасательной службы стимулировали развитие спортивного туризма, а тем самым и подготовки кадров, через систему соревнований и судейской подготовки. Из Справки о работе Федерации туризма КОСТЭ по профилактике несчастных случаев в самодельных туристских походах явствует, что в предсезонной подготовке в 1986 году впервые проведены 2-дневные республиканские соревнования по организации спасательных работ в горах и пещерах, в которых приняло участие 175 человек, в том числе 42 человека из районов республики. Участие в соревнованиях было засчитано как проверка подготовки тургрупп к сложным горным и спелеомаршрутам²³. В том же отчете говорится, что в соревнованиях по безопасности контрольно-спасательных отрядов по водному туризму в июне 1986 года прошли переподготовку 80 человек.

В 1980-е годы спортсмены Карелии, в том числе и туристы, поддерживали лозунг добровольного спортивного общества «Буревестник»: «Массовость плюс мастерство». Для жителей Петрозаводска туристы продолжали готовить и проводить туристский праздник на пригородной лыжной трассе «Фонтаны» (старт им был дан в 1976 году).

Существовала практика организации массовых лыжных походов выходного дня в районе городской лыжной трассы «Фонтаны», оз. Половинное, д. Ужесельга, ур. Чертов Стул, проведения лыжного праздника «Онежские старты» (маршрут Фонтан – Ужесельга – Сайнаволоок²⁴) на Онежском озере. Задачей КОСТЭ было привлечь за зиму к лыжным походам 20 тысяч петрозаводчан²⁵. Ответственными за эти мероприятия были старший инструктор Совета Г. И. Степанова, заведующий подведомственным Карельскому областному совету по туризму и экскурси-

ям турклубом «Карелия» Н. Н. Качанова, инструктор турклуба Е. З. Рынкевич.

Руководителем массового похода на урочище Чертов стул (северное побережье Петрозаводской губы Онежского озера) в феврале 1986 был назначен председатель турклуба «Факел» «Петрозаводскмаша» И. Зайцев²⁶. В марте таким же походом руководили заведующий турклубом «Карелия» Н. Н. Качанова и главный судья соревнований В. С. Орлов²⁷. Данные походы шли в зачет «Лыжни Антикайнена» – республиканских военно-спортивных соревнований на приз газеты «Комсомолец».

ПРОПАГАНДА ТУРИЗМА В ПЕЧАТИ, НА РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИИ

При КОСТЭ действовала секция журналистов. Ее председателем был корреспондент республиканской газеты «Ленинская правда» и энтузиаст туризма Е. В. Давыдов. В секцию вошли опытные журналисты областной, городских, районных и многотиражных газет, радио и телевидения²⁸. В республиканской газете «Комсомолец» ежеквартально выходила страничка «Ветер странствий». За 1985 год в республиканских газетах было опубликовано более 40 материалов о туризме, а в городских и районных – более 200. Появлялись проблемные статьи о сохранности деревянной архитектуры, об организации туризма, реализации путевок.

По данным отчета КОСТЭ, туристским активом Петрозаводска и республики за 1981–1986 годы была проделана работа по развитию самодельного туризма в коллективах физкультуры, учебных заведениях различного уровня. Активизировалась работа по участию во Всесоюзном походе комсомольцев и молодежи, число участников которого составило более 15 тысяч человек, было проведено более 100 митингов, лекций и бесед на военно-патриотические темы. Туристами Карелии внесен большой вклад в дело охраны памятников истории и культуры, благоустроено 12 маршрутов для проведения массовых походов к подготовке и сдаче нормативов Всесоюзного комплекса ГТО, разработано три плановых маршрута к 1985 году, выпущено 15 кинофильмов по пропаганде туризма, подготовлено 6 тысяч разрядников за отчетный период, из них 18 человек получили I разряд, 3 человека стали мастерами спорта, 7 человек – кандидатами в мастера спорта²⁹. За 14 лет совместно с факультетом повышения квалификации ПетрГУ подготов-

лено 426 инструкторов-общественников по туризму³⁰.

По результатам конкурса за 1985–1986 годы лучшими туристическими клубами признаны турклуб «Сампо» ПетрГУ, турклуб «Меридиан» Станкостроительного завода и туристская секция по спелеотуризму турклуба «Карелия». Им вручены почетные грамоты и призы в виде палатки стоимостью 64 руб.³¹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной чертой спортивного и самодеятельного туризма 1980-х годов в КАССР можно считать консолидацию туристских клубов. Активисты заводских и студенческих турклубов совместно поддерживали общий профессиональный уровень на городских и республиканских туристических слетах и соревнованиях и параллельно участвовали в высококатегорийных походах. Карельский областной совет по туризму и экскурсиям, опираясь на широкий туристский актив и небольшой утвержденный бюджет, держал на высоком уровне подготовку кадров и организацию массовых мероприятий.

Подготовка туристских кадров в КАССР так же, как и во всем Союзе, представляла собой систему государственно-общественного партнерства, когда государство учреждало курсы экскурсоводов и инструкторов для работы на плановых туристских маршрутах, активисты самодеятельных туристских клубов проходили эти курсы, а потом вели воспитательную и спортивную работу, участвовали в организации массовых городских и республиканских мероприятий, вовлекая советских граждан в систему внутреннего туризма.

Самодеятельный туризм в Карелии в 1980-е годы – это особая сфера жизни населения, действующая в характерном для позднего социализма социально-экономическом контексте, базирующаяся на поддержке государства и личном вкладе туристов-общественников. Созданная в СССР система профсоюзного туризма не только популяризировала и развивала множество видов самодеятельного туризма (пешего, лыжного, водного, горного, спелео-, авто- и мототуризма), но также занималась подготовкой туристских кадров и обеспечением безопасности туристских групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Протокол заседания Президиума Карельского Совета профсоюзов «О развитии массового туризма в Карельской АССР» от 13 апреля 1957 г. // НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 511. Л. 31–32.
- ² Концепция развития спортивно-массового туризма в СССР // Бюллетень научно-технической информации. Прогрессивные технологические процессы и методы обслуживания в туризме и экскурсиях. М.: Всесоюзная научно-исследовательская лаборатория по туризму и экскурсиям: Центральный совет по туризму и экскурсиям, 1990. № 7.
- ³ Положение о программе гражданско-патриотического и общественно полезного молодежного туризма «Больше, чем путешествие» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://morethantrip.ru/about> (дата обращения 12.12.2023).
- ⁴ Приказ Карельского областного совета по туризму и экскурсиям № 41 от 18.04.1983 // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 217. Л. 51.
- ⁵ Протокол № 4 заседания Президиума Карельского областного совета по туризму и экскурсиям от 29 апреля 1980 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 178. Л. 51.
- ⁶ Распоряжения по Карельскому областному совету по туризму и экскурсиям за 1980 год // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 179. Л. 2–6.
- ⁷ Приказ № 17 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 13.02.1985 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 242. Л. 18; Приказ № 19 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 14.02.1985 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 242. Л. 20; Приказ № 20 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 14.02.1985 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 242. Л. 21; Приказ № 31 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 05.04.1985 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 242. Л. 33.
- ⁸ Распоряжения по Карельскому областному совету по туризму и экскурсиям за 1980 год // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 179. Л. 6.
- ⁹ Вызов Центральных туристских курсов № 745/3 от 11 июня 1980 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 179. Л. 2–6.
- ¹⁰ Приказ № 103 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 21.08.1986 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 256. Л. 116.

- ¹¹ Интервью с В. Зайковым – членом турклуба «Сампо» / А. В. Васильева. Записано 11.09.2016 г. (личный архив автора).
- ¹² Протокол № 3 заседания Президиума Карельского областного совета по туризму и экскурсиям от 31 марта 1982 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 203. Л. 44; Протокол № 6 заседания Президиума Карельского областного совета по туризму и экскурсиям от 30 июня 1982 г. // Там же. Л. 108.
- ¹³ Приказ № 50 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 23.04.1986 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 256. Л. 59.
- ¹⁴ Приказ № 43 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 03.04.1986 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 256. Л. 50.
- ¹⁵ Приказ № 22 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 01.02.1985 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 242. Л. 23.
- ¹⁶ Приказ № 68 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 14.05.1985 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 242. Л. 70.
- ¹⁷ Приказ № 111 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 25.12.1985 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 268. Л. 132.
- ¹⁸ Приказ № 61 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 25.05.1987 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 268. Л. 77.
- ¹⁹ Инструкция по обеспечению безопасности в лыжных походах и прогулках на туристских базах. Утверждена на коллегии Карельского областного совета по туризму и экскурсиям 30 ноября 1987 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 267. Т. 3. Л. 104.
- ²⁰ Приказ № 25 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 18.02.1986 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 256. Л. 32.
- ²¹ Приказ № 33 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 18.03.1986 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 256. Л. 41.
- ²² Протокол № 3 заседания Президиума Карельского областного совета по туризму и экскурсиям от 31 марта 1982 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 203. Л. 44.
- ²³ Справка о работе Федерации туризма Карельского областного совета по туризму и экскурсиям по профилактике несчастных случаев в самостоятельных туристских походах зам. председателя совета В. Г. Лобского за 1986 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 257. Л. 24.
- ²⁴ Приказ № 14 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 31.01.1985 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 242. Л. 14.
- ²⁵ Приказ № 01 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям об участии Совета по туризму и экскурсиям в рекламно-пропагандистской компании «Туристская зима – 83» от 07 января 1983 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 217. Л. 2.
- ²⁶ Приказ № 22 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 13.02.1986 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 256. Л. 31.
- ²⁷ Приказ № 28 председателя Карельского областного совета по туризму и экскурсиям В. В. Шильникова от 25.02.1986 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 256. Л. 37.
- ²⁸ Справка о работе Карельского областного совета по туризму и экскурсиям с прессой и творческим активом журналистов, пишущих о туризме, инструктора Мурманского областного совета по туризму и экскурсиям Брагина от 19.02.1986 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 257. Л. 2.
- ²⁹ Постановление коллегии Карельского областного совета по туризму и экскурсиям № 2–9 о поощрении туристского актива от 26.02.1987 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 265. Л. 100.
- ³⁰ Турклубу «Сампо» – 19 // Петрозаводский университет. 1983. 25 нояб. № 38.
- ³¹ Постановление коллегии Карельского областного совета по туризму и экскурсиям № 2–10 о поощрении туристского актива от 26.02.1987 г. // НА РК. Ф. П-6467. Оп. 1. Д. 265. Л. 103.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Спортивный туризм в СССР и России (к истории развития). М.: ООО САМ Полиграфист, 2015. 444 с.
2. Голованов В. П. Социально-воспитательный вектор развития детско-юношеского туризма и краеведения в современной России // Актуальные вопросы состояния и развития рекреации, спортивно-оздоровительного и детско-юношеского туризма: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 15 декабря 2023 г. М., 2023. С. 8–15.
3. Таймазов В. А., Алексеева О. В. Ретроспективный анализ подготовки кадров спортивно-оздоровительного туризма в России // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 3. С. 71–80 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.calameo.com/read/004251076cbcd98cc7c55?trackersource=library> (дата обращения 12.12.2023).

Поступила в редакцию 10.01.2024; принята к публикации 09.02.2024

Original article

Anna V. Vasilyeva, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
eco-anna@rambler.ru

TRAINING SYSTEM FOR TOURISM PERSONNEL IN KARELIA OF THE 1980s

Abstract. Recently, the examination of the history of Soviet tourism has gained more significance and relevance due to the necessity of involving young people and providing tourism with qualified professionals. During the Soviet era, all republics within the Soviet Union had an ongoing program for training public personnel in amateur tourism, such as hiking leaders, tourism instructors, and sports referees. This article presents, for the first time, an analysis of the documents from the Karelian Regional Council on Tourism and Excursions, with the objective of studying the training system for tourism personnel in Karelia between 1981 and 1986. The research materials used in this study comprise administrative documentation and organizational records obtained from the local tourism management authority, as well as oral history materials personally collected by the author. The study demonstrates that the public activity of tourist clubs played a crucial role in the development of amateur tourism, and the management of state-sponsored tourism was a unique system of collaboration between the government and the public, which significantly contributed to the overall development of amateur tourism.

Keywords: Soviet tourism, amateur tourism, sports hikes in the USSR, history of tourism in Karelia

For citation: Vasilyeva, A. V. Training system for tourism personnel in Karelia of the 1980s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):45–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1007

REFERENCES

1. Alekseev, A. A. Sports tourism in the USSR and Russia (the history of its development). Moscow, 2015. 444 p. (In Russ.)
2. Golovanov, V. P. Social and educational vector of development of children's and youth tourism and local history in modern Russia. *Current issues of the state and development of recreation, sports and recreational, and children's and youth tourism: proceedings of the all-Russian research and practical conference with international participation, 15 December 2023*. Moscow, 2023. P. 8–15. (In Russ.)
3. Taimazov, V. A., Alekseeva, O. V. Retrospective analysis of training specialists for sports and health tourism in Russia. *Service and Tourism: Current Challenges*. 2008;3:71–80. Available at: <https://www.calameo.com/read/004251076cbcd98cc7c55?trackersource=library/> (accessed 12.12.2023). (In Russ.)

Received: 10 January 2024; accepted: 9 February 2024

ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ ПЕТИН

аспирант

Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»

(Апатиты, Российская Федерация)

ORCID 0009-0000-8837-5752, dmitriy.petin@rndv.ru

КАДРЫ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В 1920-х ГОДАХ (на материалах Мурманской области)

А н н о т а ц и я . Процесс становления органов советской юстиции на Кольском Севере и их кадровый состав в научной литературе практически не изучены. Однако разработка этих вопросов представляет исследовательский интерес. В данной статье на основе фрагментарно сохранившегося архивного материала из фондов Государственного архива Мурманской области проведен анализ кадровой ситуации, сложившейся при формировании органов советской юстиции на Кольском Севере в 1920-х годах. Изучены и описаны персональный состав первых советских местных органов юстиции (Мурманского уездного бюро юстиции, Архангельского губернского отдела юстиции, Мурманского губернского отдела юстиции, судов), уровень компетенции и образования сотрудников, а также проблемы, которые сопровождали осуществление ими профессиональной деятельности. Сделаны выводы о влиянии сложной социальной и геополитической ситуации в регионе в исследуемый период на кадровое обеспечение органов юстиции Кольского Севера сотрудниками без образования, соответствующей квалификации и опыта работы в профильных учреждениях, а также на проблему адаптации направляемых из центра специалистов. Процесс наполнения профильными специалистами органов юстиции Кольского Севера, включавший их подготовку на местах, начал формироваться только в 1930-х годах.
К л ю ч е в ы е с л о в а : кадры юстиции, местные органы советской юстиции, Кольский Север, судебные органы

Д л я ц и т и р о в а н и я : Петин Д. П. Кадры органов советской юстиции на Кольском Севере в 1920-х годах (на материалах Мурманской области) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 52–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1008

ВВЕДЕНИЕ

В первые годы становления Советского государства власть столкнулась с кадровыми проблемами на всех уровнях формирования государственного аппарата. Первые декреты советской власти, основанные на идейных установках, сформулированных теоретиками марксизма-ленинизма, предусматривали ликвидацию дореволюционной государственной системы и построение новых пролетарских органов, в которых, безусловно, должны были работать идеологически «правильные» люди. Однако только идеологическая выверенность сознания и поступков не могла компенсировать отсутствие достаточной компетенции для работы в органах власти любого уровня. Как писал первый народный комиссар юстиции РСФСР Г. И. Оппоков (Ломов):

«Среди нас было много прекраснейших высококвалифицированных работников, но всем надо было еще учиться управлять государством. Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели

управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств»¹.

Поэтому на ведущих должностях одного из центральных органов власти – Народного комиссариата юстиции РСФСР, обеспечивавшего осуществление правосудия путем организационного руководства судами и иными правовыми учреждениями (нотариат, адвокатура и т. д.), состояли люди, получившие образование в Российской империи: Г. И. Оппоков (Ломов), И. З. Штейнберг, П. И. Стучка, Д. И. Курский, Н. В. Крыленко и т. д. Но это была вынужденная мера, которая не решала проблему нехватки квалифицированных кадров на всех уровнях власти, в том числе и в системе органов и учреждений юстиции.

Неслучайно А. В. Луначарский при составлении списков в члены Совета народных комиссаров сомневался в подготовленности «идейных» работников к выполнению государственной работы, на что В. И. Ленин отвечал: «...нужны от-

ветственные люди на все посты; если окажутся негодными – сумеем переменить» [1: 37]. Если на «верхних этажах» новой советской юстиции не был решен вопрос об укомплектованности кадрами, что оставалось говорить о местных органах. Понимая эту проблему, народный комиссар юстиции РСФСР Д. И. Курский, проанализировав данные Наркомюста РСФСР по 3267 нарсудам по состоянию на 15 марта 1918 года, отметил:

«...судьи и народные заседатели избираются из рабочих и крестьян, для которых опыт работы в пролетарских органах преобладает над требованиями профессиональной подготовки, а профессиональные судьи составляют сравнительно ничтожный процент»².

В советской прессе начала 1920-х годов постоянно появлялись статьи такого содержания:

«Две трети судебных работников совсем не подготовлены к работе в народном суде и зачастую бродят в поисках или не могут разобраться в самых простейших формах судопроизводства и в той массе декретов, которые лежат перед глазами. Сейчас органы юстиции не могут похвалиться личным составом работников, потому что ни один из них не в силах пропустить личный состав судебных работников через фильтр тех или иных курсов или просто принять ряд практических мер по теоретической их подготовке, что не в силах сделать и центр. На выборы судей на местах смотрят, как на исполнение простых формальностей, избирая в народные судьи лиц, совершенно неподготовленных к этой работе, для того лишь, чтобы заполнить место народного судьи. <...> На этой почве наблюдается неустойчивость судебных работников и частая их сменяемость, что также болезненно отражается на суде»³.

Стоит отметить, что, согласно действовавшим в этот период в Советском государстве нормативно-правовым актам, требования к работникам юстиции предъявлялись политические, а не профессиональные. Например, согласно «Инструкции об организации и действии местных народных судов», утвержденной Постановлением Народного комиссариата юстиции 23 июля 1918 года, судьи должны

«иметь политический опыт работы в пролетарских организациях, как-то политических партиях, поддерживающих Советскую власть, профессиональных союзах, классовых рабочих кооперативах, фабрично-заводских комитетах или в Советских организациях, как-то: Советских Комиссариатах, Исполнительных Комитетах и Отделах Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов; иметь теоретическую или практическую подготовку для должности Советского судьи»⁴.

Если в Российской империи будущие сотрудники юстиции обучались на юридических факультетах, то в Советской России согласно «Положению о факультете общественных наук», изданному в марте 1919 года Народным

комиссариатом просвещения РСФСР, юридические факультеты были упразднены и заменены на факультеты общественных наук, которые в середине 1920-х годов трансформировались в факультеты советского права⁵.

Окончательное понимание необходимости правовой подготовки работников органов юстиции пришло только в конце 1920-х годов. По признанию А. Я. Вышинского, прежде данному вопросу уделялось мало внимания, так как сильны были представления, что юридическое образование не нужно, в итоге «мы распылили наши кадры: новых не создали, старые потеряли» [7: 81]. Такой подход к формированию кадров не мог не отразиться на уровне профессиональной подготовки работников системы советской юстиции в период ее становления.

В 1922 году на IV сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета было принято решение, обязывающее Совет народных комиссаров, губернские исполнительные комитеты решить материальные проблемы судебных работников, а Народный комиссариат юстиции РСФСР и Главный комитет профессионально-технического образования – в кратчайший срок разработать и внести в Совет народных комиссаров законопроект об открытии в течение 1923 года

«не менее 10 юридических школ на местах и одной высшей юридической школы в Москве для своевременной подготовки достаточного кадра опытных судебных работников»⁶.

Тем не менее ситуация внутри системы органов юстиции Советского государства оставалась сложной как в центральных органах, так и на местах.

КАДРОВАЯ СИТУАЦИЯ В ОРГАНАХ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ В 1920-х ГОДАХ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ

На территории Кольского Севера создаваемые новой советской властью органы управления столкнулись со следующей проблематикой: малочисленность, неграмотность и этническая специфика населения, тяжелые последствия военной интервенции, удаленность от республиканского центра, неблагоприятные климатические и сложные геополитические условия. К осени 1917 года большая часть территории современной Мурманской области входила в состав Архангельской губернии в качестве Александровского уезда. Уезд состоял из семи волостей: Кольско-Лопарской, Кузоменской, Мурманско-Колонистской, Понойской, Териберской, Тетринской и Умбской. На территории уезда находились города Александровск, Кола и Мурманск.

В Мурманске проживало 4800 человек, в Коле – 957, в Александровске – 810 [3: 13].

В декабре 1917 года после принятия 24 ноября 1917 года Декрета Совета народных комиссаров «О суде» при Мурманском уездном Совете депутатов рабочих и солдатских депутатов появляется первый судебный орган на Кольском Севере – Революционный трибунал при Мурманском Совете рабочих и солдатских депутатов. А в 1920 году на территории Кольского Севера были учреждены первые советские народные суды (1-го и 2-го участка Мурманского уезда), которые находились в подчинении отдела юстиции Архангельского губисполкома и Народного комиссариата юстиции РСФСР.

История центральных местных органов юстиции начинается с постановления Пленума Мурманского уездного исполкома от 23 декабря 1920 года об образовании первого профильного органа юстиции на Кольском Севере – Мурманского уездного бюро юстиции, которое территориально было подчинено Мурманскому уездному исполнительному комитету, а функционально – Архангельскому отделу юстиции Народного комиссариата юстиции РСФСР. Стоит обратить внимание на одновременное использование в наименовании первых органов советской юстиции на Кольском Севере Архангельского уезда и Мурманского уезда. Это связано с тем, что I съезд Советов Александровского уезда 24 марта 1920 года принял решение о переименовании Александровского уезда в Мурманский уезд, так как фактически уездным городом в этот период являлся Мурманск. 13 апреля 1920 года решение о переименовании уезда было утверждено пленумом Архангельского губисполкома, которое не было утверждено Всероссийским центральным исполнительным комитетом. Поэтому в течение пятнадцати месяцев уезд имел два названия: в губернских и уездных документах он именовался Мурманским, а в документах центральных органов употреблялось старое название – Александровский уезд. Декретом ВЦИК от 13 июня 1921 года Александровский (он же Мурманский) уезд Архангельской губернии был преобразован в Мурманскую губернию с центром в г. Мурманске.

Проблема насыщения органов советской власти и управления на местах профессиональными кадрами была общей для молодого Советского государства. Данная проблематика также была выявлена в процессе изучения фрагментарно сохранившихся архивных источников, отложившихся в фондах Государственного архива Мурманской области: Мурманского уездного бюро юстиции за 1920–1921 годы (фонд

№ Р-70), Отдела юстиции Мурманского губисполкома за 1920–1922 годы (фонд № Р-101), Мурманского губернского совета народных судей за февраль – сентябрь 1922 года (фонд № Р-123), Мурманского губернского суда за 1922–1927 годы (фонд № Р-102), Мурманского окружного суда за 1927–1938 годы (фонд № Р-171), Народного суда Мурманского округа за 1928–1932 годы (фонд № Р-188) [8: 102–105]. В качестве примера можно привести профессиональные биографии как руководителей, так и рядовых сотрудников первых органов советской юстиции на Кольском Севере в этот период. Например, в 1921 году Мурманский губернский революционный трибунал (далее – Трибунал) возглавил Евгений Андреевич Гайлит. Он родился в Латвии, левый эсер-интернационалист, с октября 1918 года член РКП (б). С января 1919 года служил в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии. После демобилизации в 1921 году работал в должности заместителя председателя Мурманского губернского исполнительного комитета.

Заместителем председателя Трибунала в 1921 году стал Иван Станиславович Чижевский, уроженец Литвы. Образование – незаконченное двухклассное. С марта 1918 года служил в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии.

Народным судьей 1-го участка Мурманского уезда 5 мая 1920 года был назначен Мирон Прохорович Барышев⁷. Он родился в Онежском уезде Архангельской области, окончил сельскую школу, занимался рыбным промыслом⁸. В мае 1920 года М. П. Барышев вступил в РКП (б), являлся организатором коммунистической ячейки и занимался профсоюзной деятельностью⁹. На должность секретаря этого же суда был принят Андрей Федорович Парасихин¹⁰ – уроженец Онежского уезда, образование низшее. Работал на лесозаводе, секретарем в комитете Архлеспрофсоюза (рис. 1, 2)¹¹.

В мае 1922 года Яков Алексеевич Комшилов был избран народным судьей 1-го участка Мурманской губернии¹⁴. Он уроженец Пермской губернии, окончил нижнюю школу, работал в ремесленных мастерских, учился в Художественном училище барона Штигилица [2: 23]. До назначения на должность судьи Я. А. Комшилов с 13 октября 1921 года занимал должность заведующего информационно-инструкторским подотделом губисполкома¹⁵. Ранее был членом Трибунала. Как многие работники юстиции того времени, ввиду кадрового дефицита он вынужден был помимо основной работы выполнять работу по совместительству и сверхурочные работы.

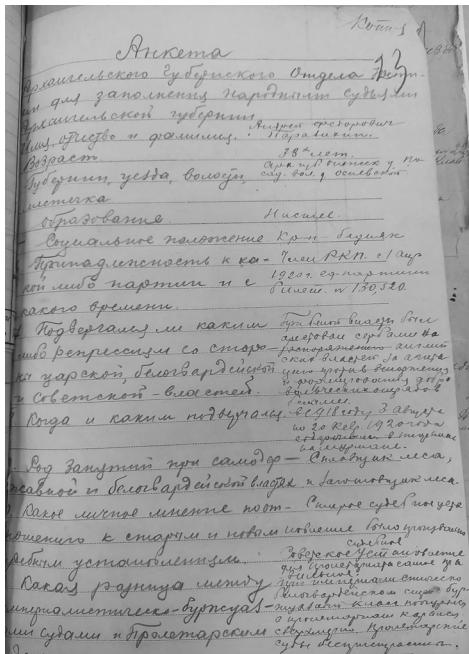

Рис. 1. Анкета Архангельского губернского отдела юстиции для народных судей Архангельской губернии, заполненная А. Ф. Паразихиным в 1920 году¹²

Figure 1. Questionnaire of the Arkhangelsk Provincial Department of Justice for people’s judges of the Arkhangelsk Province filled out by A. F. Parazikhin in 1920

В мае 1920 года народным судьей 2-го участка Мурманского уезда был избран Матвей Семенович Белов, направленный из Новгородской губернии, где около года он был судьей Демянского уезда [4: 6]. М. С. Белов проработал недолго, и 9 августа 1920 года его сменил Георгий Владимирович Шувалов. Г. В. Шувалов родился в г. Вологде. Получил приходское образование. Работал печником. Во время Гражданской войны и интервенции служил в вологодской оружейной мастерской. Регистратором 2-го судебного участка с 1 сентября 1921 года был назначен Иван Яковлевич Переходцев – уроженец Хвалынского уезда Саратовской области, закончивший сельскую школу. Секретарем этого же участка трудился уроженец г. Кола Владимир Романович Шабунин, имевший в активе только курс Кольского приходского училища¹⁶. 15 апреля 1920 года секретарем народного судьи 2-го участка Мурманского уезда был назначен Александр Петрович Воробьев. А. П. Воробьев родом из Архангельска, не закончил и двух классов Архангельского городского училища. Был ратником второго разряда¹⁷.

Постановлением Пленума Мурманского уездного исполкома от 23 декабря 1920 года был образован первый профильный орган юстиции на Кольском Севере – Мурманское уездное бюро юстиции (далее – Бюро). Бюро было территориально подчинено Мурманскому уездному исполнительному комитету, а функционально – Архангельскому отделу юстиции Народного комиссариата юстиции РСФСР. Создание централизованного местного органа юстиции должно было стабилизировать работу учреждений, однако комплектовать штат было, по факту, не из кого. Самым очевидным выходом из этой ситуации было либо привлечение компетентных работников из других регионов страны, либо назначение лиц, уже работавших в других местных органах. Так, Мурманское уездное бюро юстиции возглавил Г. В. Шувалов, являвшийся народным судьей 2-го участка Мурманского уезда. Приказ о его назначении № 1 от 31 декабря 1920 года содержал следующий текст:

«Ввиду избрания меня общим собранием народных судей и народных следователей уезда от сего числа в председатели Мурманского уездного бюро юстиции с сего числа вступил в отправление обязанностей председателя означенного бюро»¹⁸.

Как уже отмечалось ранее, образование Г. В. Шувалова – церковно-приходская школа, поэтому первые документы за его подписью составлены с большим количеством ошибок. Вскоре Г. В. Шувалова на этой должности сменил Сергей Акимович Антипов – народный судья 2-го участка Мурманского уезда¹⁹.

Рис. 2. Удостоверение члена Губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, рыбацких депутатов А. Ф. Паразихина. 1926 год¹³

Figure 2. A. F. Parazikhin’s identification card of a member of the Provincial Executive Committee of the Soviets of Workers, Peasants’ and Fishermen’s Deputies, 1926

Анализ кадрового состава в начальные годы становления местных органов и учреждений юстиции на Кольском Севере позволяет сделать вывод о том, что, кроме откомандированного судьи М. С. Белова, лица, служившие в системе органов юстиции Мурманского уезда, не имели ни опыта работы в подобных учреждениях, ни специального образования. Им не хватало знаний и опыта работы, возникали проблемы с выездами в волости. Судьям, помимо рассмотрения дел, приходилось выполнять и другую работу. По этой причине народные судьи и следователи довольно часто увольнялись, а вновь принятые, как и их предшественники, также не имели соответствующего образования и опыта работы.

Из-за кадровых проблем судебные дела оставались долгое время без рассмотрения, на что регулярно указывали вышестоящие органы. В частности, Мурманское уездное бюро юстиции неоднократно получало от вышестоящего Архангельского губернского отдела юстиции указания на то, чтобы дела в судебных участках не залеживались по нескольку месяцев. Один из примеров таких указаний – рис. 3²⁰.

Аналогичная ситуация складывалась в большинстве регионов страны, так, в Курской губернии в 1921 году из двенадцати ответственных работников Курского уездно-городского бюро только один прослушал университетский юридический курс и двое закончили гимназию [5: 180]. В Екатеринбургском уезде Пермской губернии 9 марта 1918 года был образован суд в Северском заводе, который не имел никаких представлений о порядке судопроизводства, а лица, избравшиеся на должность народных судей, имели лишь начальное образование и служили до этого волостными писарями [9: 26].

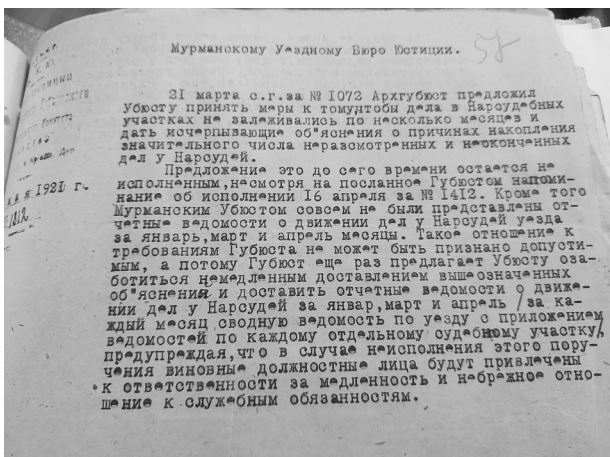

Рис. 3. Указание Архангельского губернского отдела юстиции о необходимости принятия мер. Май 1921 года²¹

Figure 3. Instruction from the Arkhangelsk Provincial Department of Justice on the necessity of taking action, May 1921

В рамках проходившей реформы органов государственного управления в 1921 году в составе Мурманского губернского исполнительного комитета был образован губернский отдел юстиции (далее – Отдел), который просуществовал до образования Мурманской губернской прокуратуры в 1922 году (рис. 4).

ФАМИЛИИ ИМЯ Отчество.	должность	с какого времени
ИВАНОВ Андрей Иванович.	Зав. уезд. Отд. Юстиции.	с 1-го сентября 21 г.
ХОЛДОВ Иван Эвсеевич.	Зав. губ. нар. Отделом.	с 1-го сентября 21 г.
Чухач Федор Николаевич.	Зав. Социал. П/Отделом.	"-"-"-" "
Павловский Андрей Федорович.	Нарсудья 1-го участка	с 28-го февраля 21 года
Антипов Сергей Арсеньевич.	Нарсудья /Запасный/	с 8-го июля 21 года.
Якименев Иван Васильевич.	Нарсудья 2-го участка.	с 5-го октября 21 года.
Келин Алексей Кузьмич.	Нарсудья 3-го участка.	с 1-го ноября 21 года.
Веробьев Алек-др Петрович.	Секретарь нар. 3-го участка.	с 15-го апреля 20 года.
Брония Гердер Эвсеевич.	Секретарь нар. Отдела.	с 20-го сентября 21 год.
Шабунин Владимир Романович.	Секретарь нар. 3-го участка	с 10-го октября 21 года.
Брония Бера Эвсеевна.	Машинистка Отд. Юстиции.	с 24-го сентября 21 года
Желева Иван Захарович.	Регистратор Отд. Юстиции.	с 1-го сентября 21 года

Рис. 4. Список сотрудников Мурманского губернского отдела юстиции на 15 декабря 1921 года²²

Figure 4. List of employees of the Murmansk Provincial Department of Justice as of 15 December 1921

На основании Протокола № 26 от 28 августа 1921 года заседания Президиума Мурманского губернского комитета РКП (б) на должность «заведывающего Отделом Губернской юстиции» был откомандирован Андрей Иванович Иванов²³. Таким образом, назначение А. И. Иванова в первую очередь проходило по партийной линии, что лишний раз подчеркивало зависимость деятельности местных органов юстиции от партийных органов. А. И. Иванов активно приступил к работе по формированию системы органов юстиции Кольского Севера. Так, на заседании президиума губисполкома 1 сентября 1921 года он предложил укрепить судебные и следственные участки коммунистами, создать еще по два участка суда и следствия. Члены президиума исполкома обещали оказать отделу юстиции содействие и рекомендовали А. И. Иванову подобрать сотрудников на вакантные должности [3: 13].

26 февраля 1922 года на совещании Мурманских судебных деятелей, в котором помимо работников отдела юстиции и судов приняли участие руководители губисполкома, ревтрибунала, милиции и уголовного розыска, А. И. Иванов доложил об итогах Всероссийского съезда работников юстиции и отметил, что работа органов юстиции приобретала первостепенное значение, от нее зависело дальнейшее укрепление рабоче-крестьянской власти. Она была направлена на «сближение народных судов» с населением и на удовлетворение его правовых требований. Гражданин должен был точно знать свои права и обязанности и быть уверен, что советский закон и советский суд «стоят на закреплении революционного правопорядка и охранения правозаконности отдельного гражданина»²⁴.

Однако присутствующих на совещании судебных деятелей гораздо больше волновали проблемы роста преступности, текучесть кадров, большая нагрузка на суды. В Мурманске, особенно на его окраинах, группами и в одиночку орудовали уголовники, которые приезжали сюда из центральных районов. На территории губернии с населением в 15 тыс. человек в 1921 году было зарегистрировано 520 преступлений. В судах находилось свыше 600 нерассмотренных дел. Уголовный розыск ввиду большой нагрузки не в силах был справиться с работой. У единственного на всю губернию следователя находилось в производстве около 100 дел [3: 14]. В итоге было принято решение направить ходатайство в Губисполком и НКЮ РСФСР с просьбами о принятии соответствующих мер для решения кадровых и материально-технических вопросов. Например, отмечалось, что помещение народного суда состоит из одной комнаты, «где и канцелярия, и хранятся все документы по делам, и устраиваются судебные заседания»²⁵.

22 мая 1922 года заведующий Губернским отделом юстиции обратился в Губисполком с сообщением о наличии отрицательных тенденций в деятельности судебных и следственных учреждений, связанных с недостатком квалифицированной силы. Отрицательная сторона выражалась конкретно в том, что не оказывается правовой помощи населению, допускаются ошибки судебной и следственной организации при определении наказаний, мер пресечения. Тормозятся следственные и судопроизводственные дела²⁶. В итоге президиум Мурманского губисполкома 10 июля 1922 года принял решение реорганизовать отдел юстиции, создав «на место его прокуратуру в лице помощника прокурора». «Ввиду немногочисленности кассационных дел» упразднить

совнарсуд, оставив особую сессию по гражданским и уголовным делам и при ней следователя по важнейшим делам. Вместо трех участков нарсудов, имевшихся в то время, оставить два и при них два участка нарследователей²⁷.

К сожалению, в архивных материалах не сохранились подробные биографические данные А. И. Иванова, однако были выявлены анкетные листы работников юстиции по Мурманской губернии и четыре личных дела сотрудников губернского отдела юстиции Мурманского губернского исполнительного комитета, из которых можно почерпнуть информацию об уровне их образования и компетенций.

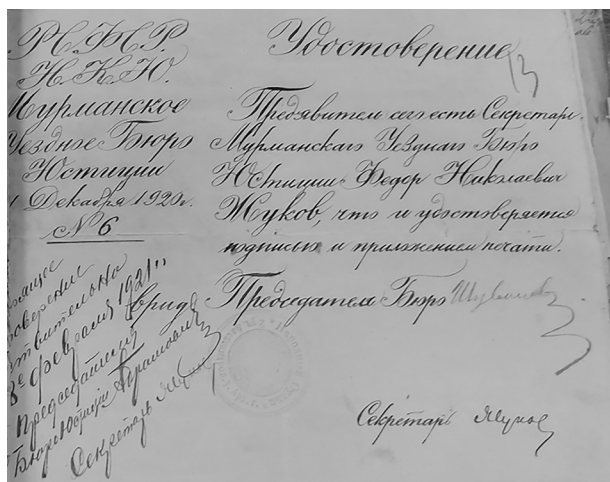

Рис. 5. Удостоверение секретаря Мурманского уездного Бюро юстиции Ф. Н. Жукова. 1920 год²⁸

Figure 5. F. N. Zhukov's identification card of the secretary of the Murmansk District Bureau of Justice, 1920

7 октября 1921 года заведовать общим и административным отделом Губернского отдела юстиции стал Федор Николаевич Жуков – единственный профессиональный юрист в отделе, закончивший еще до революции юридический факультет Томского университета (рис. 5)²⁹. 14-летняя машинистка общего и административного отдела Вера Евсеевна Бронина потупила на службу после окончания высшего начального смешанного училища г. Петрограда³⁰. Телефонист Евстигней Андреевич Лыжин не имел даже начального образования, до этого числился хлебопашцем³¹. Ольга Ивановна Щербаковская трудилась делопроизводителем без опыта работы, имея 7 классов образования. Она проработала всего месяц и была уволена ввиду неявки³². На должность заведующего жилищным отделом был назначен Василий Петрович Пашков, у которого отсутствовало образование, а по рабочей специальности он был плотником³³.

Если к техническим работникам не было целесообразно в то время предъявлять жесткие требования к наличию квалификации, то к судьям и следователям, безусловно, они предъявляться должны были бы, несмотря на отсутствие такого рода требований в директивах советской власти. Однако в личном деле народного следователя Мурманской губернии Михаила Ивановича Иванова содержится только информация о том, что он окончил школу юнг Черноморского флота, сведения о предыдущем месте работы отсутствуют³⁴. Михаил Иванович Шахнов также служил народным следователем после окончания этой же школы юнг³⁵.

В отношении народного судьи А. М. Королевой архивные источники содержат информацию о том, что она как народный судья 2-го участка имела право возбуждать судебное преследование против нарушителей декретов советской власти, наблюдать за производством дознания органами советской милиции, проверять законность и правильность поводов содержания под стражей [3: 14–15]. Такие широкие полномочия делегировались судье, пришедшей на эту работу «из буфетчиц» с «домашним образованием», как сообщила сама Анна Михайловна Королева в анкете³⁶.

Василий Кондратьевич Алымов – следователь по важнейшим делам при Особой сессии по уголовным делам Мурманской губернии – также специального образования не имел. Однако трудолюбие, аналитический склад ума и активное самообразование позволили ему внести значительный вклад в историю развития Кольского Севера. 1 апреля 1923 года В. К. Алымов уволился со службы по собственному желанию³⁷. В последующие 15 лет он занимал должности заведующего статистическим бюро окрисполкома, председателя Мурманского отделения Комитета содействия народностям северных окраин, директора краеведческого музея, был организатором Общества изучения Мурманского края, участвовал в создании саамского букваря и «Атласа Мурманского округа» [11: 91–93].

С проблемой недостаточности компетенций столкнулись и народные заседатели, которые не были профессиональными юристами, поэтому большую часть юридических знаний они получали от председательствующего судьи. Сам факт общения судьи с заседателями выходил за рамки простого разъяснения общего юридического смысла закона, он давал им свое видение трактовки закона, заседатели узнавали от судьи и о том, как оценивать личность подсудимого, имеющиеся факты и т. д. Таким образом, даже без всякого злого умысла или специальных

усилий со стороны судьи заседатели полностью подпадали под его влияние [10].

Народных избирателей выбирали жители, поэтому в местной советской прессе того периода активно освещались выборы и перевыборы народных заседателей. Например, в газете «Полярная правда» от 14 февраля 1927 года при освещении собрания, посвященного перевыборам народных заседателей, отмечалось, что рабочие сомневались в юридических познаниях тех, кого они хотели «послать народным заседателем». А женщины, выбранные в качестве народных заседателей, требовали, чтобы их больше привлекали к практической работе, а не заменяли при вызове мужчинами: «Тяга к работе у домохозяйек большая. Нужно направлять ее по нужному руслу»³⁸.

В ноябре 1922 года с принятием Положения о судоустройстве РСФСР произошла судебная реформа, в ходе которой стали создаваться губернские суды, значительно превышавшие по составу существовавшие на тот момент народные суды. Например, в штате Мурманского губернского суда на 11 июля 1924 года состояло 25 человек: председатель губсуда, два зампредгубсуда (гражданский и уголовный отделы), судебный исполнитель, старший секретарь губсуда, старший бухгалтер (он же заведующий отделением), счетовод, заведующий хозяйственным отделением, три машинистки, три члена суда, два секретаря отделов, два старших следователя, делопроизводитель, судебный рассыльный, статистик, курьер, два дворника, уборщик.

Создание нового суда на территории Мурманской губернии обязывало местные власти более тщательно подходить к кадровому выбору на должности работников суда. Поэтому 3 декабря 1922 года президиум Мурманского губисполкома при принятии решения об организации Мурманского губернского суда его председателем избрал опытного судью Андрея Федоровича Паразихина, а заместителем председателя – Григория Васильевича Сироткина, который в 1925 году возглавил суд [3: 83].

Г. В. Сироткин (рис. 6) родился в селе Сабетово Симбирской губернии. Окончил сельскую приходскую школу, работал на мельнице, плотником. В 1918 году был избран в Кольский железнодорожный комитет, был секретарем и товарищем председателя. В 1920 году работал в Революционном комитете Чрезвычайной комиссии и железнодорожном чрезвычайном комитете при ст. Мурманск. В начале 1923 года был отозван и подлежал откомандированию в Ленинград ТОГПУ. В связи с организацией с начала 1923 года губернских

судов, из-за отсутствия на месте работников, Мурманский губком ВКП (б) возбудил ходатайство перед ТОГПУ о направлении Г. В. Сироткина в губернский суд, где он работал в качестве заместителя председателя по уголовному отделу до июля 1925 года, после чего был избран председателем губернского суда. В этой должности работал до 15 ноября 1927 года, откуда по предложению местных организаций был переведен в прокуратуру на должность окружного прокурора [2: 99].

Рис. 6. В центре – Григорий Васильевич Сироткин, участник восстановления советской власти на Мурмане; справа – Антон Иванович Кречик (в 1929 году секретарь Мурманского окрпрофбюро). 1920-е годы³⁹

Figure 6. Grigory Vasilyevich Sirotkin (in the center), a participant in the restoration of Soviet power in Murman, Anton Ivanovich Krechik (on the right), the secretary of the Murmansk District Trade Union Bureau in in 1929, 1920s

27 марта 1930 года судьями Народного суда г. Мурманска назначены Николай Петрович Просолупов и Григорий Яковлевич Шаныгин. Н. П. Просолупов – уроженец г. Санкт-Петербурга, закончил 3-ю Петроградскую гимназию. Прошел ускоренный курс Павловского военного училища. 7 марта 1924 года был принят на должность секретаря нарсуда, а в марте 1926 года был выдвинут на должность народного судьи. Г. Я. Шаныгин – уроженец Симбирской губернии. Окончил педтехникум, прошел областные юридические курсы в 1929/30 году и Совпартшколу в 1925 году⁴⁰.

Таким образом, система юстиции на Кольском Севере стала постепенно внутри себя формиро-

вать и готовить кадры. Однако говорить о предметности, которая могла бы стабилизировать кадровые проблемы в этой отрасли, пока не приходилось.

СОПУТСТВУЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ В РАБОТЕ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ В 1920-х ГОДАХ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ

В процессе анализа архивных источников также были выявлены сопутствующие проблемы в деятельности органов юстиции на Кольском Севере. В первую очередь речь идет о дисциплине самих работников юстиции. Так, 11 июня 1921 года Губернским отделом юстиции издается приказ за подписью А. И. Иванова, в котором констатируется, что «главы отделов и сотрудники являются на занятия с большим опозданием, а некоторые и совершенно не являются». Такое явление он считал крайне недопустимым, так как оно

«вредно отражалось на всю работу, которая должна быть поднята на должную высоту. Наш орган не должен ни на минуту забывать то, что исполняемая работа весьма важна для государства, которая и должна выполняться не на словах, а на деле».

Далее в приказе определялся режим работы без опозданий: с 10 часов утра и «не позднее 4 часов дня». Приход и уход необходимо было регистрировать в явочном журнале в комнате Губюста. Нарсудам приказывалось также завести явочный журнал по прилагаемой форме и о всех нарушениях по службе доносить в Губюст. Главы по отделам, нарсудья должны были вменить своим подчиненным товарищам то, что возложенные на каждого обязанности необходимо было выполнять точно, быстро и «безоговорочно». На тех, кто окажется замечен «в равнодушии к службе», будут налагаться административные взыскания, вплоть до увольнения после второго выговора⁴¹.

Информативными историческими источниками по проблемам, связанным с нежеланием в 1920-е годы избранных на должности народных судей исполнять свои обязанности, являются донесения Губернского отдела юстиции. Например, в донесении руководителя Губернского отдела юстиции в Губернский профсовет Союза рабочих от 30 мая 1921 года сообщается, что выбранный на общем собрании рабочих транспорта на должность народного судьи тов. Терещенко отказался заполнять анкету, мотивируя тем, что с обязанностями судьи незнаком и занимать эту должность не согласен⁴².

В донесении Губернского отдела юстиции в Союз коммунальных служащих от 30 сентября 1921 года описывается похожий случай:

«Фракцией Губпрофсовета, а потом и правлением Союза коммунальных служащих на должность народного судьи был выдвинут член этого Союза Лыжин, несмотря на мои неоднократные заявления о явке в Коле в распоряжение Губюста Лыжина, последний не явился. Был послан узнать о причине неявки народный судья 2-го участка тов. Антипов, которому Лыжин ответил, что не поедет, потому что ему нужен отпуск, а потом он примет должность нарсудьи. <...> Прошу Правление Союза коммунальных служащих принять меры к явке Лыжина к месту своей службы, оказав в этом случае давление в порядке трудовой дисциплины. В случае вторичного отказа Лыжина Губком прочит исключить из партии Лыжина за шкурничество, а Правление союза предать товарищескому дисциплинарному суду за неподчинение»⁴³.

Также в архивных материалах содержатся претензии, выдвигаемые работникам со стороны непосредственного руководства в органах юстиции. Например, старший секретарь Губюста В. А. Горлов направил канцеляристке Мюккенфельд сообщение следующего содержания:

«Будьте любезны явиться на службу или же объясните причину Вашей неявки до сих пор, дабы не считать Вас манкирующей служебным положением. Больные не бывают на танцах, в душной, пыльной атмосфере»⁴⁴.

Далее по данному факту этот же секретарь направил письмо в дисциплинарный суд при Мургубпрофсовете для принятия соответствующих мер в отношении гражданки Мюккенфельд⁴⁵.

13 октября 1921 года председатель Мурманского губернского революционного трибунала Е. А. Гайлит издал приказ № 20, в котором указал, что:

«члены трибунала и следователи <...> не аккуратно являются на службу и не отмечают часы прихода в книге (находящейся у старшего секретаря). <...> вторично предлагаю членам коллегии и следователям исполнять приказ № 10 от 3 октября п. 3, дабы не давать повода к дезорганизации среди прочих сотрудников и в крайнем случае накануне излагать причины невозможности явки на службу к сроку в соответствующей книге»⁴⁶.

Подобных фактов о нарушении трудовой дисциплины выявлено в архивных источниках достаточно для того, чтобы сделать вывод о наличии работников, уклонявшихся от выполнения своих должностных обязанностей.

Кадровые вопросы, а также вопросы материально-технического оснащения органов юстиции были предметом постоянного обсуждения на заседаниях Коллегии Мурманского губернского отдела юстиции. Например, в протоколе заседания Коллегии № 1 от 27 сентября 1921 года перечислены следующие проблемы: 1. Отсут-

ствие на территории Мурманской губернии судебно-следственного отдела, так как не образован Совет народных судей; 2. Наличие недостроенного барака «в поле в 12-ти верстах от Мурманска»; 3. Недостаток «технических и квалифицированных работников». По итогам совещания были приняты следующие решения: 1. Достроить барак; 2. Оказать через Президиум губисполкома давление на Комгосор в части проведения в жизнь декрета Совнаркома «О регистрации лиц с высшим юридическим образованием», что должно было решить проблему отсутствия в достаточном количестве квалифицированных работников⁴⁷.

К сожалению, не только проблемы с дисциплиной и материально-техническим обеспечением влияли на кадровую ситуацию в органах юстиции. Массовое строительство промышленных объектов в Заполярье в 1930-е годы потребовало активного привлечения сюда рабочей силы, часть которой формировалась за счет высылки «социально-чуждых элементов» из центральных районов страны. С другой стороны, пограничное положение Кольского края с рассматривавшейся в качестве враждебного государства Финляндией порождало опасения по поводу возможных связей населения (особенно традиционно проживавших на территории Кольского полуострова финнов и норвежцев) с иностранными разведками. Все это делало Кольский край объектом пристального внимания властей и, соответственно, регионом широкого использования репрессий как средства обеспечения стоящих перед ними задач [6: 4].

Безусловно, действия репрессивного механизма не могли не отразиться на работниках органов юстиции. Так, заместитель председателя окружного суда Василий Тарасович Тарасов, народные судьи районных судов Николай Иванович Есаулов и Карл Петрович Асикайнен были репрессированы за «смягчение меры наказания участникам контрреволюционных организаций и вредителям» [3: 94]. Одним из самых громких дел рассматриваемого периода было следственное дело № 46197, или дело «О саамском заговоре». Проходивших по данному делу лиц обвиняли во вредительстве: падеже оленей, пожарах, диверсиях, саботаже с целью создания Лопарской республики и вхождения в состав Финляндии [2: 128]. Чтобы придать делу особую значимость, главой «заговора» был объявлен ученый-краевед, бывший следователь по важнейшим делам при Особой сессии по уголовным делам Мурманской губернии Василий Кондратьевич Алымов. Также по делу прохо-

дил судья народного суда Полярного района Яков Иванович Осипов (приговор вынесен в 1938 году).

Вышеуказанные исторические свидетельства создают контекст чрезвычайно сложных и неоднозначных условий, в которых сотрудникам советской юстиции 1920-х годов приходилось работать на Кольском Севере. К существующим проблемам нехватки квалифицированных кадров, частой их сменяемости, в том числе руководства, добавились политические репрессии.

ВЫВОДЫ

Кадровые проблемы при становлении органов юстиции на Кольском Севере являлись общими для Советского государства и заключались в первую очередь в отсутствии необходимого количества профессиональных кадров, способных решать поставленные задачи. Такая ситуация

приводила к тому, что в органы юстиции на Кольском Севере часто принимались лица без образования, соответствующей квалификации и опыта работы в профильных учреждениях.

Центральная власть пыталась решить проблему кадрового голода в органах юстиции за счет направления людей из других регионов, однако не все могли полностью адаптироваться к северным условиям. В основном на должностях задерживались люди, которые имели опыт рабочих профессий: лесозаготовщики, плотники, железнодорожники, строители, адаптированные к работе на Кольском Севере, некоторые из них даже добились профессиональных успехов на службе. И только в 1930-х годах начали возникать интенции к подготовке кадров внутри органов и учреждений юстиции, особенно в судебной системе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВКП (б) – Всероссийская коммунистическая партия большевиков
 ГАМО – Государственный архив Мурманской области
 НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
 НКЮ – Народный комиссариат юстиции
 РСФСР – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
 ТОГПУ – Транспортный отдел государственного политического управления

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ломов Г. И. В дни бури и натиска // Пролетарская революция. 1927. № 10 (69). С. 172–178.
- ² Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. С. 61–62.
- ³ Одинцов В. Два слова о судебной квалификации работников суда // Ежегодник советской юстиции. 1922. № 37–38. С. 4.
- ⁴ Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР № 597 23 июля 1918 года «Об организации и действии Местных Народных Судов (Инструкция)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Издание Управления делами Совнаркома СССР, 1942. С. 699.
- ⁵ Положение Народного комиссариата просвещения РСФСР от 03 марта 1919 года «О факультете общественных наук» // Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. М., 1920. Вып. 2. С. 16–17.
- ⁶ Постановление ВЦИК «О введении в действие положения о судостроительстве РСФСР», принятое на IV сессии IX созыва 31 октября 1922 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. М.: Издание Управления делами Совнаркома СССР, 1950. С. 1–2.
- ⁷ ГАМО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
- ⁸ Административная единица в составе Вологодского наместничества, Архангельского наместничества и Архангельской губернии. Центр – город Онега.
- ⁹ ГАМО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.
- ¹⁰ ГАМО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
- ¹¹ ГАМО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
- ¹² ГАМО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.
- ¹³ Из архива Виртуального музея истории образования и развития судебной системы на Мурмане.
- ¹⁴ ГАМО. Ф. П-431. Оп. 2. Д. 586. Л. 2.
- ¹⁵ ГАМО. Ф. Р-103. Оп. 2. Д. 454. Л. 12.
- ¹⁶ ГАМО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 11, 8.
- ¹⁷ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.
- ¹⁸ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.
- ¹⁹ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 8 (об).
- ²⁰ ГАМО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.
- ²¹ ГАМО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 3. Л. 57.
- ²² ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

- ²³ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.
²⁴ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.
²⁵ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 47.
²⁶ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.
²⁷ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 57.
²⁸ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.
²⁹ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.
³⁰ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
³¹ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.
³² ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 15, 16.
³³ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
³⁴ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
³⁵ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.
³⁶ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.
³⁷ ГАМО. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.
³⁸ Перевыборы народных заседателей // Полярная правда. 19 февраля 1927 года. С. 2.
³⁹ Из архива Виртуального музея истории образования и развития судебной системы на Мурмане.
⁴⁰ ГАМО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 33. Л. 23, 5.
⁴¹ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 2. Л. 75.
⁴² ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.
⁴³ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.
⁴⁴ ГАМО. Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
⁴⁵ ГАМО. Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 2. Л. 67.
⁴⁶ ГАМО. Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.
⁴⁷ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калинин И. В. Практика подбора управленческих кадров в период 1917–1924 годов // Акмеология. 2004. № 3. С. 37–44.
2. Ковалев А. В., Бардилева Ю. П., Седых С. М. Очерки истории и становления и развития судебной системы на Кольском Севере. Т. 1. Суды Кольского Севера с древнейших времен до середины XX века. М.: Перо, 2021. 228 с.
3. Ковалев А. В. Губернский, окружной, народные суды, Совет народных судей и Особая сессия по гражданским и уголовным делам Архангельской и Мурманской губерний (1920–1938 гг.). Мурманск, 2014. 115 с.
4. Круглов В. Л. На службе закона (историко-публицистические очерки о деятельности прокуратуры Мурманской области с 1922 года и до наших дней). Б. м., 2009. 163 с.
5. Крыжан А. В. Кадровое обеспечение деятельности органов юстиции в первые годы советской власти // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 1 (120). Вып. 21. С. 178–184.
6. Миколук О. В. Политические репрессии на Мурмане в 30-е годы XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2003. 239 с.
7. Олейник И. И., Олейник О. Ю. Становление системы подготовки юридических кадров в Советской России // Вестник ИГЭУ. 2005. Вып. 2. С. 81–93.
8. Петин Д. П. Образование и становление системы советских органов и учреждений юстиции на Кольском Севере в архивных документах Государственного архива Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 101–110. DOI: 10.37614/2949-1185.2023.2.1.009
9. Селянинова Г. Д. Формирование кадрового состава советской судебной системы в октябре 1917 – мае 1918 гг. (на примере Екатеринбургского уезда Пермской губернии) // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 22–29. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.64.3.022-029
10. Титаев К. Д. Корни российского правосудия // Отечественные записки. 2013. № 2 (53) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://strana-oz.ru/2013/2/korni-rossiyskogo-pravosudiya> (дата обращения 14.02.2024).
11. Шабалина О. В. Страницы истории этнографических исследований Кольского полуострова: Из фондов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук. Апатиты: Кольский научный центр Российской академии наук, 2022. 158 с.

Original article

Dmitry P. Petin, Postgraduate Student, Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0009-0000-8837-5752; dmitriy.petin@rndv.ru

STAFFING OF SOVIET JUSTICE AUTHORITIES IN THE KOLA NORTH DURING THE 1920S (analyzing the materials from the Murmansk Region)

Abstract. The formation and personnel composition of Soviet justice authorities in the Kola North have received limited attention in the existing scientific literature. Nonetheless, understanding these aspects is important for further research. This article examines the personnel situation that emerged during the establishment of Soviet justice institutes in the Kola North in the 1920s, utilizing fragmentary archival material from the State Archives of the Murmansk Region. Specifically, it examines the composition of the initial Soviet local justice authorities, such as the Murmansk District Bureau of Justice, Arkhangelsk Provincial Department of Justice, Murmansk Provincial Department of Justice, and the courts. It also investigates the level of competence and education of the staff, as well as the challenges that hindered their professional activities. The article concludes by reflecting on the influence of the region's challenging social and geopolitical circumstances during the studied period, which resulted in the hiring of personnel lacking proper education, relevant qualifications, and work experience in specialized institutions. Additionally, it addresses the challenges of adapting specialists sent from other regions. Notably, the process of staffing the justice agencies of the Kola North with specialized professionals and establishing local training initiatives only began to take shape in the 1930s.

Key words: justice personnel, local Soviet justice authorities, Kola North, courts

For citation: Petin, D. P. Staffing of Soviet justice authorities in the Kola North during the 1920s (analyzing the materials from the Murmansk Region). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):52–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1008

REFERENCES

1. Kalinin, I. V. Practice of selection of the administrative staff during 1917–1924. *Acmeology*. 2004;3:37–44. (In Russ.)
2. Kovalev, A. V., Bardileva, Yu. P., Sedykh, S. M. A glimpse into the history, formation, and development of the judicial system in the Kola North. Vol. 1. Courts of the Kola North from ancient times to the mid-XX century. Moscow, 2021. 228 p. (In Russ.)
3. Kovalev, A. V. Provincial, district, people's courts, the Council of People's Judges and the Special Session on Civil and Criminal Cases of the Arkhangelsk and Murmansk provinces (1920–1938). Murmansk, 2014. 115 p. (In Russ.)
4. Kruglov, V. L. Serving the law (historical and publicistic essays on the activities of the Prosecutor's Office of the Murmansk Region from 1922 to present). *Sine loco*, 2009. 163 p. (In Russ.)
5. Kryzhan, A. V. Staffing of justice bodies during the first years of Soviet power. *Via in tempore. History and Political Science*. 2012;1(120-21):178–184. (In Russ.)
6. Mikolyuk, O. V. Political repressions in Murman in the 1930s: Diss. Cand. Sc. (History). Murmansk, 2003. 239 p. (In Russ.)
7. Oleinik, I. I., Oleinik, O. Yu. Formation of the legal personnel training system in Soviet Russia. *Vestnik of Ivanovo State Power Engineering University*. 2005;2:81–93. (In Russ.)
8. Petin, D. P. Establishment and formation of the system of Soviet bodies and institutions of justice in the Kola North in the archival documents of the State Archives of the Murmansk Region. *Proceedings of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural Sciences and Humanities*. 2023;2(1):101–110. DOI: 10.37614/2949-1185.2023.2.1.009 (In Russ.)
9. Selyaninova, G. D. Formation of the staff of the Soviet judicial system in October 1917 – May 1918; evidence on Yekaterinburg District of the Perm Province). *Actual Problems of Russian Law*. 2016;3:22–29. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.64.3.022-029 (In Russ.)
10. Titaev, K. D. Roots of Russian justice. *Otechestvennye zapiski*. 2013;2(53). Available at: <https://strana-oz.ru/2013/2/korni-rossiyskogo-pravosudiya> (accessed 14.02.2024). (In Russ.)
11. Shabalina, O. V. Pages of the history of ethnographic research of the Kola Peninsula: From the funds of the Museum-Archive of the History of the Study and Development of the European North of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Apatity, 2022. 158 p. (In Russ.)

Received: 16 January 2024; accepted: 9 February 2024

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
профессор кафедры теории, истории государства и права, государственно-правовых дисциплин Северного института (филиала)

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

(Петрозаводск, Российская Федерация)

verigin@petrsu.ru

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ: СУДЬБА РАЗВЕДЧИКА ВАСИЛИЯ КИРИЛЛОВА

А н н о т а ц и я . Статья о зафронтовом разведчике Карельского фронта Василии Агеевиче Кириллове подготовлена на основе архивных документов из фондов Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия, многие из которых были рассекречены и введены в научный оборот в 2023 году. Показаны формы и методы подготовки советской военной контрразведкой В. А. Кириллова, его заброска за линию фронта. Особое внимание уделяется эффективности его деятельности в тылу противника, подчеркивается сложность работы разведчика в условиях позиционной войны между СССР и Финляндией в 1941–1944 годах. Рассматриваются причины, на основании которых В. А. Кириллов был осужден в 1944 году и реабилитирован в 1960 году. Данное исследование вносит вклад в российскую историографию отечественных спецслужб в период Великой Отечественной войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Василий Кириллов, зафронтовой разведчик, советская контрразведка, финская разведка, Великая Отечественная война, Карельский фронт

Д л я ц и т и р о в а н и я : Веригин С. Г. Из истории советской контрразведки: судьба разведчика Василия Кириллова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 64–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1009

ВВЕДЕНИЕ

Тема противостояния советских и финских спецслужб в годы Великой Отечественной войны нашла определенное освещение в отечественной историографии [1], [2], [4], [5], [6], [9], [10], [11]. Однако деятельность зафронтовых разведчиков Карельского фронта изучена недостаточно. В 1980-е годы в Петрозаводске вышли две книги очерков и воспоминаний о героях тайной войны на Карельском фронте [12], [13], которые несколько расширили наши знания о прежде закрытой проблеме, но до сих пор многие архивные документы, касающиеся конкретных разведчиков, по разным причинам недоступны для исследователей. Все это относится и к зафронтовому разведчику Карельского фронта Василию Агеевичу Кириллову. Правда, в 2023 году была опубликована статья автора данной публикации, специально посвященная жизни и судьбе этого разведчика [3],

но в то время уголовное дело Василия Кириллова не было доступно исследователям. И только в конце 2023 года оно было рассекречено, что позволяет в настоящий момент глубже раскрыть заявленную тему.

Цель статьи состоит в том, чтобы на основе рассекреченных документов из фондов Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК) разобраться в том, почему был осужден Василий Кириллов, и показать основания для его реабилитации.

* * *

Василий Агеевич Кириллов родился в 1920 году в деревне Вокнаволок Ухтинского района Карелии в многодетной крестьянской семье, в которой было двенадцать детей. Начальное образование получил в Вокнаволоцкой школе. В 1937 году окончил Ухтинскую среднюю шко-

лу (первый выпуск). В 1937–1939 годах учился в Петрозаводском учительском институте. После его окончания вернулся в д. Вокнаволок, в 1939–1941 годах работал учителем финского языка, физкультуры и пения сначала в Войницкой 7-летней, а затем в Ухтинской средней школе. В 1940 году участвовал во Всесоюзном параде физкультурников в Москве. 18 июля 1941 года Василий Кириллов был призван в армию Калевальским РВК. В годы войны стал зафронтовым разведчиком Карельского фронта. Совершил 11 походов за линию фронта. Приказом Карельского фронта № 0553 от 8 июля 1942 года был награжден орденом Красной Звезды. В период с 25 сентября 1942 года по 6 июня 1943 года Василий Кириллов совершил свой последний поход за линию фронта (256 дней). По возвращении со спецзадания 15 октября 1943 года был арестован Управлением контрразведки «Смерш» Карельского фронта. 12 февраля 1944 года Особым совещанием (ОСО) при НКВД СССР В. А. Кириллов осужден на 25 лет за измену Родине. Умер 20 февраля 1945 года в заключении (Онежский ИТЛ) и похоронен в п. Малая Шерда Плесецкого района Архангельской области. Военный трибунал Ленинградского военного округа своим определением от 24 октября 1960 года № 583-И-60 отменил постановление особого совещания при НКВД СССР от 12 февраля 1944 года в отношении В. А. Кириллова и прекратил дело на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления. Большую роль в реабилитации разведчика сыграли известные карельские писатели Яакко Ругоев и Ортье Степанов.

Рис. 1. 1937 год. Выпуск в Ухтинской средней школе. В центре – Илмари Тойкка и Конста Ханнолайнен. Василий Кириллов – в верхнем ряду слева. Здесь и далее фото из музея Калевальской средней школы имени Василия Кириллова

Figure 1. 1937 graduation ceremony at Ukhta Secondary School. Pictured in the center are Ilmari Toikka and Konsta Hannolainen, while Vasily Kirillov is seen in the top row on the left. All the photographs herein are sourced from the Kalevala Secondary School Museum named after Vasily Kirillov

Рис. 2. И. Яковлев, И. Иванов, Василий Кириллов, Яакко Ругоев – студенты Петрозаводского учительского института, 1937–1938 годы

Figure 2. I. Yakovlev, I. Ivanov, Vasily Kirillov, Jaakko Rugojev, students of Petrozavodsk Teachers Institute, 1937–1938

О героических и трагических страницах жизни и судьбы зафронтового разведчика Карельского фронта Василия Агеевича Кириллова рассказывается в двух литературных произведениях – «Двести пятьдесят шесть дней» [8] карельского писателя Яакко Ругоева и «Человек и время. Эпилог» [7] финского писателя и общественного деятеля Маркку Ниеминена. Однако на многие вопросы, которые, кстати, поставили сами эти авторы (в частности, причины репрессии в отношении разведчика, а затем и основания для его реабилитации), так и не были получены ответы.

Уголовное дело в отношении Василия Агеевича Кириллова находится в фонде уголовных дел (Ф. 8.2. № П – 10218) Архива УФСБ РФ по РК¹, в конце 2023 года оно было полностью рассекречено. Дело начинается с постановления на арест агента разведывательного отдела штаба Карельского фронта В. А. Кириллова, подписанного 11 октября 1943 года в г. Беломорске зам. начальника 1-го отделения 1-го отдела Управления контрразведки «Смерш» Карельского фронта.

В констатирующей части дела приводятся данные биографии разведчика, отмечается, что он имеет награду за разведслужбу в Красной армии – орден Красного Знамени. Однако уже здесь выделяются негативные факты в отношении его родственников: у Кириллова есть родной брат, репрессированный органами НКВД; другой брат пропал без вести в годы Великой Отечественной войны; зять сбежал в Финляндию в 1922 году. Мать, сестра и еще один брат добровольно остались на территории, которую оккупировал противник². Следует отметить,

что в начале июля 1941 года на территорию Калевальского района Карелии вторглась финская группа «Ф» III армейского корпуса, которая сумела прорвать оборону 54-й СД 7-й армии Северного фронта и оккупировать часть этого района. Не все жители смогли эвакуироваться и оказались в зоне финской оккупации. В числе их были и некоторые родственники Василия Кириллова и те его земляки, которые оказывали ему помощь в разведывательной деятельности. Так, свидетель по уголовному делу в отношении В. А. Кириллова Семен Николаевич Липкин, 1883 года рождения, карел, уроженец д. Вокнаволоок, на допросе 19 октября 1944 года показал, что переселение в тыл страны в начале войны не было организовано:

«О выезде сообщили только в начале июля 1941 года ночью. Я с семьей собрался и выехал на лодке. Но лодка была худая, мне пришлось, отъехав 10–15 км, вернуться обратно в деревню, так как дальше ехать было опасно. Вернулись в деревню, а там уже были финны. Так что с семьей остался на оккупированной территории»³.

Казалось бы, все это должно было стать предметом тщательного рассмотрения и анализа при проведении следствия, однако эти факты следователей не интересовали. Уже то, что родственники разведчика оказались под финской оккупацией, брат был репрессирован, а зять сбежал из страны в Финляндию, так или иначе бросало тень на семью Кириллова.

Далее в уголовном деле утверждается, что имеются данные, на основании которых В. А. Кириллов изобличен как агент финских разведорганов, которыми он был перевербован во время своего 8-месячного пребывания по заданию разведотдела Карельского фронта на территории, оккупированной противником⁴. Главными аргументами для этого вывода были следующие: 1. Сообщенные Кирилловым разведданные не имеют ценности. Он ограничился сведениями, относящимися к 1941 и началу 1942 года, которые были ему известны по посещению района в 1941–1942 годах. 2. Находясь в тылу противника, Кириллов имел перерыв в радиосвязи от 8 суток до 1,5 месяца, который объяснить внятно он не мог. 3. Обстоятельства нелегального пребывания на оккупированной территории, указанные Кирилловым, неправдоподобны для негласного пребывания⁵. Следователи, которые вели дело Кириллова, с одной стороны, правомерно подвергали факты его долгого пребывания в тылу финских войск сомнению, так как у советской военной контрразведки (Особого отдела Карельского фронта) и контрразвед-

ки территориальных органов (4-й отдела НКВД КФССР) было не так много примеров успешной длительной деятельности своих агентов в зоне финской оккупации Карелии. Наоборот, были факты провалов и предательства ряда зафронтовых разведчиков Карельского фронта и агентов 4-го отдела НКВД КФССР, из-за которых финская контрразведка смогла реализовать свои намерения. Так, в 1942 году сдалась в плен радистка разведотдела 7-й армии Айра Хуусконен. Затем она работала под диктовку финнов и слендировала захват языка из числа офицеров финской армии. Хуусконен сумела вызвать в район Шапшезера два советских самолета, которые были захвачены финнами⁶. Советской контрразведке был известен и факт сдавшегося в плен финнам Семена Шувалова, бывшего сотрудника 3-го спецотдела НКВД КФССР, старшего лейтенанта госбезопасности, члена ВКП(б), который являлся командиром партизанского отряда «За Родину», участвовавшего в походе в тыл противника в составе 1-й партизанской бригады Григорьева летом 1942 года. Шувалов предоставил финнам подробную информацию о работе НКВД КФССР, структуре органов, сотрудниках карельской контрразведки, сведения о партизанских отрядах, действующих на Карельском фронте. Он выдал финнам ряд агентов НКГБ КФССР, оставленных в Петрозаводске в 1941 году для выполнения заданий советской разведки⁷. В этой связи понятно, что органы военной контрразведки должны были тщательно проверить все факты, изложенные зафронтовым разведчиком Василием Кирилловым во время его 8-месячного пребывания в финском тылу.

С другой стороны, тщательный, непредвзятый и объективный анализ всех обстоятельств деятельности Кириллова за линией фронта в ходе следствия уступал сложившимся стереотипам и установкам, которыми руководствовались следователи: разведчик часто выходил за рамки установленной для него легенды, что сразу вызывало подозрения; он слишком хорошо выполнил задание в сложнейшей обстановке, делался вывод, что он смог это сделать только «при помощи» финнов, и др.

В материалах дела были и другие утверждения, которые позже легли в основу обвинения его в предательстве, но которые никак не подтверждались фактами. В материалах следствия 1943 года подчеркивалось, что разведчик, находясь в д. Вокнаволоок, где располагался большой финский гарнизон, жил в одном и том же доме восемь месяцев, работал на рации и не был

обнаружен, хотя финны несомненно вели пленгацию радиостанций. Во время проведения финскими военными властями обыска в доме Агафьи Мякеля (где проживал разведчик) в связи с подозрениями ее в связи с советскими разведчиками подверглись осмотру все помещения дома, однако подвал, в котором находился Кириллов, осмотрен не был. Квартиру Кириллова посещали связанные с ним лица в количестве 14 человек, но они не были заподозрены финской контрразведкой и никто из них его не выдал. Причем по легенде Кириллов мог общаться только с родственниками, которые бы его не выдали, но не с посторонними людьми. Находясь в тылу противника, отказывался от снабжения продуктами и жил, с его слов, на обеспечении хозяйки дома⁸.

Рис. 3. Дом Агафьи Мякеля в Вокнаволоке. 1943 год
Figure 3. Agafya Mäkelä's house in Voknavolok, 1943

Указывались и другие факты, вызывавшие сомнения у контрразведчиков. Так, в июне 1943 года хозяйка дома Мякеля и квартирантка Ротонен были арестованы финскими властями, а Кириллов беспрепятственно на второй день после их ареста ушел из этого дома и возвратился на советскую территорию. С его слов, еще во время движения в тыл к финнам были обнаружены следы Кириллова, его разыскивали, а он в это время сидел в 15 метрах от финнов, которые его не заметили⁹.

В вину разведчику ставили и то, что, вместо того чтобы опираться только на родственников, он привлек для сбора разведанных непроверенных людей, некоторые из них якобы были враждебно настроены к Советскому Союзу. Так, утверждалось, что Ольга Петровна Лесонен, Анна Сергеевна Маликина и Дарья Филипповна Ротонен, которые помогали Кириллову, «до-

бровольно» остались на оккупированной территории, а Лесонен и Маликина до момента возвращения Кириллова на советскую территорию работали официантками при офицерской столовой в д. Вокнаволок¹⁰. В материалах дела упоминалась и сестра разведчика – Варвара Агеевна Иванова, которая также «добровольно» осталась на территории, оккупированной противником, имеет «мужа-предателя», находящегося с 1922 года в Финляндии, с которым она установила связь в период финской оккупации части Калевальского района Карелии в 1941–1944 годах.

В конечном итоге делался вывод, что объяснения Кириллова по поводу 8-месячного пребывания на территории, оккупированной противником, в большинстве своем изобилуют противоречивыми фактами и явно неправдоподобны. На основании этой «доказательной» базы 14 октября 1943 года Военный прокурор Карельского фронта полковник юстиции Морозов вынес постановление о том, что В. А. Кириллов подозревается в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, и определил меру пресечения содержание под стражей с выдачей ордера № 198 на арест и обыск¹¹.

15 октября 1943 года В. А. Кириллов был арестован и сразу подвергнут допросам. В этот же день на первом допросе, отвечая следователю, разведчик рассказал о своей биографии. Он отметил, что 18 июля 1941 года Калевальский РВК призвал его в Красную армию, и он сразу же был зачислен в в/ч 4082 (разведчасть особого назначения) в с. Ухта, уже через четыре дня был послан на выполнение боевого задания в тыл противника. До конца марта 1942 года постоянно бывал на важных боевых заданиях. С апреля по 25 сентября 1942 года обучался разведработе. 25 сентября 1942 года был отправлен в тыл противника в д. Вокнаволок Калевальского района, возвратился на советскую сторону 6 июня 1943 года. После этого он находился на отдыхе и заданий до своего ареста не получал.

На допросе 15 октября 1943 года следователь заявил, что Кириллов арестован за связь с финской разведкой, и предложил ему рассказать, кто и когда привлек его к работе в пользу финской разведки. Разведчик четко ответил, что никаких связей с разведкой противника он не имел¹². Второй допрос состоялся 19 октября 1943 года. На нем Кириллов отвечал на вопросы о своих родственниках: где они проживают и чем занимаются. Он рассказал, что брат Павел Агеевич Кириллов находится на фронте, сестра

Анна Агеевна Кириллова проживает в с. Шомба Кемского района, а сестра Мария Агеевна Кириллова (Ремшу) – в с. Шуерецкое Беломорского района. Еще один брат – Петр Агеевич Кириллов призван в РККА, служил в в/ч 4082, в августе 1942 года был послан в тыл финнов на выполнение боевого задания, но с задания не вернулся. О том, что брат попал в плен, узнал от своей сестры Варвары Агеевны Кирилловой (Ивановой). Мать Евдокия Васильевна Кириллова проживает в д. Пиртигуба Калевальского района, оккупированного финнами¹³.

На третьем допросе 22 октября 1943 года разведчик рассказал, что за время службы 11 раз направлялся в тыл противника. 10 раз он действовал в составе небольших групп разведчиков от двух до восьми человек. 11-й раз был направлен за линию фронта один с целью оседания на длительное время и ведения разведки в районе д. Вокнаволок Калевальского района. Первоначально задание заключалось в том, чтобы проникнуть в тыл финнов в д. Пиртигуба Калевальского района к родной сестре Варваре Ивановой, устроиться у нее и, находясь на нелегальном положении, через осведомителей, проживавших легально в д. Пиртигуба – Степана Васильевича Иванова (мужа сестры) и д. Вокнаволок – Алексея Агеевича Кириллова (родного брата), добывать сведения о воинских частях противника и агентурной обстановке в этом районе¹⁴.

В случае если не удастся устроиться в д. Пиртигуба, Кириллову необходимо было остановиться в д. Вокнаволок у Федосии Липкиной и работать через этих же осведомителей. Собранные сведения о противнике надо было сообщать по радию, которая была передана ему при отправке в тыл противника. Возвратиться обратно он должен был по приказу командования своей части, который будет передан по радию или через связников¹⁵.

Далее Кириллов рассказал, что 26 сентября 1942 года из д. Куусиниеми, расположенной на северном берегу оз. Среднее Куйто, он на лодке переправился на южный берег оз. Среднее Куйто (нейтральная территория), а далее добрался до д. Пиртигуба. Когда он подошел к дому своей сестры Варвары Ивановой, то решил понаблюдать за домом и увидел незнакомого мужчину. Позже его мать сказала, что это муж сестры, который еще в 1922 году ушел в Финляндию. Во время войны он стал приходить на оккупированную финнами территорию Калевальского района и встречаться с женой. С незнакомым мужчиной Кириллов общаться не захотел

и четыре дня жил в сарае. После он поговорил с сестрой Варварой, сообщив, что хотел бы остановиться у нее для выполнения задания¹⁶. Однако сестра сказала, что останавливаться у нее нельзя, так как финны подозревают ее в связях с советской разведкой: они заметили след от лыжни Кириллова в конце марта 1942 года, когда он ходил сюда в разведку. Иванову переселили в дом в центр деревни, а в свой дом разрешили вернуться только летом 1942 года. Сестра посоветовала остановиться в д. Вокнаволок в доме Агафьи Филипповны Мякеля, что Василий Кириллов и сделал. Он возвратился в Вокнаволок и пришел в дом Мякеля, где встретил хозяйку дома, ее мужа и двух квартиранток – Марию Торвинен и Марию Ротанен. В подвале этого дома он жил с 13 октября 1942 по 2 июня 1943 года¹⁷.

На очередном допросе 29 октября 1943 года следователь познакомил Василия Кириллова с Постановлением о предъявлении ему обвинения. В нем говорилось, что Василий Агеевич Кириллов, будучи в тылу противника на выполнении боевого задания командования Красной армии с 26 сентября 1942 года по 6 июня 1943 года, изменил Родине, установив связь с финской разведкой. По ее указанию он сообщал ложные сведения о противнике и 6 июня по направлению разведки противника со шпионским заданием прибыл в распоряжение частей Красной армии. В Постановлении говорилось о привлечении Василия Агеевича Кириллова в качестве обвиняемого по ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР. После ознакомления с этим Постановлением разведчик отверг все предъявленные ему обвинения. Он еще раз заявил, что никаких связей с финской разведкой не имел, выполнял приказ советского командования, а родственники и жители д. Вокнаволок собирали для него сведения о финском гарнизоне, которые он передавал по радию¹⁸.

Допросы возобновились спустя 16 дней – 15 ноября 1943 года. Василий Кириллов меняет свои показания и заявляет:

«Вижу, что дальнейшее заpiresательство бесполезно. Прошу следствие дать собственноручные показания о своей связи с разведкой противника и той работой, которую я проводил по заданию финской разведки и в тылу противника, и на территории СССР»¹⁹.

Кириллов начинает менять и те показания, которые ранее давал на допросах. Так, на вопрос следователя, почему Мария Ротанен получала деньги от финнов, Кириллов в октябре 1943 года отвечал, что, по ее словам, за увечье, полученное на скотном дворе. А на допросе 15 ноября 1943 года на этот вопрос он ответил так:

«Ротонен получала деньги от финнов не потому, что была больна, а за работу агентом финской разведки. Ее задача – следить за моей работой как агента финской разведки и одновременно передавать мне сведения»²⁰.

Почему Василий Кириллов после более чем двухнедельного перерыва в допросах коренным образом изменил свою позицию и стал соглашаться со всеми предъявляемыми ему чудовищными обвинениями, прежде всего в измене Родине? На этот вопрос нет прямого ответа в изученных материалах уголовного дела. Но главная причина, на наш взгляд, состоит в том, что к нему были применены методы физического воздействия. Возможно, он взял всю вину на себя, желая обезопасить своих родных и близких. Не исключается и предательство людей, которые работали вместе с ним.

На следующих допросах Василий Кириллов отвечал так, как это было необходимо следователям. При анализе материалов уголовного дела создается впечатление, что многие ответы Кириллова были чуть ли не заранее подготовлены следователями с учетом их обещаний смягчить наказание разведчику, если он будет отвечать «как надо».

16 ноября 1943 года на вопрос следователя о том, когда и кем он был привлечен к работе в пользу Финляндии, Кириллов ответил:

«4 октября 1942 года прибыл в дер. Пиртигуба и зашел к своей сестре Варваре Агеевне Ивановой. Как отмечал ранее, остановиться у нее не мог из-за подозрений финнов к ее семье за связь с партизанами. Родственники в Вокнаволоке тетя Феодосия Липкина и Семен Липкин не дали согласия устроиться у них на нелегальном положении. Я боялся не выполнить задание и поэтому решил сдать финским властям, отправив своего племянника Степана Иванова в финский гарнизон дер. Пиртигуба. Вечером 5 октября 1942 года меня арестовали финские солдаты, изъяв пистолет, 3 гранаты, финский нож и рацию “Север”. Они доставили меня в деревню Вокнаволок в полицейское управление»²¹.

По показаниям Кириллова, утром 6 октября 1942 года его вызвали на допрос, проходивший в полицейском управлении, который вели лейтенант полиции Яскиляйнен и капитан полиции Эрола. Допросы продолжались с 6 по 9 октября. На них он признался, что является советским разведчиком и прибыл в Вокнаволок по заданию разведотдела № 4082 с целью длительного нахождения в тылу и передачи по рации сведений о финском гарнизоне и агентурной обстановке в тылу финнов. 8 октября капитан Эрола предложил Кириллову рассказать, как пользоваться шифркомом и передать информацию по рации

на центральную станцию²². Далее Кириллов рассказал, что 11 октября капитан Эрола стал вербовать его в качестве агента финской разведки. Вначале разведчик отказался, заявив, что хотел бы просто остаться жить в финском тылу и не вести никакой работы. Но это не удалось, так как финские контрразведчики разъяснили, что он уже передал по рации сведения, выгодные для финнов, и теперь ему ничего не остается делать, как работать на финскую разведку.

11 октября 1942 года Кириллов «дал подписку» работать финским агентом:

«Я – Кириллов Василий Агеевич сообщил финским властям известные мне сведения о воинских частях и в дальнейшем обязуюсь работать в пользу финской разведки и честно выполнять все порученные задания от финского командования. В дальнейшем все сведения финской разведки будут подписываться кличкой “Рантала”. В конце подписки поставил свою подпись – Кириллов».

С 14 октября стал работать на радиостанции «Север», передавая подготовленную финнами информацию²³.

На следующих допросах Кириллов стал «оговаривать» тех жителей Вокнаволока, которые помогали ему в сборе разведывательной информации, заявив, что они являлись агентами финской разведки.

Кроме того, в дальнейшем Василий Кириллов вынужден был согласиться со следствием и в вопросе о том, почему были перерывы в радиосвязи. Он отмечал, что примерно 10 декабря 1942 года капитан Эрола приказал прекратить связь с центральной станцией для того, чтобы, возвратившись на территорию СССР, Кириллов мог заявить, что передатчик испортился и поэтому он решил возвратиться без приказа. По возвращении на советскую территорию Кириллов должен был выполнить следующие задания финской разведки: 1) установить связь с разведчиками, готовящимися для переброски в тыл финнов на длительное время, и в беседах с ними выяснить, какие они имеют задания и в какие районы предполагается их выброска; 2) установить количественный состав направляемых групп диверсантов и разведчиков, а также тех, с кем они будут иметь связь на территории, оккупированной финнами; 3) из лиц, недовольных советской властью, создать резидентуры, то есть завербовать их в агенты финской разведки²⁴. Капитаном Эрола была подготовлена легенда о работе Кириллова в тылу противника, которую он должен был изложить советскому командованию в качестве отчета о ра-

боте в финском тылу²⁵. Но возвращение Кириллова было перенесено на более поздний срок – начало июня 1942 года.

Легенда в основном осталась прежней – отсутствие питания для рации было главной причиной его возвращения, но добавили еще один факт. 2 июня 1942 года финская полиция арестовала Агафью Мякеля и Марию Ротонен, поэтому Кириллов без приказа советской стороны был вынужден покинуть Вокнаволоку и возвратиться на советскую территорию.

Далее Василий Кириллов вынужден был говорить то, чего добивалось от него следствие:

«Прибыв на советскую территорию, я был направлен в штаб армии в г. Кемь, где изложил подполковнику Коваленко отчет о своей работе в тылу противника и через 5–6 дней был отправлен в г. Сегежа на отдых, где пробыл до 8 августа 1943 года. Находясь в разведчасти 12305, приступил к выполнению полученного от финской разведки задания по вербовке известных мне разведчиков в агенты финской разведки. Мною было подготовлено для вербовки несколько человек»²⁶.

На вопрос следователя о том, как реагировали на эти предложения окружающие, Василий Кириллов ответил, что никто его «антисоветские» разговоры не поддержал и завербовать он никого не смог²⁷. Этот факт показывает, что, несмотря на огромное давление со стороны следователей на Кириллова, он никого не сдал, тем самым спас жизнь многих советских разведчиков и советских граждан.

Различные документальные источники, в том числе и материалы уголовного дела, показывают, что во время следствия по делу зафронтного разведчика Карельского фронта Василия Кириллова были допрошены многие его родственники, друзья и знакомые. Имеющиеся документы свидетельствуют, что большинство свидетелей высоко ценили деятельность Василия Кириллова в качестве разведчика, их показания опровергали доводы следствия о «преступной» деятельности Кириллова и его работе на финнов. Так, Анна Степанова Маликина, 1921 года рождения, уроженка д. Войница Калевальского района, член ВЛКСМ с 1936 года, до войны работавшая заведующей избой-читальней в д. Каменное озеро Калевальского района, на допросе рассказала следующее. 3 июля 1941 года в деревню пришли финны. Она сначала работала скотницей в д. Вокнаволоку, затем попала в лагерь военнопленных, а 27 февраля 1942 года ее отправили в д. Тихозеро Калевальского района, где она готовила пищу для сельскохозяйственных рабочих. 1 января 1943 года ее отпустили домой, она стала ра-

ботать в столовой д. Вокнаволоку²⁸. По ее словам, в конце февраля или начале марта 1943 года тетя Кириллова Агафья Мякеля позвала ее с Ольгой Лесонен в гости, там они и познакомились с В. Кирилловым. После этого девушки стали добывать для Кириллова разведывательные данные, которые тот по рации передавал на советскую сторону. Кириллов скрывался у Агафьи Мякеля до 6 июня 1943 года, после чего брат Алексей Кириллов проводил его через озеро Куйто и он ушел за линию фронта²⁹.

Анна Маликина на допросе объяснила и причину неудачи финнов в поимке разведчика:

«3 июня 1943 года в доме Мякеля был проведен обыск, все было тщательно просмотрено, но ход в подполье, в котором скрывался Кириллов, финнами обнаружен не был. Дело в том, что в той комнате, из которой шел ход в подполье, было навалено много хлама, хорошо замаскировавшего тайный ход. Так финны ушли ни с чем, оставив лишь караул у дома»³⁰.

Ключевым свидетелем по уголовному делу Кириллова являлась Агафья Филипповна Мякеля, в чьем доме в Вокнаволоке восемь месяцев – с 5 октября 1942 по 3 июня 1943 года – скрывался разведчик. На допросе 6 октября 1944 года, который осуществлялся через переводчика (карелка Мякеля плохо знала русский язык), она отвергла все обвинения Кириллова в предательстве и его связях с финскими властями. Мякеля заявила, что финны ничего не знали о находившемся в ее доме разведчике. В течение всех восьми месяцев он жил в подвале дома и никуда не выходил, за исключением одного случая, когда вышел в лес за питанием для рации. Кириллов – это настоящий советский патриот. Более того, несмотря на предупреждение следователей об ответственности, Агафья Мякеля отказалась подписать протокол допроса о том, что финны знали о Кириллове³¹.

Еще один свидетель по уголовному делу – Мария Филипповна Ротонен, 1908 года рождения, карелка, проживавшая в доме Агафьи Мякеля с конца сентября 1942 года, на допросе 25 октября 1944 года заявила, что Кириллов пришел в дом Мякеля ночью в начале октября 1942 года, а ушел на советскую сторону 3 июня 1943 года. Батареи к рации доставлял сам Василий или его родной брат Алексей, которые ходили в район Сосновой губы (пятая ламба), где было скрытое место и куда партизаны доставляли батареи. Финны о нахождении Кириллова в доме Мякеля ничего не знали³². Этот протокол был подписан на русском и карельском языках.

Свидетель Ольга Петровна Лесонен (Хмылко) на допросе в 1944 года также отвергла все обвинения о связях Кириллова с финнами. Она заявила, что вместе с Анной Маликиной выполняла все задания разведчика. 2 июня 1943 года финны провели обыск в доме Агафьи Мякеля, затем арестовали ее и Марию Ротонен, но Кириллова не нашли. За домом Мякеля установили наблюдение, но на следующий день Василий Кириллов с помощью брата Алексея покинул Вокнаволок³³.

Мария Липкина, Мария Ивановна Торвонен и другие свидетели по уголовному делу Кириллова на допросах в 1943–1944 годах показали, что разведчик никаких связей с финнами не имел, проживал в подвале дома Агафьи Мякеля и выходил за пределы дома только один раз за питанием к рации. На советскую сторону он ушел с помощью брата Алексея³⁴.

Рис. 4. Патриотическая группа Василия Кириллова:

Алексей Липкин, Ольга Лесонен (Хмылко), Мария Филипповна Липкина, Виктор (сын Ольги Лесонен), Айно (дочь Марии Липкиной), Анни Маликина (Липкина), Агафья Филипповна Мякеля, 1964 год

Figure 4. Vasily Kirillov's patriotic group: Alexei Lipkin, Olga Lesonen (Khmylko), Maria Lipkina, Victor (Olga Lesonen's son), Aino (Maria Lipkina's daughter), Anni Malikina (Lipkina), Agafya Filippovna Mäkelä, 1964

Несмотря на то что большинство свидетелей в период следствия летом и осенью 1943 года, а затем на допросах в 1944 году после освобождения Калевальского района от финской оккупации решительно отвергли все обвинения Кириллова в предательстве, следователи активно пытались любыми способами добыть улики по обвинению разведчика в измене Родине. Надо отметить, что многие из этих улик не выдерживают критики с точки зрения уголовного права.

В качестве обвинений Кириллова в измене Родине следователи предъявили ему показания двух разведчиков – Петрова и Богданова, которые фактически были «подсажены» военной контрразведкой к Кириллову после его возвра-

щения на советскую территорию для выявления отношения разведчика к советской власти. Так, 18 августа 1943 года свидетель Петров подал заявление на Василия Агеевича Кириллова как на разведчика недостойного поведения и человека, не внушающего политического доверия. При этом под псевдонимом Петров скрывался агент Управления контрразведки «Смерш» Карельского фронта Семен Иванович Мотонен, которого специально подсадили в гостиницу г. Сегежа, где в то время проживал Кириллов. Скорее всего, Петров еще до встречи с Кирилловым получил установку найти факты антисоветского поведения разведчика и вполне с ней справился. Так, 16 августа 1943 года в самом начале допроса он отметил, что первоначально не придавал значение отдельным высказываниям Кириллова. Но тут на помощь ему пришел следователь, который спросил: «Как вы реагировали на недостойное и вызывающее поведение Кириллова?» После этого свидетель заявил:

«В июле 1943 года проживал с Кирилловым в Сегеже. В разговорах со мной Кириллов восхвалял правительство Финляндии и других капиталистических стран, критиковал советское руководство, говорил, что в СССР у колхозов 90 % урожая отбирает государство. Коренное карельское население в оккупированной части Ухтинского района живет хорошо. Также хорошо живут рабочие в Финляндии, кто работает, тот не знает нужды. Финские газеты читать интереснее, чем советские. Наши газеты все врут»³⁵.

Кроме того, Петров рассказал, что Кириллов без разрешения выходил на улицу и встречался с другими разведчиками, а также изготавливал «цепочки», часть из которых принес с оккупированной территории, и раздавал их разведчикам, которые вполне могли быть знаками для финских агентов³⁶. Аналогичные показания в отношении Кириллова были получены и от другого информатора – разведчика Богданова.

Василий Кириллов был опытным разведчиком, который несомненно понимал, что вести «антисоветские» разговоры с незнакомыми людьми нельзя. Но он был вынужден соглашаться с теми обвинениями, которые выдвигались против него. Фактически на допросах в конце ноября – начале декабря 1943 года Василий Кириллов продолжал линию поведения, данную ему следователями. Он заявил:

«18 июля 1943 года меня перевели из г. Кемь в г. Сегежа, где я пробыл до 8 августа 1943 года. Находясь в Сегеже, я вел с разведчиком по кличке “Петров” антисоветские разговоры, восхвалял Финляндию, говорил, что карельское население на оккупированной финнами территории живет хорошо. Нет колхозов, ко-

торые стремились побольше взять у работающих в них колхозников. Эти же разговоры вел с разведчиком Николаевым в Беломорске»³⁷.

Материалы уголовного дела свидетельствуют о том, что для доказательства «преступной деятельности» Василия Кириллова следствием использовались его высказывания о жизни местных жителей на оккупированной финнами территории Советской Карелии. Так, свидетель Софья Николаевна Хойкка на допросе 18 августа 1943 года заявила: «Встретилась с Кирилловым в конце июня – начале июля 1943 года. Он говорил мне, что население на оккупированной территории живет хорошо»³⁸.

Этот факт отмечала и другой свидетель – сестра разведчика Мария Агеевна Ремшу (Кириллова):

«Брат говорил мне, что на оккупированной территории люди живут хорошо, ибо им раздали колхозную собственность. Сестра (Варвара Иванова. – С. В.) стала иметь две коровы и другую живность»³⁹.

Еще один свидетель – сестра разведчика Анна Агеевна Кириллова заявила то, что хотело услышать следствие: «Те мои родственники, которые остались на оккупированной территории, поступили предательски по отношению к Советскому Союзу»⁴⁰. Правда, при этом она добавила, что брат о жизни на оккупированной территории ничего не рассказывал⁴¹.

В качестве улики «преступной» деятельности Василия Кириллова в материалах следствия присутствовал также блокнот, записи которого следователи в 1943 году оценили как антисоветские. К делу был приобщен и фотоснимок отобранных у разведчика трех цепочек, которые он принес с оккупированной территории и которые фигурировали как опознавательные знаки для агентов финских разведорганов⁴².

Таким образом, приведенный выше материал показывает, что у следствия оказалась весьма узкая и недостаточно обоснованная юридическая база для предъявления Кириллову столь сурового обвинения, как измена Родине. Однако в конечном итоге 17 декабря 1943 года был составлен протокол об окончании следствия № 102 по обвинению Василия Агеевича Кириллова в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б». Как отмечено в протоколе, В. А. Кириллов с материалами следствия ознакомлен полностью, ходатайств и жалоб к следствию не имеет⁴³.

На основании следствия Особое совещание (ОСО) при НКВД СССР 12 февраля 1944 года постановило Василия Агеевича Кириллова за шпи-

онаж заключить в ИТЛ сроком на 25 лет, считая срок с момента ареста – 15 октября 1943 года⁴⁴. Недолгой оказалась жизнь разведчика в местах лишения свободы. Василий Кириллов умер 20 февраля 1945 года в Онежском ИТЛ в Архангельской области.

Как уже отмечалось, главную роль в реабилитации Василия Кириллова сыграли известные карельские писатели Яакко Ругоев и Ортъе Степанов. Яакко Ругоев, узнав о судьбе Василия Кириллова, не поверил в предательство своего одноклассника и лучшего друга, делом его жизни стало оправдание Василия. Он стал систематически собирать материалы о жизни Василия Кириллова, понимая, что в архивах ему не предоставят необходимые документы. Маркку Ниеминен пишет:

«Поэтому он выбрал метод, которого в целом и придерживался в поисках источников. Он интервьюировал свидетелей того времени, создав широкую сеть переписки, обращаясь к друзьям и знакомым с просьбой искать людей, которые знали бы об интересующих его событиях, и призывал их написать ему. И его метод сработал. Яакко обосновывал свои действия тем, что архивы не содержат всей правды и в то же время никуда не пропадут. Зато рассказы многих людей, переживших одни и те же события, дополняют друг друга, оживляя историю и придавая ей целостность. Необходимо лишь записать воспоминания очевидцев, пока они не забылись и пока рассказчики еще живы» [7: 31].

Что касается Ортъе Степанова, то он проявил большую активность в деле восстановления доброго имени Василия Кириллова. Он написал письмо в Москву в Прокуратуру Советского Союза, в котором рассказал о судьбе Василия Кириллова и о его невиновности. Писатель просил, чтобы дело разведчика было пересмотрено, а его доброе имя – оправдано. Маркку Ниеминен отмечает:

«Ортъе не рискнул отправить письмо из Калевалы, а поехал в Кемь, где у него были и другие дела. Но и там он не отнес письмо на почту, а отправился на вокзал. Через Кемь следовали прямые поезда между Мурманском и Москвой. Именно в тот момент, когда следующий в Москву поезд был готов к отправлению, Ортъе и опустил свое письмо в специальную щель его почтового вагона. Запросы Ортъе пересылались из отдела в отдел, после он получал официальное письменное уведомление о том, куда переданы его бумаги. Путь его письма начался в управлении Военного трибунала Северного военного округа при Прокуратуре Советского Союза и в конце концов закончился рассмотрением дела в Военном трибунале Ленинградского военного округа. В течение этого времени письмо восемь раз курсировало между Москвой, Петрозаводском и Ленинградом. На все эти перемещения ушло более полугода» [7: 33–34].

В конечном итоге Ортье Степанов получил решение Военного трибунала ЛВО от 24 октября 1960 года о реабилитации В. А. Кириллова. Справка гласила:

«Дело по обвинению гражданина Кириллова Василия Агеевича, 1920 года рождения, уроженца деревни Вокнаволок Калевальского района Карельской АССР, арестованного 14 октября 1943 года, до ареста являвшегося военнослужащим, пересмотрено Военным трибуналом ЛВО от 24 октября 1960 года. Постановление от 12 февраля 1944 года в отношении Кириллова В. А. – отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления. Гражданин Кириллов реабилитирован посмертно. Зам. председателя Военного трибунала ЛВО, полковник юстиции Поляков»⁴⁵.

Казалось бы, справедливость восторжествовала, разведчик реабилитирован. Но в то время ни Ортье Степанов, ни Яакко Ругоев, ни родные и близкие Василия Кириллова не располагали информацией как о причинах репрессии в отношении разведчика, так и основаниях для его реабилитации.

В 2023 году фактически все материалы уголовного дела в отношении В. А. Кириллова были рассекречены, и в настоящее время мы можем представить, как проходил процесс реабилитации разведчика. После получения запроса Ортье Степанова в 1960 году Прокуратурой СССР было принято решение осуществить проверку архивно-следственного дела Василия Агеевича Кириллова, поручив ее Особому отделу КГБ СССР при Совете Министров СССР по Ленинградскому военному округу (ЛВО). В ходе проверки в 1960 году архивно-следственного дела Василия Агеевича Кириллова следователи Особого отдела КГБ СССР при СМ СССР по ЛВО проанализировали всю разведывательную деятельность разведчика. В Обзорной справке отмечалось, что с сентября 1941 по июнь 1943 года В. А. Кириллову Разведывательным отделом штаба Карельского фронта давались различные задания для выполнения в тылу у финнов. После каждой ходки Кириллов донесением сообщал о выполнении боевых заданий (приказов). Все задания были выполнены, за что разведчик был награжден орденом Красного Знамени.

В Обзорной справке архивно-следственного дела Василия Агеевича Кириллова от 21 сентября 1960 года основное внимание уделяется последнему походу разведчика за линию фронта, который длился восемь месяцев – с 25 сентября 1942 года по 6 июня 1943 года. Приводится боевой приказ от 22 сентября 1942 года на выполнение задания, материалы радиосводок, которые

передавал по радиации Кириллов, находясь в Вокнаволоке, и подробный отчет разведчика после возвращения на советскую территорию. В справке отмечено, что данных о перевербовке Кириллова разведкой противника не усматривается. Далее говорится о том, что обвинения Кириллова в изменнической деятельности опровергаются показаниями вновь допрошенных свидетелей: Ольги Петровны Лесонен (Хмылко), Анны Степановны Липкиной (Маликиной), Елены Петровны Торвинен, Марии Ивановны Торвинен, Агафьи Филипповны Мякеля, Марии Филипповны Липкиной, Алексея Семеновича Липкина, которые характеризовали разведывательную работу В. А. Кириллова в тылу противника в пользу советского командования только с положительной стороны и сообщили, что данными о его связях с финскими властями они не располагают⁴⁶. Все свидетели, которые отвергли обвинения Кириллова в его связях с финнами на следствии в 1943 году, а также во время допросов в 1944 году после освобождения Калевальского района Карелии от финской оккупации, вновь подтвердили свою позицию и в 1960 году. Так, Ольга Петровна Лесонен (Хмылко) на допросе в 1960 году заявила, что в 1944 году она говорила о Кириллове только как о настоящем патриоте. Следователь убеждал ее тогда признать, что Кириллов является предателем, работавшим на финнов, но Лесонен отказалась это сделать⁴⁷.

Большой интерес в ходе проверки следственного дела в 1960 году представляют допросы тех немногочисленных свидетелей, которые в той или иной мере, вольно или невольно (чаще всего под давлением) поддержали позицию следствия в 1943–1944 годах о «преступной» деятельности Кириллова. В 1960 году все они отказались от прежних показаний.

Сестра Василия Кириллова Анна Агеевна Кириллова, проживавшая в годы войны в п. Шомба Кемского района, на допросе 30 июля 1960 года дала разъяснение своим словам в протоколе допроса 6 октября 1943 года о том, что «поступок родственника (Василия Кириллова. – С. В.) по отношению к Советскому Союзу считаю неправильным и это граничит с предательством». Во-первых, она отрицала то, что это было записано с ее слов. Во-вторых, Анна Агеевна на допросе в 1960 году также сослалась на то, что не помнит о записанных в протоколе от 6 октября 1943 года ее словах о том, что брат попал в плен к финнам, а затем ему удалось бежать. В-третьих, по словам Кирилловой, во время допроса следователь кричал на нее, угрожал выселением из посел-

ка, ставил в вину поведение ее родственников, в частности пребывание некоторых из них в финском плену. Кроме того, знакомясь с протоколом допроса 6 октября 1943 года, Анна Кириллова, карелка по национальности, не все понимала и не смогла разобраться в записях, так как ее родной язык – карельский, а протокол допроса оформлялся на русском языке. В настоящее время она хорошо владеет русским языком⁴⁸.

В уголовном деле Кириллова 1943 года, а также в допросах 1944 года важнейшими доказательствами «предательства» разведчика являлись антисоветские высказывания, которые он допускал в разговорах после возвращения на советскую сторону. Так, в материалах дела имеются показания свидетеля Софьи Николаевны Толстых-Хойкка из Ругозера о том, что разведчик вел с ней антисоветские разговоры, расхваливал жизнь на оккупированной финнами территории Карелии. На допросе в 1960 году она подтвердила, что встречалась с Кирилловым летом 1943 года в Сегеже, но, о чем был разговор, она не помнит. Протокол допроса 13 сентября 1943 года она подписала, но, что говорила на этом допросе, тоже не помнит. При этом Толстых-Хойкка сослалась на плохую память, так как находилась с весны до осени 1944 года в партизанском отряде и была ранена в голову.

От своих показаний против Кириллова в 1960 году отказался еще один свидетель – его сестра Мария Агеевна Ремшу (Кириллова):

«Меня допрашивали в 1943 году. Следователь говорил по-русски, а я – карелка, русским языком владею плохо. Я могла подписать показания от 3 октября 1943 года. Только не помню, что говорила».

9 августа 1960 года был допрошен свидетель по делу Кириллова Семен Иванович Мотонен, который летом 1943 года проходил службу в разведчасти 12305. В это время контрразведкой «Смерш» Карельского фронта он под фамилией Петров был подселен к Кириллову в одну комнату гостиницы г. Сегежа. Именно Мотонен – Петров на допросе 18 августа 1943 года обвинил Кириллова в недостойном поведении и в том, что тот не внушает политического доверия. На допросе 9 августа 1960 года Мотонен по существу отказался от своих прежних показаний и заявил, что ни подтвердить, ни отрицать свои показания он не может, так как ничего не помнит⁴⁹.

В процессе проверки следственного дела Кириллова в 1960 году были опровергнуты и другие улики, которые легли в основу обвинительного приговора, вынесенного ему

в феврале 1944 года. Так, следователями КГБ СССР было установлено, что блокнот с записями на финском языке, который фигурировал в качестве обвинения Кириллова в измене Родине в 1943 году, не является доказательством его преступной деятельности. Как видно из перевода на русский язык, в блокноте имелся ряд записей обывательского, вульгарного характера, некоторые из них имели политический оттенок, но квалифицировать их как антисоветские нельзя. К тому же все эти записи являлись выдержками из финских газет и журналов, а не личными высказываниями Кириллова. В Обзорной справке также указывалось, что в архивных материалах Разведуправления Генштаба Советской армии на В. А. Кириллова каких-либо данных, уличающих последнего в связях с финскими разведорганами, не имеется⁵⁰.

Следователями, проводившими проверку архивно-следственного дела В. А. Кириллова в 1960 году, был отмечен также факт наличия в уголовном деле 1943–1944 годов данных о том, что Кириллов изготовлял и дарил ряду лиц цепочки по образцу принесенных с оккупированной территории. Из этого далее следовал бездоказательный вывод о том, что Кириллов вербовал советских людей для финской разведки и вышеупомянутые цепочки являлись опознавательными знаками финских разведорганов⁵¹.

В ходе проверки 1960 года следователями были тщательно изучены протоколы допросов всех свидетелей. В деле свидетеля Ольги Петровны Лесонен (Хмылко) имеется акт осмотра дома Агафьи Мякеля от 27 сентября 1944 года. В этом доме в 1942–1943 годах жил и работал В. А. Кириллов. Согласно акту, никаких признаков проживания в подвале дома Мякеля, а также установки радиостанции и антенны к ней не обнаружено. Но признать этот документ как имеющий доказательную силу нельзя по следующим основаниям. Осмотр проводился оперативными сотрудниками контрразведки «Смерш» с явно обвинительным уклоном, о чем свидетельствует текст преамбулы акта, понятые и специалист (радиотехник) для производства осмотра привлечены не были⁵².

Выводы лиц, производивших осмотр дома А. Ф. Мякеля 27 сентября 1944 года, опровергаются данными протокола осмотра этого же дома, произведенного 26 октября 1944 года начальником отдела НКГБ КФССР капитаном Гневным в присутствии радиста НКГБ Ивана Амосовича Тукачева, домохозяйки Агафьи Филипповны Мякеля и гражданки Марии Ротонен. В результате осмотра 26 октября 1944 года было

обнаружено, что в месте укрытия Кириллова, под полом комнаты № 2, в правом углу, на земляном откосе помещалась переносная рация. Антенна проходила из подвала через щель в полу в комнату и выше на чердак. Весь путь прохождения антенны проверен на месте и отвечает техническим требованиям для нормальной работы рации типа «Север»⁵³.

Таким образом, в 1960 году в ходе дополнительной проверки архивно-следственного дела В. А. Кириллова 1943–1944 годов были установлены новые обстоятельства, свидетельствующие о необоснованном осуждении разведчика. В результате 4 сентября 1960 года следователь особого отдела КГБ при СМ СССР по ЛВО сделал следующее заключение:

«Архивно-следственное дело № 15589 по обвинению Кириллова Василия Агеевича направить в Военную прокуратуру ЛВО для решения вопроса об отмене Постановления Особого совещания при НКВД СССР от 12 февраля 1944 года в отношении Кириллова В. А. и прекращения уголовного дела по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления»⁵⁴.

После этого 18 сентября 1960 года военный прокурор ЛВО полковник юстиции В. Горбашев в порядке надзора внес в Военный трибунал ЛВО Протест по уголовному делу В. А. Кириллова. В Протесте было отмечено:

«В ходе проверки архивно-следственного дела Василия Кириллова установлено, что обвинение Кириллова основано на противоречивых показаниях свидетелей, которые никак не доказывали преступную деятельность разведчика. Дело по обвинению Кириллова прекращено по ряду обстоятельств»⁵⁵.

На допросах, проведенных в период с 15 октября по 1 ноября 1943 года, Кириллов виновным себя не признал и показал, что, будучи направленным 26 сентября 1942 года в тыл противника, он, в соответствии с полученным заданием Разведотдела Карельского фронта, поселился в деревне Вокнаволок в подвале дома гражданки А. Ф. Мякеля, установил радиостанцию, через которую передавал командованию Красной армии разведывательные данные о воинских частях финской армии, размещавшихся в районе указанной деревни. Секретные сведения собирал через А. Мякеля, М. Ротонен, Ф. Липкину, М. Торвинен, С. Липкина, М. Липкину, А. Липкина, О. Лесонен и других местных жителей. 3 июня 1943 года прекратил работу в тылу противника и возвратился в расположение советских войск в связи с тем, что у финнов возникло подозрение о наличии радиостанции в районе деревни Вокнаволок⁵⁶.

Эти показания В. А. Кириллова нашли свое подтверждение в ходе проверки. Допрошенные в 1960 году свидетели А. С. Маликина, Е. П. Торвинен, А. Ф. Мякеля, М. И. Торвинен, М. Ф. Липкина, А. С. Липкин, О. П. Лесонен-Хмылко охарактеризовали разведывательную работу Кириллова во время его пребывания в тылу врага только с положительной стороны и утверждали, что никакой связи с финскими властями он не имел⁵⁷. Кроме того, в оперативных делах по А. Маликиной и О. Лесонен имеется ряд материалов, в частности протоколы допросов свидетелей – С. Н. Липкина, Ф. П. Липкиной, А. А. Денисовой, М. Ф. Ротонен, М. И. Торвинен, А. А. Кириллова, А. Ф. Мякеля, допрошенных в сентябре – октябре 1944 года (после освобождения Калевальского района Карелии от финской оккупации. – С. В.). Все они характеризовали Кириллова положительно, как советского разведчика. В этих делах никаких данных о связях Кириллова с финскими властями или разведорганами Финляндии не имеется. Из протокола осмотра дома гражданки А. Ф. Мякеля, в котором в 1942–1943 годах жил и работал Кириллов, установлено, что технические возможности для нормальной работы рации типа «Север» имелись. В архивных материалах Разведуправления Генштаба Советской армии на В. А. Кириллова также не имеется данных, «уличающих его связях с финскими разведорганами»⁵⁸.

При наличии таких обстоятельств не могут быть приняты во внимание и иметь доказательное значение по делу показания Кириллова, записанные в его протоколах допроса (после перерыва в процессе следствия. – С. В.) о том, что он, находясь в тылу противника, якобы 5 октября 1942 года сдался в плен финнам и, будучи переведен финской разведкой, передавал дезинформационные сведения советскому командованию на квартире А. Ф. Мякеля, а также его утверждения о том, что А. Ф. Мякеля, С. Н. Липкин, М. Липкин, А. С. Липкин, М. И. Торвинен, Ф. П. Липкина, И. Мякеля, О. П. Лесонен и А. С. Маликина, так же как и он, являлись агентами финской разведки⁵⁹. Далее в Протесте прокурора отмечено, что проверкой по архивным материалам и учету КГБ при СМ КАССР сведений о принадлежности к финским разведорганам названных Кирилловым лиц не обнаружено. В качестве примера приводилась история с родным братом Василия Кириллова Алексеем. На допросах, проводившихся после перерыва в следствии (с 15 ноября 1942 года), Василий Кириллов вынужден был отнести своего брата,

как и других жителей, помогавших ему в сборе данных, к агентам финской разведки и утверждал, что якобы через Алексея он сдался в плен финским органам. Несостоятельность этих показаний разведчика видна из того, что его брат на допросе еще в 1944 году отрицал это обстоятельство и показал, что В. А. Кириллов был честным советским человеком и никогда в плен финнам не сдавался и не сотрудничал с ними⁶⁰.

В Протесте прокурора также отмечалось, что в ходе проверки и новых допросов свидетелей в 1960 году выяснилось, что те из них, кто в 1943 и 1944 годах приводил факты о «преступной» деятельности Василия Кириллова, отказались от прежних своих показаний, ссылаясь на плохое знание русского языка и давление на них следователей (А. А. Кириллова, С. Н. Толстых-Хойкка и М. А. Ремшу)⁶¹.

В итоге, исходя из изложенного и принимая во внимание, что обвинение В. А. Кириллова не только не нашло подтверждения в ходе проверки, но и опровергнуто ею и что репрессирован он был необоснованно, а потому, руководствуясь ст. 25 «Положения о прокурорском надзоре в СССР» и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года, прокурор ЛВО полковник юстиции В. Горбашев просил Военный трибунал ЛВО Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 12 февраля 1944 года в отношении Василия Агеевича Кириллова отменить и дело прекратить по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР⁶².

Протест в порядке надзора военного прокурора ЛВО на Постановление ОСО при НКВД СССР от 12 февраля 1944 года, на основании которого В. А. Кириллов (до ареста – разведчик-радист Карельского фронта) был заключен в ИТЛ сроком на 20 лет, был рассмотрен на заседании Военного трибунала ЛВО 24 октября 1960 года в составе: председательствующего – полковника юстиции Полякова и членов – полковников юстиции Зырянова и Федотова. Военный трибунал ЛВО вынес определение № 583-н-60, в котором установил следующее. В. А. Кириллов обвинялся в том, что он, будучи в сентябре 1942 года переброшен в тыл противника со спецзаданием, изменил Родине – перешел на сторону врага и выдал секретные сведения. Он был завербован финской разведкой, передавал по ее заданию по радию дезинформацию командованию Красной армии, а в июне 1943 года со шпионским заданием переброшен на советскую сторону, где пытался вербовать агентов для финской разведки⁶³. Как видно из материалов дела,

обвинение Кириллова было обосновано только его противоречивыми показаниями и такими же показаниями некоторых свидетелей по делу. В ходе дополнительной проверки, проведенной в 1960 году, установлены новые обстоятельства, свидетельствующие о необоснованном осуждении В. А. Кириллова. Обсудив доводы протеста, в которых ставится вопрос об отмене Постановления ОСО при НКВД СССР в отношении Кириллова и прекращении дела о нем за отсутствием состава преступления, военный трибунал находит, что протест подлежит удовлетворению. Кириллов был репрессирован необоснованно.

Исходя из изложенного и руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года, военный трибунал определил: Постановление ОСО при НКВД СССР от 12 февраля 1944 года в отношении Василия Агеевича Кириллова отменить и дело о нем прекратить на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления.

Писатель Ортье Степанов, подававший заявление о пересмотре дела В. А. Кириллова, 26 октября 1960 года получил справку, которая гласила:

«Дело по обвинению гражданина Кириллова Василия Агеевича, 1920 года рождения, уроженца дер. Вокнаволок Калевальского района КАССР, арестованного 14 октября 1943 года, до ареста находящегося военным служащим – пересмотрено Военным трибуналом ЛВО 24 октября 1960 года. Постановление от 12 февраля 1944 года в отношении Кириллова В. А. – ОТМЕНЕНО и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления. Гражданин Кириллов реабилитирован посмертно. Зам. Председателя Военного трибунала ЛВО полковник юстиции Поляков»⁶⁴.

Реабилитация Василия Кириллова в 1960 году ускорила писательскую и исследовательскую работу Яакко Ругоева. В 1964 году он опубликовал на страницах газеты «Неувосто Карьяла» («Советская Карелия») статью «На службе Отчизне», в которой рассказал о разведывательной деятельности Василия Кириллова в д. Вокнаволок с осени 1942 до начала лета 1943 года. Этот рассказ оправдал отважного разведчика и получил много положительных отзывов как в газетных статьях, так и в письмах самому писателю. Затем Яакко Ругоев дополнил рассказ другими материалами и в журнале «На рубеже» в 1964 году опубликовал документальную повесть «Двести пятьдесят шесть дней» [8].

Рассказ и повесть Яакко Ругоева освещали только героические подвиги Василия Кириллова, подпольную деятельность разведчика в тылу врага в оккупированной деревне в течение

восьми месяцев, но что произошло далее, после возвращения Кириллова на советскую территорию, оставалось за рамками этих произведений. Яакко Ругоев продолжал работу над новым романом о Василии Кириллове с рабочим названием «Лесная карельская молодость». Однако завершить его писателю не удалось.

С материалами архива Яакко Ругоева после его смерти работал финский писатель Маркку Ниеминен, который среди прочих документов обнаружил папку с письмами Василия Кириллова из заключения. Они во многом объясняют ситуацию с «осуждением» разведчика в измене Родине. Ниеминен приводит отрывок из письма В. Кириллова от 10 февраля 1944 года, то есть за два дня до того, как военный суд принял решение по его делу. Яакко Ругоев в то время жил в Беломорске и работал корреспондентом в газете «Тотуус», он случайно увидел Василия Кириллова в строю заключенных, когда они возвращались с работы в тюрьму. Письмо было написано карандашом на листе белой бумаги, вырванном из тетради. Конверт был сделан собственноручно из коричневой шершавой бумаги. Адрес был написан карандашом:

«Мой дорогой друг Яакко! Наша сегодняшняя встреча, думаю, для тебя была большой неожиданностью. Хотя, возможно, ты уже слышал, что летом я попал в руки государства. Мое нынешнее положение, конечно, крайне неприятно, но думаю, что это ненадолго – жду в этом деле изменения. Яакко, дорогой! Ты не можешь себе и представить, сколько страданий мне пришлось испытать вследствие неправильного толкования фактов, которые на данный момент не выяснены – или, правильное сказать, выяснены, но с неправильной точки зрения. Дело в том, что меня обвинили в том, в чем я не виноват. Конечно, все выяснится, не раньше, так позже, тогда, когда определенные люди придут и дадут объяснения перед моими обвинителями. О прошлом скажу пару слов: 8 августа я попал под подозрение, 15 октября меня официально задержали и отправили в тюрьму, где меня допрашивали до конца декабря. Допрос продолжался в течение пяти месяцев: с августа по декабрь. В конце концов мне пришлось взять на себя вину за дело, в котором я невиновен, а именно в шпионаже со стороны врагов. Приговор еще не оглашен, дело находится в Москве на рассмотрении специальной комиссии. Скорее всего, вынесут приговор, но после того, как все выяснится, он изменится. Не знаю, смогу ли я вернуть свое прежнее положение, но ожидаю по крайней мере изменение ситуации в лучшую сторону. Но это может занять долгое время...» [7: 39–40].

В 1960 году после получения официальных документов о реабилитации Василия Кириллова Яакко Ругоев, который в это время занимал пост Председателя правления Союза писателей Карельской АССР, решил поднять вопрос

о привлечении к ответственности лиц, виновных в аресте и смерти Кириллова. Он был намерен обратиться в Карельский обком КПСС. Об этом факте рассказывается в информации старшего оперуполномоченного следственного отделения 1-го отдела КГБ при Совете Министров КАСР. Он же отмечает: «Я предложил Ругоеву написать об этом в КГБ СССР, но Ругоев остался при своем мнении»⁶⁵. Автору статьи пока не удалось найти архивные документы, которые могли бы подтвердить или опровергнуть данный факт. На мой взгляд, даже если писатель и предпринял действие по наказанию виновных в аресте Кириллова, то оно в тот период не имело бы продолжения. Ведь тогда надо было наказывать не только следователей и прокуроров, проводивших расследование в 1943 и 1944 годах и выносивших решение по делу Кириллова, но и некоторых близких и родных разведчику людей, которые под давлением следствия предоставили улики о его «преступной» деятельности.

Рис. 5. Агафья Мякеля на встрече со школьниками Калевальской средней школы

Figure 5. Agafya Mäkelä during a meeting with students of Kalevala Secondary School

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследования героической и трагической судьбы зафронтового разведчика Карельского фронта Василия Агеевича Кириллова, можно констатировать, что справедливость в конечном итоге восторжествовала. В 1960 году его дело было пересмотрено, а доброе имя – восстановлено. С 1963 года Калевальская средняя школа носит имя В. А. Кириллова. Весной 1965 года, уже после публикации документальной повести Яакко Ругоева «Двести пятьдесят шесть дней», Агафья Мякеля, Анна Маликина и Ольга Лесонен, которые помогали В. А. Кириллову в его разведывательной деятельности, были награждены грамотами Президиума Верховного Совета КАСР, а в республиканской газете «Ленинская

правда» (30 марта 1965 года) появилась безымянная заметка «Патриоты из Вокнаволока».

Но только в 2023 году, получив возможность познакомиться с рассекреченными материалами уголовного дела Василия Кириллова, мы можем осветить все перипетии героической и трагической жизни отважного разведчика и патриота своей Родины, выявить причины, по которым он был осужден в 1944 году, и показать основания, по которым он был реабилитирован в 1960 году.

Таких примеров успешной деятельности зафронтовых разведчиков Карельского фронта в тылу финских войск, как работа Василия Кириллова, было немного, учитывая жесточайший режим, установленный финской администрацией на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 годах. Но они были. И это значительно расширяет наши знания о противостоянии советских и финских спецслужб на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республики Карелия (Архив УФСБ РФ по РК). Ф. 8.2. № II – 10218. (Фонд уголовных дел) (ФУД). Л. 1–316.
- ² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 1.
- ³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 256.
- ⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 1.
- ⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 1–2.
- ⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Фонд контрразведывательного отдела (Ф. КРО). Оп. 1. Д. 94. Л. 62–63.
- ⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 94. Л. 63–64, 126.
- ⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 2–3.
- ⁹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 2–3.
- ¹⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 3.
- ¹¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 4–5.
- ¹² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 11–12.
- ¹³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 13–15.
- ¹⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 13–15.
- ¹⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 15.
- ¹⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 16.
- ¹⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 18–19.
- ¹⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 21–21 об.
- ¹⁹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 21–21 об.
- ²⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 21 об.
- ²¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 28–29 об.
- ²² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 30.
- ²³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 31.
- ²⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 32–33.
- ²⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 31–32.
- ²⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 35–36.
- ²⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 61.
- ²⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2.10. Оп. 1. Пор № 98. Л. 565–567.
- ²⁹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2.10. Оп. 1. Пор № 98. Л. 565–567.
- ³⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2.10. Оп. 1. Пор № 98. Л. 568–570.
- ³¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 172–175.
- ³² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 266–268.
- ³³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 185–187.
- ³⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 177–179.
- ³⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 65–68.
- ³⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 76.
- ³⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 42–46.
- ³⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 46.
- ³⁹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 79–80.
- ⁴⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 84.
- ⁴¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 84.
- ⁴² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 302.
- ⁴³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 132–138.
- ⁴⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 132–138.
- ⁴⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 316.
- ⁴⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 302–303.
- ⁴⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 188.

- ⁴⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 160–161, 183–185, 302–303.
⁴⁹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 156–158 об.
⁵⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 303.
⁵¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 303.
⁵² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 304.
⁵³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 304.
⁵⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 304.
⁵⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 305.
⁵⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 305.
⁵⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 165–168.
⁵⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 253–264, 306.
⁵⁹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 306.
⁶⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 280–281.
⁶¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 280–281.
⁶² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 280–281.
⁶³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 133–135, 312.
⁶⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 316.
⁶⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 252.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веригин С. Г. Противостояние: борьба советской контрразведки против финских спецслужб 1939–1944. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 279 с.
2. Веригин С. Г. Советская контрразведка против финских спецслужб (1939–1944). М.: Вече, 2018. 316 с.
3. Веригин С. Г. Василий Кириллов – зафронтовой разведчик Карельского фронта // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: Материалы VIII конференции (Петрозаводск, 15–17 сентября 2023 года) / Ред. коллегия: К. Ф. Белоусов (науч. ред.) [и др.]. Петрозаводск: ПИН: Макаров Н. А., 2023. С. 66–75.
4. Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Финская разведка // Север. 1997. № 4. С. 95–99.
5. Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. // Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013. С. 465–474.
6. Лайдинен Э. П. Радиоразведка Финляндии // Север. 2000. № 10. С. 95–106.
7. Ниёминен М. Человек и время. Эпилог // Север. 2016. № 3–4. С. 30–45.
8. Ругоев Я. В. Двести пятьдесят шесть дней // На рубеже. 1964. № 4. С. 30–61.
9. Христофоров В. С. История страны в документах архивов ФСБ России: Сб. ст. и материалов. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2013. 960 с.
10. Христофоров В. С. СССР – Финляндия: противостояние 1941–1944 гг. М.: Изд-во ИРИ РАН, 2018. 440 с.
11. Христофоров В. С. Тайное противоборство советских и финских спецслужб в 1941–1944 годах: установки, цели, результат // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7 (176). С. 48–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.229
12. Чекисты Карелии: Статьи, очерки, рассказы. Петрозаводск, 1982. 278 с.
13. Чекисты Карельского фронта в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документальные очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1988. 246 с.

Поступила в редакцию 22.12.2023; принята к публикации 29.01.2024

Original article

Sergei G. Verigin, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University, Professor, Northern Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia) (Petrozavodsk, Russian Federation)
 verigin@petrsu.ru

A LOOK AT THE HISTORY OF SOVIET COUNTERINTELLIGENCE: THE FATE OF SPY VASILY KIRILLOV

Abstract. This article provides an analysis on the life and experiences of Vasily Ageevich Kirillov, a behind-the-front-line intelligence officer stationed on the Karelian Front during World War II. The research is based on archival documents obtained from the Archive of the Directorate of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Republic of Karelia. These documents, some of which were declassified and introduced into scholarly circulation in 2023, serve as the primary sources for this study. The article discusses various forms and techniques used in Kirillov's training by the Soviet military counterintelligence, as well as his deployment behind enemy lines. A significant focus is

placed on evaluating the effectiveness of Kirillov's intelligence activities in hostile territories. The article acknowledges the challenges and intricacies faced by intelligence officers during the positional war between the USSR and Finland from 1941 to 1944. Furthermore, this research investigates the circumstances surrounding Kirillov's conviction in 1944 and subsequent exoneration in 1960. By shedding light on this historical event, the study contributes to the existing Russian historiography concerning the domestic intelligence services during the Great Patriotic War.

Keywords: Vasily Kirillov, front-line intelligence officer, Soviet counterintelligence, Finnish intelligence, Great Patriotic War, Karelian Front

For citation: Verigin, S. G. A look at the history of Soviet counterintelligence: the fate of spy Vasily Kirillov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):64–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1009

REFERENCES

1. Verigin, S. G. Confrontation: the struggle of the Soviet counterintelligence against the Finnish intelligence services in 1939–1944. Petrozavodsk, 2018. 279 p. (In Russ.)
2. Verigin, S. G. Soviet counterintelligence vs. Finnish intelligence services (1939–1944). Moscow, 2018. 316 p. (In Russ.)
3. Verigin, S. G. Vasily Kirillov, a behind-the-front-line intelligence officer of the Karelian Front. *Historical Readings on Andropova Street, 5. History of security agencies: Proceedings of the VIII conference (Petrozavodsk, 15–17 September 2023)*. (K. F. Belousov et al., Eds.). Petrozavodsk, 2023. P. 66–75. (In Russ.)
4. Verigin, S. G., Laidinen, E. P. Finnish intelligence. *Sever*. 1997;4:95–99. (In Russ.)
5. Laidinen, E. P., Verigin, S. G. Human intelligence of the armies of Nazi Germany and Finland in the North-West of the Soviet Union in 1941–1944. *Baryshnikov, N. I., Laidinen, E. P. Selected writings. The history of Soviet-Finnish relations*. St. Petersburg, 2013. P. 465–474. (In Russ.)
6. Laidinen, E. P. Radio intelligence of Finland. *Sever*. 2000;10:95–106. (In Russ.)
7. Nieminen, M. Man and time. Epilogue. *Sever*. 2016;3–4:30–45. (In Russ.)
8. Rugojev, J. V. Two hundred fifty-six days. *Na rubezhe*. 1964;4:30–61. (In Russ.)
9. Khristoforov, V. S. National history in the documents from the archives of Russia's Federal Security Service: Collection of articles and materials. Moscow, 2013. 960 p. (In Russ.)
10. Khristoforov, V. S. USSR – Finland: confrontation in 1941–1944. Moscow, 2018. 440 p. (In Russ.)
11. Khristoforov, V. S. Secret confrontation between Soviet and Finnish special services from 1941 to 1944: attitudes, objectives, results. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018;7(176):48–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.229 (In Russ.)
12. Chekists of Karelia: Articles, essays, stories. Petrozavodsk, 1982. 278 p. (In Russ.)
13. Chekists of the Karelian Front in the Great Patriotic War of 1941–1945: documentary essays and memories. Petrozavodsk, 1988. 246 p. (In Russ.)

Received: 22 December 2023; accepted: 29 January 2024

ОКСАНА ЮРЬЕВНА РЕПУХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
repukhova@yandex.ru

ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ СИГАЕВ

магистрант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
sigldima@mail.ru

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОЙ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ КАРЕЛИИ В 1930–1942 ГОДАХ

А н н о т а ц и я . Исторический опыт эффективной организации местной противовоздушной обороны гражданского населения остается востребованным в современных условиях. Между тем истории противовоздушной обороны в приграничной Карелии посвящено незначительное число работ. Цель представленного исследования состоит в анализе роли органов государственной безопасности в организации противовоздушной обороны в Карелии в предвоенные и первые годы Великой Отечественной войны. На основе комплекса документов центральных и региональных архивов Российской Федерации показана динамика развития местной противовоздушной обороны на территории приграничной республики и влияние на ее становление органов государственной безопасности. Сделаны выводы о том, что опыт первой апробации системы местной противовоздушной обороны в ходе Советско-финляндской войны, медленное развитие системы и нарастание угрозы войны способствовали передаче ее из негласного в непосредственное подчинение органов государственной безопасности. Под руководством НКВД в течение 1940 – начала 1941 года сеть противовоздушной обороны в Карелии выросла, но обучение практическим навыкам ее формирования оставалось недостаточным. Несмотря на это, с началом Великой Отечественной войны формирования местной противовоздушной обороны приняли участие в обороне страны. В дальнейшем органы государственной безопасности руководили передислокацией системы местной противовоздушной обороны в Карелии, ее реорганизацией и адаптацией в условиях войны.

Ключевые слова: местная противовоздушная оборона, органы государственной безопасности, НКВД, мобилизационная подготовка в СССР, Карелия

Для цитирования: Репухова О. Ю., Сигаев Д. В. Органы государственной безопасности в организации местной противовоздушной обороны Карелии в 1930–1942 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 81–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1010

ВВЕДЕНИЕ

В связи с нарастающими угрозами современности и необходимостью обеспечения безопасности приграничного форпоста страны возросла актуальность изучения истории становления и развития систем противовоздушной обороны населения. Российская Федерация имеет огромный опыт проведения мероприятий по противовоздушной обороне, который требует дальнейшего осмысления.

На данный момент историография местной противовоздушной обороны (МПВО) на терри-

тории Карелии только складывается. В последнее десятилетие были предприняты попытки проанализировать динамику МПВО в контексте мобилизационной подготовки территории Карелии в межвоенный период [7], [8]. Д. Р. Лазарев рассмотрел создание системы МПВО в Карелии в 1930-е годы¹. В сопряжении с другими предметами исследования вопросы состояния МПВО в Карелии затрагивали в своих работах Н. Н. Власова [2], И. Ю. Герасев [3], И. В. Жигалова и А. В. Еремкин [5]. Комплексное

исследование истории развития МПВО в динамике 1930–1970-х годов предпринимается только в последние годы [9]. Существует определенная нехватка работ по истории развития МПВО в регионах, в основном исследователи рассматривают более обширные темы [1], [4], [6].

Основную источниковую базу в представленной работе составил корпус неопубликованных документов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Национального архива Республики Карелия (НА РК), Российского государственного военного архива (РГВА), некоторые из них впервые вводятся в научный оборот.

* * *

Защита гражданского населения от нападения противника является важной задачей государства. В XX веке реализация данной задачи осложнилась в результате появления новой военной техники – самолетов. Уже в годы Первой мировой войны немецкая авиация активно бомбила мирные города. Осенью 1914 года Германия совершила налет на Варшаву. В ходе бомбардировок погибло множество мирных граждан [1: 148].

Потенциальная угроза бомбардировки приграничных территорий и важных стратегических объектов страны стимулировала внимание советского военно-политического руководства к вопросам развития местной противовоздушной обороны и включение их в перечень мероприятий общегосударственной мобилизационной подготовки в межвоенный период.

В 1932 году началось создание системы МПВО в СССР. В ее основные задачи входило: предупреждение граждан о воздушной атаке противника и миновании угрозы; укрытие населения и обеспечение его безопасности; организация защиты и бесперебойной работы государственных, общественных зданий, промышленных объектов и транспорта; ликвидация воздушного налета авиации противника². Непосредственное создание МПВО в эти годы проходило под руководством Народного комиссариата обороны (НКО) СССР. Органы государственной безопасности, будучи включенными в состав руководящих структур мобилизационной подготовки [7: 54], негласно контролировали значительное число задач по реализации мобилизационных мероприятий, в том числе и МПВО [8: 6]. Финансирование подготовки МПВО согласно Положению о противовоздушной обороне территории СССР, принятому в сентябре 1932 года, было возложено на региональные бюджеты.

В условиях нарастающих внешнеполитических угроз во второй половине 1930-х годов в СССР была проведена реорганизация общегосударственной мобилизационной работы, в ходе которой в 1937 году с «целью укрепления и активизации работы по подготовке к противовоздушной обороне... в наиболее угрожаемых по воздушному нападению зонах» в составе штатов НКВД были введены сотрудники по противовоздушной обороне³. Вопросы разработки планов МПВО в угрожаемых зонах были поручены Управлению пограничной и внутренней охраны НКВД⁴.

В 1939 году, обосновывая необходимость обратить внимание на состояние МПВО на приграничных территориях, народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов докладывал XVIII съезду ВКП(б), что оно оставляет желать лучшего:

«Я не касаюсь вопросов так называемой пассивной (само слово чего стоит!)⁵ противовоздушной обороны, или лучше и правильнее сказать, местной, гражданской ПВО, хотя этот вопрос и заслуживает того, чтобы о нем было сказано все, что сказать следует. Ограничусь лишь, что дело обстоит в этой части, к сожалению, плохо и не столько по вине нашей (военных), сколько по вине местных работников. Этим делом нужно заняться вплотную и без проволочек» [4: 28].

События Советско-финляндской войны подвергли первой проверке усилия по созданию МПВО в приграничной Карелии. В республике к городам, входящим в угрожаемую зону воздушного нападения, относились Кандалакша, Кемь, Медвежья Гора (города, расположенные в полосе отвода железной дороги), Олонек и все районные центры⁶. Финляндская авиация бомбила населенные пункты Советской Карелии. Уже 9 января 1940 года финляндские самолеты сбросили больше десятка бомб на село Вохтозеро (Кондопожский район)⁷. От разрывов фугасных бомб в большинстве домов вылетели стекла, лопались печи, имелись повреждения зданий осколками. В том же месяце финляндская авиация совершила налеты на деревни Кутчезеро, Колатсельга, Палалахта, Юргелицы, Сари-горы, Кибри-Наволок и Кинерма⁸. К февралю 1940 года в КАССР штаб руководства МПВО был сформирован в г. Петрозаводске. Кроме того, были созданы штабы МПВО на крупных промышленных объектах: Петрозаводской лыжной фабрике, Кондопожском бумкомбинате, Сегежстрое, Беломорском, Кемском и Соломенском лесозаводах. Штабы развернули работу по организации и обучению групп самозащиты МПВО из мест-

ного населения, но они были плохо оснащены из-за дефицита оборудования для обеспечения противовоздушной обороны⁹. Советско-финляндская война показала, что развитие МПВО в приграничной Карелии оставалось на низком уровне.

Уже в ходе Советско-финляндской войны военно-политическое руководство страны приняло решение о передаче управления работой МПВО от НКО в ведение Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР. У НКВД, аккумулировавшего в своих руках множество ведомств и их структуру, созданную к этому времени на местах, было больше возможностей использовать организационные ресурсы для активизации работы по развитию МПВО. 25 ноября 1940 года во исполнение приказа НКВД № 001481 был осуществлен прием органов и частей МПВО в состав НКВД КФСР¹⁰.

На НКВД было возложено руководство всей системой МПВО в отношении ее формирования, боевой подготовки и боевого применения всех сил и средств, постановки оперативных задач по МПВО союзным республикам и гражданским Народным комиссариатам¹¹. На уровне союзных республик деятельность НКВД по местной противовоздушной обороне осуществлялась НКВД республик, который действовал через управления (отделы, отделения и инспекции) МПВО НКВД¹². Районные инспекции МПВО НКВД республики с мая 1941 года должны были решать задачи по разработке планов организации МПВО в районе, осуществлять руководство, инспектирование боевой готовности, руководство приведением в оборонительное состояние городов и объектов МПВО всех ведомств, контроль и наблюдение за использованием отпускаемых на МПВО денежных средств из материальных фондов, осуществлять контроль за ходом специального строительства, состоянием законченных объектов и их эксплуатацией в мирное время, контроль за приведением в боевую готовность всей системы МПВО города при ее развертывании, учет наличия материальных средств и определение потребностей во всех видах специального прочего имущества МПВО, инспектирование и инструктирование органов МПВО, объектов и общественных организаций¹³. Таким образом, в 1940 году была сформирована вертикаль управления МПВО: от общесоюзного уров-

ня до уровня союзных республик и районов в их составе. Организация и контроль деятельности МПВО были переданы из военного ведомства (НКО) в ведение органов государственной безопасности (НКВД). Тем самым продолжился процесс развития общегосударственной системы мобилизационной подготовки, начавшийся в 1920-е годы, а органы государственной безопасности вместо негласного контроля МПВО теперь полностью отвечали за ее эффективность.

За короткий межвоенный период после окончания Советско-финляндской войны усилиями НКВД удалось расширить сеть противовоздушной обороны в республике, но в условиях дефицита специалистов и времени не удалось обучить практическим навыкам команды МПВО и местное население. 26 февраля 1941 года вышло постановление об организации МПВО на территории Карело-Финской ССР¹⁴. Согласно постановлению, на территориях, отошедших Советскому Союзу по результатам Советско-финляндской войны, проводились работы по формированию системы МПВО. Город Выборг (Виипури) был определен пунктом МПВО 1-й категории, города Сортавала, Кякисалми и Энсо были отнесены к угрожаемой зоне¹⁵. К 17 мая 1941 года в Сортавале, Кякисалми, Беломорске, Кондопоге были организованы штабы МПВО, назначены начальники служб¹⁶. В Петрозаводске команды МПВО были укомплектованы на 110 %. Но подготовка формирований оставалась низкой¹⁷. Население городов не было обучено правилам поведения во время воздушной бомбардировки противником, также плохо велись мероприятия по противопожарной защите¹⁸. В Выборге, Медвежьегорске и Кеми работы по МПВО так и не были начаты. В целом организация МПВО в республике проходила медленно.

Несмотря на все трудности в организации МПВО в предвоенный период, в годы Великой Отечественной войны силы НКВД с честью исполнили возложенные на них обязанности. В трудные сентябрьские дни обороны Петрозаводска нарком внутренних дел КФСР М. И. Баскаков издал указ о формировании из личного состава МПВО стрелковой роты [3: 141]. Стрелковая рота совместно с отрядом НКВД и воинами истребительного батальона держала оборону города на северных подступах [9: 27]. Бойцы роты МПВО были плохо обучены и слабо вооружены, но смогли оказать достой-

ное сопротивление противнику и не позволили ему перерезать путь к Медвежьегорску, по которому отступала 313-я стрелковая дивизия [9: 28]. В конце сентября, когда стало ясно, что город будет трудно удержать, М. И. Баскаков издал указ об эвакуации штаба МПВО города в Медвежьегорск, а 5 ноября – в Беломорск [6: 159]. В конце 1942 года в соответствии с приказом НКВД ССР № 00901 часть имеющихся убежищ в Сегеже приспособили под газоубежища¹⁹. В Беломорске личный состав штаба МПВО ежедневно проходил трехчасовую спецподготовку по программе ГУ МПВО НКВД СССР²⁰, а группы самозащиты в Пудожском районе обучались по программе Осоавиахима, утвержденной НКВД²¹.

НКВД осуществлял многочисленные проверки и инспекции инфраструктуры противовоздушной обороны на территории республики. Так, в период с 5 по 7 августа 1942 года начальником МПВО НКВД капитаном Мельниковым была проведена проверка готовности штаба МПВО Сегежи и Медвежьегорского района, куда на тот момент входил город, к противовоздушной и противохимической обороне (ПВХО). Проверка установила, что штаб МПВО Медвежьегорского района в лице начальника штаба Упорова и начальника МПВО района председателя райисполкома Смирнова подготовлен удовлетворительно²². При штабе МПВО не имелось оперативного плана действий, несмотря на то, что по данному вопросу уже были даны исчерпывающие указания; в некоторых жилых домах на чердачных перекрытиях, а также у самих домов отсутствовали вода и лестницы, подготовка групп самозащиты происходила только в теории, а не на практике²³. В связи с этим сотрудник местной противовоздушной обороны НКВД предложил в пятидневный срок составить оперативный план Штаба МПВО, экземпляр которого должны были выслать в отделение МПВО НКВД КФССР; приспособить одно бомбоубежище под газоубежище; вновь построить щели полевого типа для местного населения; развернуть учебу местного населения по нормам ПВХО, обратив особое внимание на практические занятия с группами самозащиты; в самый короткий срок произвести укомплектование служб формирования штаба МПВО²⁴. Начальник штаба МПВО Медвежьегорского района Упоров должен был представить докладную записку о проделанной работе в Отделение МПВО НКВД КФССР не позд-

нее 31 августа 1942 года²⁵. Благодаря действиям НКВД на местах в системе МПВО не только быстро выявлялись недостатки, которые могли в будущем принести множество проблем для мирного населения, но и контролировалось исполнение обязанностей штабов в разных регионах республики.

Настойчивые усилия НКВД привели к тому, что если на 17 мая 1941 года в Беломорске был организован только штаб и назначены начальники служб МПВО²⁶, то к 30 декабря 1942 года в городе было построено 57 щелей полевого типа вместимостью 2825 человек и 2 командных пункта второй категории²⁷. Если в Кеми до войны работы по линии МПВО вообще не проводили²⁸, то к концу 1942 года здесь был организован командный пункт, созданы команды МПВО, построены укрытия, способные защищать местное население от осколков и взрывной волны авиабомб²⁹. На конец 1942 года в КФССР было построено 6 командных пунктов и 246 укрытий на 10 260 человек³⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историографическая традиция изучения истории МПВО на территории Карелии только складывается. С момента своего создания местная противовоздушная оборона находилась в подчинении Наркомата обороны СССР, а вопросы разработки планов МПВО в угрожаемых по воздушному нападению зонах контролировали органы государственной безопасности. Первая апробация подготовки МПВО в приграничье в ходе Советско-финляндской войны привела военно-политическое руководство страны к решению о передаче управления работой МПВО от НКО в ведение НКВД СССР. Решение руководства было верным, так как НКВД к этому времени сосредоточил в своих руках множество ресурсов и инструментов на местах, привлечение которых позволило ускорить развитие системы. В течение короткого межвоенного периода (1940 – начало 1941 года) сеть местной противовоздушной обороны в республике была расширена, но не удалось обучить практическим навыкам команды МПВО и местное население. С началом Великой Отечественной войны формирования МПВО под руководством НКВД приняли непосредственное участие в обороне страны. НКВД руководил передислокацией системы МПВО в Карелии, ее реорганизацией и адаптацией в условиях войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лазарев Д. Р. МПВО в Карелии в предвоенное десятилетие и начальный период Великой Отечественной войны: Выпускная квалификационная работа студента V курса очного отделения: 07.00.02 – Отечественная история. Петрозаводск, 2017. 61 с.
- ² РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 337. Л. 4.
- ³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 А. Д. 14. Л. 135.
- ⁴ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 А. Д. 14. Л. 88.
- ⁵ Сочетание «пассивная ПВО» в конце 1932 года было заменено на «местная ПВО».
- ⁶ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 3/29. Л. 58.
- ⁷ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 214. Л. 53.
- ⁸ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 214. Л. 55.
- ⁹ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 208. Л. 58–59.
- ¹⁰ НА РК. Ф. Р-2930. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 1.
- ¹¹ РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 337. Л. 7.
- ¹² Там же.
- ¹³ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 484. Л. 23.
- ¹⁴ Лазарев Д. Р. МПВО в Карелии в предвоенное десятилетие... С. 22.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ НА РК. Ф. Р-2930. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 8.
- ¹⁷ НА РК. Ф. Р-2930. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 9.
- ¹⁸ НА РК. Ф. Р-2930. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 6.
- ¹⁹ НА РК. Ф. П-2930. Оп. 1. Д. 1/14. Л. 294.
- ²⁰ НА РК. Ф. П-2930. Оп. 1. Д. 1/14. Л. 293 (об).
- ²¹ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 756. Л. 55.
- ²² НА РК. Ф. П-2930. Оп. 1. Д. 1/13. Л. 92.
- ²³ НА РК. Ф. П-2930. Оп. 1. Д. 1/13. Л. 92.
- ²⁴ НА РК. Ф. П-2930. Оп. 1. Д. 1/13. Л. 92–92 (об).
- ²⁵ НА РК. Ф. П-2930. Оп. 1. Д. 1/13. Л. 92 (об).
- ²⁶ НА РК. Ф. Р-2930. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 8.
- ²⁷ НА РК. Ф. П-2930. Оп. 1. Д. 1/14. Л. 293 (об).
- ²⁸ НА РК. Ф. Р-2930. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 8.
- ²⁹ НА РК. Ф. П-2930. Оп. 1. Д. 1/14. Л. 293 (об).
- ³⁰ НА РК. Ф. П-2930. Оп. 1. Д. 1/14. Л. 294.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарян А. О. 1914 год. Новые методы ведения войны: мирное население как объект военных действий // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне: Доклады и выступления участников III Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2015. Т. 4. С. 144–152.
2. Власова Н. Н. Участие бойцов истребительных батальонов и подразделений МПВО в обороне Петрозаводска // Петрозаводск – город воинской славы: Сб. статей и материалов I науч.-практ. семинара, посвящ. 75-летию героической обороны Петрозаводска. Петрозаводск, 2016. С. 29–32.
3. Герасев И. Ю. Петрозаводск. Сентябрь 1941 года. Петрозаводск, 2023. 192 с.
4. Гукоев А. А. Организационно-правовые основы деятельности местной противовоздушной обороны НКВД – МВД СССР (1932–1960 гг.): историко-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 191 с.
5. Жигалова И. В., Еремкин А. В. История образования, реорганизация и взаимодействия системы МПВО в период его вхождения в состав НКВД – МВД КФССР – КАССР // Материалы II Межрегиональной науч.-практ. конф., посвященной 85-летию образования Министерства внутренних дел по Республике Карелия (4–5 сентября 2008 года). Петрозаводск, 2008. С. 83–89.
6. От МПВО к гражданской защите. Страницы из истории МПВО-ГО-РСЧС субъектов Российской Федерации. М., 2004. 352 с.
7. Репухова О. Ю. Поиск оптимальной структуры управления общегосударственной «военизацией» в СССР в 1920-х гг. // Исторические чтения на Лубянке. Органы государственной безопасности России в годы реорганизаций и реформ в XIX–XXI веках: Материалы XXIV междунар. науч. конф. М., 2020. С. 51–60.
8. Репухова О. Ю. Военно-гражданская мобилизационная подготовка в Карелии в 1920–1930-х годах: Научное электронное издание. Петрозаводск, 2016. 87 с.
9. Сигаев Д. В. Рота МПВО в обороне г. Петрозаводска в годы Великой Отечественной войны // StudArctic forum. 2023. Т. 8, № 2. С. 26–29.

Поступила в редакцию 26.12.2023; принята к публикации 29.01.2024

Original article

Oksana Yu. Repukhova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 repukhova@yandex.ru

Dmitry V. Sigaev, Master's Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 sigldima@mail.ru

STATE SECURITY BODIES IN THE ORGANIZATION OF LOCAL AIR DEFENSE IN KARELIA DURING 1930–1942

Abstract. The contemporary landscape underscores the continued relevance of studying the historical experience in effectively organizing local air defense for the civilian population. However, there is a lack of literature dedicated to the history of air defense in border Karelia. The aim of the study is to analyze the role of state security bodies in establishing air defense in Karelia before and during the early years of the Great Patriotic War. Using documents from central and regional archives of the Russian Federation, the study examines the development of local air defense in the border Republic's territory and the influence of state security bodies on its formation. The study concludes that the experience gained from the initial testing of the local air defense system during the Russo-Finnish war, combined with the slow development of the system and the increasing threat of war, led to its transfer from implicit to explicit subordination under the state security bodies. The People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) played a crucial role in expanding the air defense network in Karelia from 1940 to early 1941, despite insufficient training of its formations in practical skills. Nevertheless, when the Great Patriotic War began, the local air defense formations actively participated in defending the country. Moving forward, the state security agencies supervised the relocation, reorganization, and adaptation of the local air defense system in Karelia to the conditions of war.

Key words: local air defense, state security agencies, People's Commissariat for Internal Affairs, NKVD, mobilization preparation in the USSR, Karelia

For citation: Repukhova, O. Yu., Sigaev, D. V. State security bodies in the organization of local air defense in Karelia during 1930–1942. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):81–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1010

REFERENCES

1. Bagdasaryan, A. O. 1914. New methods of warfare: civilians as an object of military action. *World War I: A look a century later: Proceedings of the annual international research and practical conference*. Moscow, 2015. Vol. 4. P. 144–152. (In Russ.)
2. Vlasova, N. N. Involvement of fighter battalions and MPVO units in defending Petrozavodsk. *Petrozavodsk – the city of military glory: Proceedings of the 1st research and practical seminar dedicated to the 75th anniversary of the heroic defense of Petrozavodsk*. Petrozavodsk, 2016. P. 29–32. (In Russ.)
3. Gerasev, I. Yu. Petrozavodsk. September of 1941. Petrozavodsk, 2023. 192 p. (In Russ.)
4. Gukov, A. A. Organizational and legal foundations of local air defense activities: a historical and legal perspective on the NKVD – MVD of the USSR (1932–1960): Diss. Cand. Sc. (Law). Moscow, 2006. 191 p. (In Russ.)
5. Zhigalova, I. V., Eremin, A. V. History of formation, reorganization, and interaction of the MPVO system during the period of its entry into the NKVD – MVD of the KFSSR – KASSR. *Proceedings of the II inter-regional research and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the formation of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Karelia (4–5 September 2008)*. Petrozavodsk, 2008. P. 83–89. (In Russ.)
6. From MPVO to civil protection. Pages from the history of MPVO-GO-RSChS of the constituent entities of the Russian Federation. Moscow, 2004. 352 p. (In Russ.)
7. Repukhova, O. Yu. The search for an optimal structure for managing national “militarization” in the USSR during the 1920s. *Lubyanka Historical Readings. State security bodies of Russia during the years of reorganizations and reforms in XXVI international research conference*. Moscow, 2020. P. 51–60. (In Russ.)
8. Repukhova, O. Yu. Military and civilian mobilization training in Karelia during the 1920–1930s. Petrozavodsk, 2016. 87 p. (In Russ.)
9. Sigaev, D. V. Company of local air defense in the defense of Petrozavodsk during the Great Patriotic War. *StudArctic forum*. 2023;8(2):26–29. (In Russ.)

Received: 26 December 2023; accepted: 29 January 2024

ВЯЧЕСЛАВ ОЛЕГОВИЧ ТЕРЕНТЬЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, политологии и социологии
Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2567-5560; terehv@mail.ru

Артиллерия Южной группы генерала В. Д. Цветаева при обороне Олонца

А н н о т а ц и я . На основе российских и финляндских архивных документов, большинство из которых введены в научный оборот впервые, проанализировано противоборство советской и финской артиллерии на Олонецком направлении летом 1941 года. В результате анализа малоизвестных в современной историографии событий выявлена основная роль артиллерии в обороне Олонца, раскрыта динамика насыщения и маневрирования артиллерийских группировок противоборствующих сторон. Существенное превосходство VI армейского корпуса Финляндии в артиллерии и танках над Южной группой 7-й армии РККА генерал-лейтенанта В. Д. Цветаева было практически нивелировано прибытием на фронт неполного артиллерийского полка 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения. Старые, изношенные орудия с ограниченным боезапасом обслуживались непрофессиональными расчетами из ополченцев, но тем не менее смогли успешно противостоять многократно превосходящей артиллерийской группировке. Их действия позволили морякам, мотострелкам и добровольцам РККА 42 дня сдерживать финские войска в Восточном Приладожье. Однако советское командование недооценило роль артиллерии на Олонецком направлении и усиления артиллерийской группировки не произвело. В результате финны при подавляющем превосходстве артиллерии 4 сентября 1941 года прорвали оборону Красной армии и вышли к реке Свирь, создав угрозу второго кольца блокады Ленинграда. Проведенное исследование позволило дополнить известный перечень причин поражения Красной армии на Олонецком направлении.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Вторая мировая война, СССР, Финляндия, Советско-финляндская война, Олонец, 7-я армия, артиллерия, 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения

Д л я ц и т и р о в а н и я : Терентьев В. О. Артиллерия Южной группы генерала В. Д. Цветаева при обороне Олонца // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 87–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1011

ВВЕДЕНИЕ

Роль артиллерии в современной войне крайне велика. Ее недооценка на уровне управлений любого уровня приводит к катастрофическим последствиям [8], [9]. Оборона Олонца Красной армией в 1941 году – сравнительно малоизвестное событие в истории Второй мировой войны. Оно довольно поверхностно показано в фундаментальных, специальных и научно-популярных трудах. Тем не менее олонецкие события важны уже тем, что в конце июля на участке Погранкондуши – Тулокса финские войска на 25 километров углубились за старую советскую границу 1939 года, а это опровергает тезис ревизионистов об отсутствии агрессивных замыслов «миролюбивой» Финляндии. Попытки соединений VI финского корпуса продвинуться

далее – на Олонец – на 42 дня были задержаны Южной группой генерал-лейтенанта В. Д. Цветаева из состава 7-й армии РККА. Пример артиллерии Южной группы хорошо иллюстрирует роль и значение артиллерии в оборонительных операциях начального этапа Великой Отечественной войны. Исследование событий лета 1941 года проведено на базе архивных документов – справок, сообщений, журналов боевых действий частей и соединений РККА из Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), а также финских войск из Национального архива Финляндии (Kansallisarkisto).

Оборона Олонца началась с выходом финских войск на старую границу 20 июля 1941 года.

По личному указанию маршала К. Е. Ворошилова на восточном берегу Ладожского озера из разрозненных отходящих частей РККА была создана Южная оперативная группа 7-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. Д. Цветаева¹ [2]. Опергруппа была сформирована в составе прибывающей из Ленинграда 3-й бригады моряков (МБР), переброшенного с Лужского рубежа 7-го мотоциклетного полка 10-го мехкорпуса, истребительного отряда Н. А. Алмазова (прибыл из Ленинграда для проведения партизанской войны в тылу наступающих финских войск) и ведущего постоянные бои 452-го мотострелкового полка (из состава 198-й моторизованной дивизии)². В опергруппу Цветаева поступил дополнительно бронедивизион из бронегрузовиков Ижорского завода³. В качестве артподдержки был выделен 47-й отдельный минометный батальон, который недоукомплектованным, без боеприпасов и автотранспорта 19 июля прибыл в Лодейное Поле. Из артиллерии в группе оказалась лишь батарея 704-го гаубичного артполка, приданная 452-му полку из 6 152-мм гаубиц обр. 1909/30.

Из всех частей на боевых позициях находилась только 452-й мотострелковый полк, ведущий упорные бои под Салми. Пользуясь численным превосходством и мобильностью, моторизованная опергруппа финского полковника Э. Р. Лагуса (1-я егерская бригада, 44-й пехотный полк (на грузовиках), бронеполк (около 100 трофейных танков, в основном Т-26), три моторизованных артдивизиона (36 орудий)), встретив сопротивление, обходила его и наносила удар с фланга и тыла, заставляя мотострелков с боями отходить на юг. Направленная на помощь 452-му полку МБР формировалась и прибывала из Ленинграда отдельными отрядами, которые по пути следования вступали в бой. Артиллерии в бригаде не было⁴ [1]. Реально сформировать опергруппу генерал-лейтенанту Цветаеву удалось лишь к 22 июля.

23 июля опергруппа Цветаева перешла в наступление с целью уничтожения противника и деблокады окруженного в Погранкондушах 452-го полка [5: 97–98]. Опергруппа Лагуса была усилена значительным количеством артиллерии, буксируемой на тягачах и автомобилях. Она включала в себя 3-й дивизион 3-го смешанного артполка (3/3-го АП), 2-й и 3-й тяжелые (ТАДН), 11-й легкий артдивизионы (ЛАДН), общими силами 16 150–155-мм, 11 105-мм, 20 76-мм орудий⁵. При столкновении с противником наступление 7-го мотоциклетного полка

на Большие Горы было остановлено огнем тяжелой артиллерии и минометов, а затем под огнем финских орудий полк стал беспорядочно отходить на Видлицу. Продвижение противника на этом направлении было остановлено истребительным батальоном Алмазова. Используя абсолютное превосходство в артиллерии, финны атаковали и отряд Алмазова. Вновь мощный огонь тяжелой артиллерии противника способствовал успеху финских войск. На помощь бойцам Алмазова была брошена МБР, контратаковавшая финские части у ст. Тюккула. Введя новые силы и подтянув дополнительную артиллерию из состава 5-й пехотной дивизии (ПД), финны смогли остановить и отбросить моряков. Генерал Цветаев приказал всем подчиненным частям отходить на южный берег р. Видлица⁶. В этот день поражение частей РККА было достигнуто практически артиллерией, за счет ее абсолютного превосходства. 24 июля при прорыве из Погранкондушей в полном составе, не имея средств передвижения, погиб 47-й отдельный минометный батальон⁷.

Однако занять оборонительные позиции частям РККА на Видлице не удалось: группа Лагуса при поддержке артиллерии в течение ночи атаковала войска Цветаева, форсировала реку и отбросила мотоциклетный полк, занимавший позиции на правом фланге группы. Беспорядочный отход привел к угрозе окружения моряков и мотострелков, в связи с чем части опергруппы были в течение дня 24 июля отведены на рубеж р. Тулокса⁸.

26 июля в состав опергруппы была включена срочно прибывшая из Ленинграда 3-я дивизия народного ополчения (ЛДНО). В составе дивизии был 3-й артиллерийский полк (АП), сыгравший в боях на Олонецком направлении главную роль.

Трехдивизионный артполк был сформирован в 3-й ЛДНО 12 июля 1941 года. Из 1239 человек только 400 были вооружены. Полк практически с первых дней был распределен по подразделениям. К моменту боевых действий 1-й дивизион был вооружен 8 76-мм дивизионными пушками обр. 1902, 2-й дивизион имел 10 122-мм корпусных пушек А-19 обр. 1931 и 1931/1937. Они прибыли в основном с Ржевского научно-исследовательского опытного полигона и имели ограниченный остаточный моторесурс. В 3-м дивизионе состояло 6 76-мм горных пушек обр. 1909. В полку осталось 15 тракторов «Сталинец-60», предназначенных для пушек А-19, остальные орудия были на гужевой тяге [3]. Командиром полка был на-

значен участник Гражданской войны, военный преподаватель 2-го Ленинградского мединститута капитан Г. С. Конюшкин, полковым комиссаром – директор ремесленного училища № 26 И. А. Завьялов (рис. 1, 2).

Рис. 1. Командир полка капитан Г. С. Конюшкин.
Фото 1944 года из коллекции автора

Figure 1. Captain G. S. Konyushkin, the regimental commander
(photo dated 1944 from the author's private archive)

Рис. 2. Полковой комиссар И. А. Завьялов.
Фото из коллекции автора

Figure 2. I. A. Zavyalov, the regimental commissar
(photo from the author's private archive)

Вечером 28 июля штаб и два дивизиона артполка убыли в распоряжение Цветаева и в дальнейшем воевали отдельно от 3-й ЛДНО. Решение Цветаева по артиллерии было обусловлено отсутствием тяжелых орудий в Олонецкой группе. 2-й дивизион встал на основную позицию в районе барачков севернее Нурмойлы. 3-й дивизион – в районе высоты 18,3 в 3 километрах севернее 2-го. 1-й дивизион остался в 3-й ЛДНО для наступления на Сяндебу. Дополнительно под управление 3-го АП была передана батарея 704-го АП. Полк поддерживал огнем Олонецкую сводную дивизию – так с 24 августа стали именовать части Южной опергруппы без 3-й ЛДНО.

Против группы Цветаева, в которой появился артполк из 22 стволов (6 152-мм, 10 122-мм, 6 76-мм), финны в группу Лагуса подтянули мощную артгруппировку общими силами 20 150–155-мм гаубиц, 8 120-мм и 20 76-мм пушек. Дополнительно на побережье в качестве берегового был развернут 3-й ТАДН (11 105-мм пушек)⁹. Половина всех орудий были более мощные, современные и мобильные, чем советские артсистемы. Тем не менее прибытие артполка народного ополчения коренным образом изменило ситуацию на фронте. Еще 28–29 июля МБР, находясь на оборонительных позициях по Тулоксе, несла большие потери от огня финской тяжелой артиллерии¹⁰. Но уже 29 июля 3-й артполк в районе устья Тулоксы открыл ответный огонь, а 31 июля произвел внезапный огневой налет по расположению противника, завершив период господства финской артиллерии на поле боя. Передовые подразделения группы Лагуса понесли потери и перешли к обороне¹¹. Финская артиллерия снизила интенсивность огня в три раза¹². Для борьбы с советскими пушками в группу Лагуса были направлены сначала взвод, затем батарея, а вскоре весь 3-й ТАДН¹³ (рис. 3).

Контрбатареинная борьба и артурдары по скоплениям финских войск привели к стабилизации линии фронта на 42 дня. Командование VI финского корпуса было вынуждено искать возможность обхода группы Цветаева. 5-я ПД была направлена на Сяндебское направление, где столкнулась с 3-й ЛДНО. Попытка финских войск обойти Сяндебу вынудила Цветаева перебросить на Сармяги и Торосозеро по одному батальону от моряков и ополченцев. Так в августе, благодаря появившемуся у Цветаева артполку, несмотря на значительное превосходство финнов в артиллерии и бронетехнике, на Олонцеком направлении сформировался активный, но устойчивый фронт.

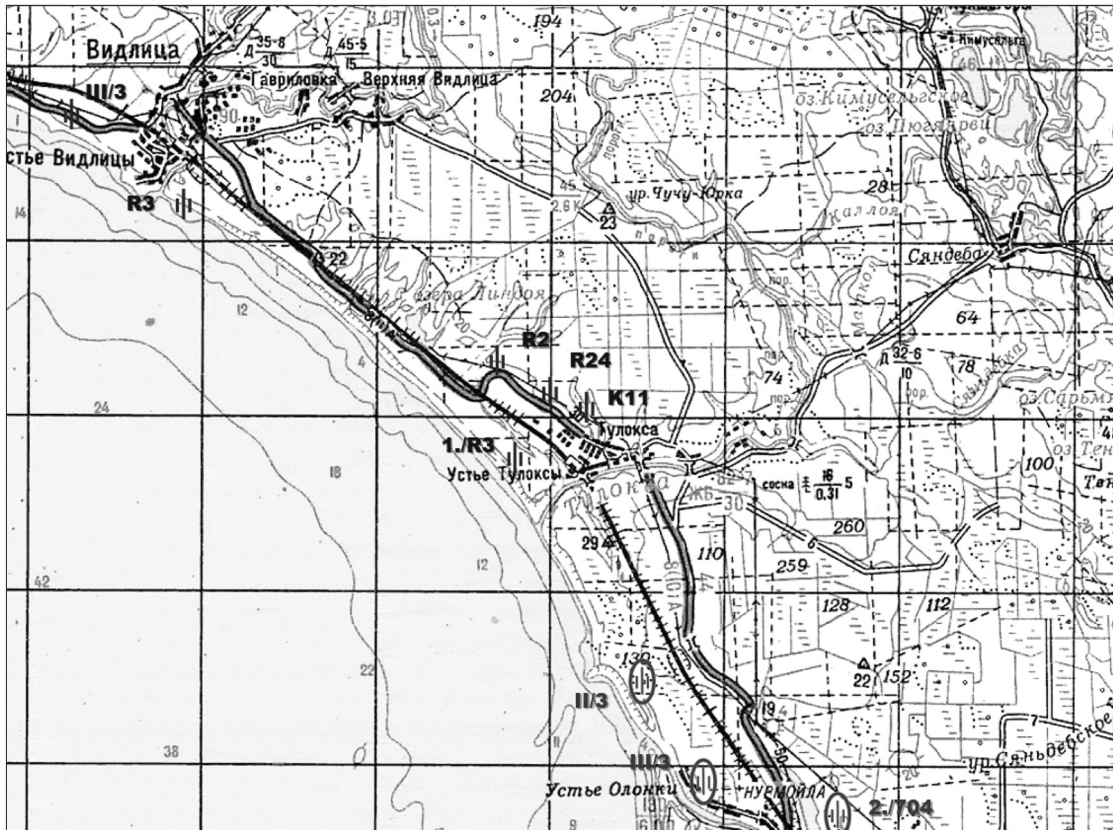

Рис. 3. Советская и финская артиллерийские группировки на 31 июля 1941 года
Figure 3. The positions of the Soviet and Finnish artillery groups as of 31 July 1941

Главной проблемой артиллерии группы Цветаева была нехватка боеприпасов. Из-за этого бездарно погиб минометный батальон. В 3-м артполку весь боезапас насчитывал 500 122-мм снарядов. В ходе ежедневных артиллерийских дуэлей на 200–300 финских выстрелов полк отвечал 10–30. Так, в ночь на 3 августа финны выпустили 577 снарядов¹⁴. Решить проблему снарядного голода советское командование не смогло до конца 1941 года.

Финны быстро отреагировали на появление советской артиллерии. Учитывая отсутствие успеха в контрбатарейной борьбе, финские снайперы и минометчики стали охотиться за артиллерийскими наводчиками и связистами. За два первых дня августа в ходе боев на Тулоксе погибли два телефониста и радист 3-го артполка.

Расширение фронта к Сясьнебе и успешность огня артиллерии Олонской дивизии заставили финнов начать на Тулоксе смену элитных егерей на обычную пехоту и перейти к формированию артиллерийских групп. Так, 5 августа в составе опергруппы Лагуса были сформированы: артгруппа фон Конова для обеспечения стыка и фланговой поддержки 5-й ПД, наступающей

на Сясьнебу; артгруппа Ноусьяйна для поддержки войск в районе Мартойла; артгруппа Лейму для поддержки войск в районе моста через Тулоксу; артгруппа Лагерроса для контрбатарейной борьбы. Еще несколько тяжелых батарей оставались в Видлице под непосредственным управлением штаба VI корпуса для оперативного усиления¹⁵.

5–9 августа основное внимание финнов было сосредоточено на Сясьнебе, где ленинградские ополченцы создали серьезный кризис частям 5-й ПД. На помощь группе фон Конова, полностью переключившейся на Сясьнебское направление, были отправлены два дивизиона. В свою очередь, на поддержку 3-й ЛДНО 3-й АП выделил батарею 152-мм гаубиц.

Ставка ВГК приказала командующему Северным фронтом активизировать действия 7-й армии [4: 43]. В ночь на 10 августа началось общее контрнаступление опергруппы Цветаева. 7-й и 452-й полки успешно форсировали Тулоксу. Но 3-я МБР сумела захватить плацдарм только после контрбатарейной борьбы 2-го АДН. По советским войскам финны выпустили более 2000 снарядов, из них 164 – по позициям 3-го АП¹⁶.

11–12 августа финны усилили опергруппу Лагуса тремя батальонами и контратаковали части Цветаева. Двое суток на плацдарме шел ожесточенный бой. 13 августа 1941 года группа Цветаева, оставив отряды прикрытия на северном берегу Тулоксы, отошла на прежние позиции. Снаряды к 122-мм пушкам закончились. Финны, напротив, после отражения наступления ополченцев перенацелили 1/4-го АП на Тулоксу. Штабы Цветаева и 7-й армии недооценили силы противника, особенно превосходство финнов в тяжелой артиллерии.

С 15 августа финны вновь овладели инициативой, постоянно контратакуя плацдарм и мост. 16–17 августа финские подразделения особенно активно пытались форсировать Тулоксу на флангах Олонцевой дивизии. Поддерживая огнем 3-ю МБР, 3-й АП сорвал попытку форсирования у Линдоя.

18–19 августа финны сменили под Сяндебой 5-ю ПД на 17-ю. Опергруппа Лагуса с рубежа Тулоксы была отведена в резерв. В составе 5-й ПД на Тулоксе были развернуты: четыре дивизиона общими силами 16 150–155-мм, 8 122-мм гаубиц, 4 105-мм, 24 76-мм пушек. Артиллерия группы Лагуса (11-й ЛАДН, 3-й ТАДН) была переподчинена штабу VI корпуса¹⁷. Между советским

(10 122-мм пушек) и финским (12 150-мм гаубиц и 4 105-мм пушек) дивизионами разгорелась артиллерийская дуэль. При этом финский не был стеснен в боеприпасах и имел средства технической разведки в отличие от красноармейского (рис. 4).

С 19 по 23 августа на Тулоксинском фронте наступило затишье. 21 августа 3-й горный дивизион был передан на усиление 4-му батальону моряков в район озера Ирзи-ярви, где финны начали новое наступление. Однако превосходство 5-й ПД в артиллерии на Тулоксе еще больше усилилось (20 150–155-мм, 8 122-мм гаубиц, 8 120-мм, 4 105-мм, 36 76-мм пушек), и в состав 3-го АП распоряжением Цветаева была возвращена батарея 152-мм гаубиц.

В течение августа группа Цветаева отразила несколько финских ударов. 3-й АП уничтожил две финские автоколонны, несколько районов дислокации резервов, до 40 огневых точек, баржу, до 15 переправочных средств противника. 24-й ТАДН вынужден был девять раз за неделю сменить позиции из-за прицельного огня советских 122-мм пушек [3]. Успехи в неравной контрбатареинной борьбе были достигнуты благодаря умелому командованию капитана Ржевского полигона П. С. Стадника (рис. 5).

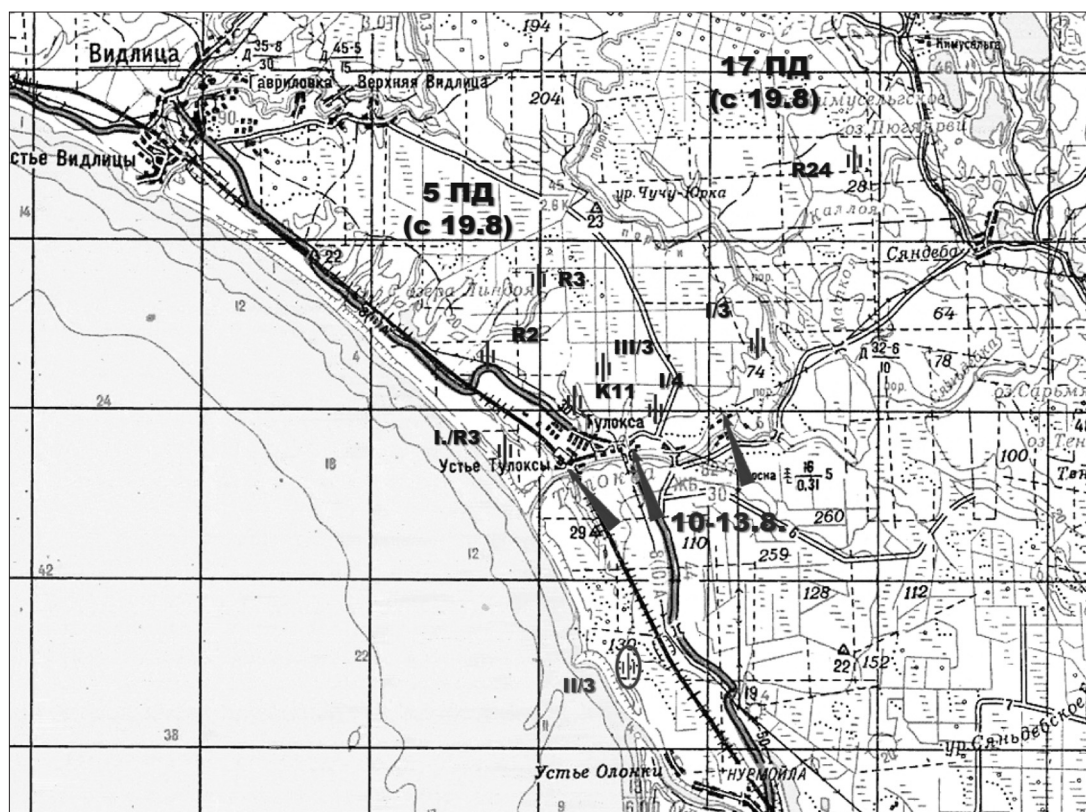

Рис. 4. Советская и финская артиллерийские группировки на 19 августа 1941 года
 Figure 4. The positions of the Soviet and Finnish artillery groups as of 19 August 1941

Рис. 5. Командир 2-го артдивизиона капитан П. С. Стадник.
Фото 1945 года из коллекции автора
Figure 5. Captain P. S. Stadnik, the commander
of the 2nd Artillery Division
(photo dated 1945 from the author's private archive)

Готовя генеральное наступление, финны к 28 августа усилили артиллерию 5-й ПД на Тулоксе, создав две артиллерийские группы: непосредственной поддержки и артиллерийского резерва. Опергруппе Лагуса, предназначенной для прорыва советской обороны, были выделены моторизованная батарея 203-мм гаубиц и три артдивизиона¹⁸. В дополнение для артподготовки 5-й ПД на 3–4 сентября были приданы четыре ТАДН. Общее количество стволов было доведено до 147: 3 203-мм мортиры, 32 150–155-мм, 8 122-мм, 12 105-мм гаубиц, 20 120-мм, 36 105-мм, 36 76-мм пушек¹⁹.

Против них в опергруппе Цветаева на Тулоксе имелись только 6 152-мм гаубиц и 10 122-мм пушек. При этом снабжение боеприпасами финской артиллерии позволяло иметь на позициях 3–4 сутокных бк, а во 2-м дивизионе РККА суточный запас не превышал 20–30 % от нормы²⁰. Превосходство финнов по артиллерийской мощи было двенадцатикратное. Советской разведкой сосредоточение такой крупной группировки артиллерии вскрыто не было (рис. 6).

4 сентября перед наступлением финны провели мощную часовую артподготовку, в ходе которой было выпущено 14 265 снарядов. Артогнем противника были выведены из строя несколько тракторов, что не позволило 3-му артполку эвакуировать все орудия с огневых позиций. Полк понес и большие людские потери. Создав семикратное превосходство в пехоте и абсолютное в танках, VI армейский корпус финнов

перешел в наступление и прорвался на стыке 3-й ЛДНО и Олонецкой дивизии. В разрыв была введена группа Лагуса, которая стала быстро продвигаться на юг. 5 сентября она заняла Олоонец и стала развивать наступление на Лодейное Поле [11]. 8 сентября финская артиллерия обстреляла Лодейное Поле²¹.

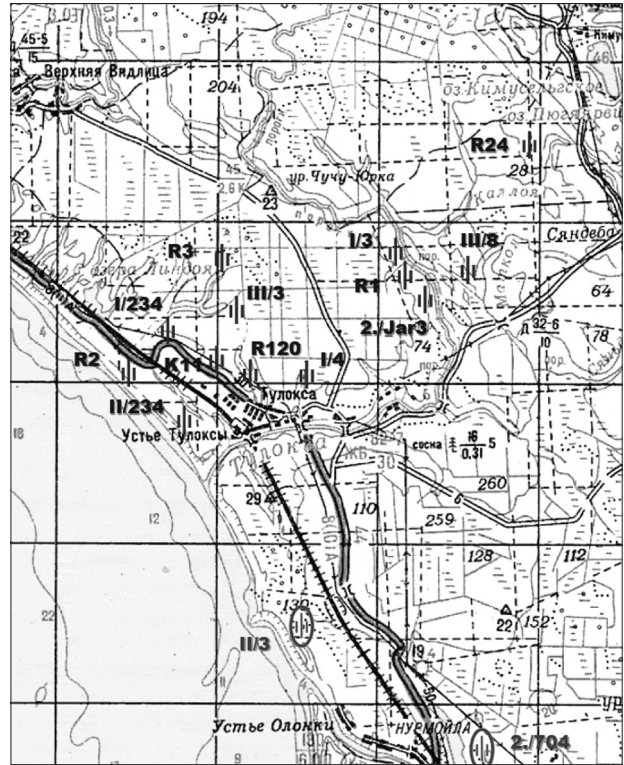

Рис. 6. Советская и финская артиллерийские группировки на 3 сентября 1941 года
Figure 6. The positions of the Soviet and Finnish artillery groups as of 3 September 1941

5 сентября 3-й АП попал в окружение близ устья Тулоксы. Попытка вывезти орудия по единственной дороге не удалась: колонна попала под удар танков и мотопехоты противника. Были разбиты и оставлены несколько тракторов и орудий. По болотным тропам и гатям полк с оставшимися двумя орудиями пробивался к Свири (рис. 7).

За операцию финны захватили 6 152-мм гаубиц и 3 122-мм пушки с тракторами из 3-го АП [6: 98].

9 сентября 3-й АП в составе штаба, 2-го дивизиона и батареи 704-го АП вышел из окружения и переправился через Свирь у д. Горки. Из матчасти в полку остались лишь 2 122-мм пушки без боеприпасов. Невероятное мужество, упорство и находчивость позволили ленинградским артиллеристам вывезти массивные артсистемы за 70 километров по приладожским болотам. При выходе из окружения многие артиллеристы погибли, пропали без вести, попали в плен.

Рис. 7. Пушки 2-го артдивизиона, оставленные в Олонце при разгроме колонны финскими войсками.
Из сети Интернет (свободный доступ)

Figure 7. Guns of the 2nd Artillery Division left in Olonets due to the defeat of the column by Finnish troops
(based on open-access web sources)

10 сентября 3-й АП был сосредоточен в Лодейном Поле и вновь вошел в состав Олонецкой дивизии²². При этом на 10 сентября 1941 года на южном берегу Свири две 122-мм пушки составляли всю наличную артиллерию 7-й армии на Свирском участке в противовес 150 финским орудиям. В сентябре 1941 года небольшой отряд 3-го АП сыграл важную роль в остановке наступления финнов со Свирского плацдарма [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За время боев 1941–1942 годов командование РККА получило огромный опыт использования артиллерии в мобильной и позиционной войне. Действия советской артиллерии в 1943–1945 годах носили более успешный характер [7], [8].

Ревизионисты военной истории нередко превозносят успехи финской армии, в том числе и артиллерии. Однако необходимо заметить, что при-

бытие небольшой артиллерийской группы РККА в июле 1941 года способствовало стабилизации линии фронта на р. Тулокса на целых 42 дня, несмотря на многократное превосходство финских войск в танках и артиллерии. Тем не менее советским командованием не были предприняты шаги к усилению артиллерийской группировки или хотя бы к повышению ее мобильности, в результате чего 4 сентября при подавляющем превосходстве финской артиллерии оборона Красной армии была прорвана. Командованию 7-й армии пришлось выстраивать оборону по р. Свирь практически с нуля [10]. Роль артиллерии в боях за Олонец оказалась решающей. Минимальная контрбатареинная борьба пушечного дивизиона ополченцев значительно снизила активность финской артиллерии и позволила советским войскам длительное время сдерживать наступление врага.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦАМО РФ. Ф. 249. Оп. 1544. Д. 5. Л. 4.

² ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 204. Л. 48, 54.

³ ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 2. Л. 19.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 1767. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–9.

⁵ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 5460 5. Divisioonan esikunta. t. 62.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 204. Л. 54–55.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 87. Л. 13.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 204. Л. 62.

⁹ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 4590 VI Armeijakunta. t. 256.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 1767. Оп. 1. Д. 3. Л. 8 об.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 22. Л. 4.

- ¹² Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 18952 Osasto Lagus. t. 8.
- ¹³ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 4590 VI Armeijakunta. t. 264.
- ¹⁴ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 18952 Osasto Lagus. t. 12.
- ¹⁵ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 18948 Osasto Lagus. t. 30, 37.
- ¹⁶ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 18952 Osasto Lagus. t. 22.
- ¹⁷ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 18948 Osasto Lagus. t. 41–47.
- ¹⁸ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 18952 Osasto Lagus. t. 118.
- ¹⁹ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 4592 VI Armeijakunnan esikunta. t. 236.
- ²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 93.
- ²¹ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 18952 Osasto Lagus. t. 43.
- ²² ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 93.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Е. П., Лукин Г. Г. Боевые действия 3-й ОБРМП и 3-й ДНО в южной Карелии. Июль – август 1941 г. // Новые исторические перспективы. 2020. № 1 (18). С. 5–14.
- Веригин С. Г. Основные этапы вооруженной борьбы на Карельском фронте (лето 1941 г. – осень 1944 г.) // Военная история России: проблемы, поиски, решения: Материалы Междунар. науч. конф.: В 2 ч. Ч. 2. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2015. С. 279–291.
- Дубаренко К. А., Терентьев В. О., Панов Р. А. 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения (Фрунзенского района). 49-я стрелковая дивизия РККА (2-го формирования, с 24.09.1941): историческая хроника боевого пути, тактический обзор боевых действий. СПб.: Полторак, 2011. 83 с.
- Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Наука, 1984. 360 с.
- Куприянов Г. Н. От Баренцева моря до Ладоги. Л.: Лениздат, 1972. 377 с.
- По обе стороны Карельского фронта: Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.
- Терентьев В. О. Армейская артиллерия РККА в Городокской операции 1943 г. на примере 166-го гвардейского пушечного артиллерийского полка // XVI Петербургские военно-исторические чтения. Всероссийская науч. конф. (СПб., 25–26 сентября 2020 г.): Сб. науч. ст. СПб.: Астерион, 2021. С. 182–193.
- Терентьев В. О. Вторая Витебская операция (3–16 февраля 1944 г.): действия армейской артиллерии на примере 166-го гвардейского пушечного артиллерийского полка // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2021. № 4 (25). С. 116–127.
- Терентьев В. О. История и вооружение 613 корпусного артполка в Великой Отечественной войне // Труды СПбГПУ. 2008. № 506. С. 200–228.
- Терентьев В. О. Стабилизация фронта на Свирском направлении в октябре 1941 года: фактор ленинградских ополченцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 69–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.854
- Терентьев В. О., Панов Р. А. Третья Ленинградская дивизия народного ополчения в битве за Ленинград // Клио. 2012. № 8 (68). С. 102–104.

Поступила в редакцию 13.11.2023; принята к публикации 29.01.2024

Original article

Vyacheslav O. Terentev, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-2567-5560; terehv@mail.ru

THE ARTILLERY OF GENERAL TSVETAYEV'S SOUTHERN GROUP IN THE DEFENSE OF OLONETS

Abstract. This article examines the confrontation between Soviet and Finnish artillery in the Olonets direction in the summer of 1941, based on previously undisclosed Russian and Finnish archival documents. By analyzing these events, which are not widely known in modern historiography, the study reveals the crucial role played by artillery in the defense of Olonets and uncovers the dynamics of artillery groups' saturation and maneuvering on both sides.

Despite the significant artillery and tank superiority of the VI Finnish Army Corps over the Southern Group of the 7th Army (a military formation of the Red Army led by Lieutenant General V. D. Tsvetaev) the latter's strength was nearly nullified upon the arrival of an incomplete artillery regiment of the 3rd Leningrad People's Militia Division. Although the militia's outdated and limited ammunition guns were operated by inexperienced calculations, they successfully resisted the numerically superior Finnish artillery group. These actions enabled the Red Army's sailors, motorized riflemen, and volunteers to hold off the Finnish troops in the Eastern Ladoga region for 42 days. However, due to the Soviet command's underestimation of the role of artillery in the Olonets direction, the artillery group was not reinforced. Consequently, on 4 September 1941, the Finns, with overwhelming artillery superiority, broke through the defense of the Red Army and reached the Svir River, posing a threat of a second blockade of Leningrad. This study expanded the existing list of reasons for the Red Army's defeat in the Olonets direction.

Key words: World War II, USSR, Finland, Russo-Finnish War, Olonets, 7th Army, artillery, 3rd Leningrad Division of the People's Militia

For citation: Terentev, V. O. The artillery of General Tsvetaev's Southern Group in the defense of Olonets. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):87–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1011

REFERENCES

1. Abramov, E. P., Lukin, G. G. The fighting of the 3rd SMB and the 3rd PMD in South Karelia. July – August of 1941. *New Historical Perspectives*. 2020;1(18):5–14. (In Russ.)
2. Verigin, S. G. The main stages of the armed struggle on the Karelian front (summer 1941 – autumn 1944). *Military history of Russia: problems, explorations, solutions: Proceedings of the international research conference*. Part 2. Volgograd, 2015. P. 279–291. (In Russ.)
3. Dubarenko, K. A., Terentev, V. O., Panov, R. A. 3rd Leningrad Division of the People's Militia (Frunzensky District). 49th Rifle Division of the Red Army (2nd formation of 24.09.1941): historical chronicle of the combat path, tactical review of the fighting. St. Petersburg, 2011. 83 p. (In Russ.)
4. Karelian Front in the Great Patriotic War of 1941–1945. Moscow, 1984. 360 p. (In Russ.)
5. Kupriyanov, G. N. From the Barents Sea to Ladoga. Leningrad, 1972. 377 p. (In Russ.)
6. On both sides of the Karelian Front: Documents and materials. Petrozavodsk, 1995. 636 p. (In Russ.)
7. Terentev, V. O. The Red Army artillery during the Gorodok operation of 1943: a case study of the 166th Guards Cannon Artillery Regiment. *The XVI Saint Petersburg Military Historical Readings*. St. Peterburg, 2021. P. 182–193. (In Russ.)
8. Terentev, V. O. The army artillery in the 2nd Vitebsk operation (3–16 February 1944): the case of the 166th Guards Cannon Artillery Regiment. *New Historical Perspectives: from the Baltic to the Pacific*. 2021;4(25):116–127. (In Russ.)
9. Terentev, V. O. History and armament of the 613th Corps Artillery Regiment during the Great Patriotic War. *Proceedings of SPbPU*. 2008;506:200–228. (In Russ.)
10. Terentev, V. O. The role of the Leningrad militia in the stabilization of the Svir sector of the Soviet-Finnish front in October 1941. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;1(45):69–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.854 (In Russ.)
11. Terentev, V. O., Panov, R. A. The Third Leningrad Division of People's Volunteer Corps in the battle for Leningrad. *Klio*. 2012;8(68):102–104. (In Russ.)

Received: 13 November 2023; accepted: 29 January 2024

ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА ТЕРЕНТЬЕВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков Института истории

Санкт-Петербургский государственный университет

доцент кафедры истории и регионоведения

Санкт-Петербургский государственный университет теле-

коммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-2254-858X; e.a.terenteva@spbu.ru

ЗИМНЯЯ ВОЙНА В ОСВЕЩЕНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

А н н о т а ц и я . В 1930-е годы Финляндия находилась вне сферы интересов французского читателя. Скачкообразный рост количества связанных с ней публикаций осенью – зимой 1939–1940 годов был вызван советско-финляндским территориальным конфликтом, который вошел в историю как Зимняя война, хотя во Франции это название стало общеупотребительным лишь с 1950-х годов. С октября 1939 года Финляндия и ее отношения с СССР прочно заняли место на страницах французских периодических изданий. Анализ оригинальных источниковых материалов, доступных благодаря электронному ресурсу Французской национальной библиотеки Retronews.fr, позволил выявить основные тенденции в освещении советско-финляндского конфликта во французской прессе. Колебания частоты упоминания ключевых географических объектов и личностей, связанных с событиями на севере Европы, в парижских и региональных изданиях продемонстрированы на графиках. Проанализированы методы и способы освещения основных этапов конфликта, позиций противников и международного восприятия политических заявлений и событий. Хотя в период Зимней войны Франция еще не была оккупирована, но находилась в состоянии войны с нацистской Германией, а ее средства массовой информации все еще были свободными и разнообразными по политическим взглядам, французская пресса оказалась весьма единодушна в оценке советско-финляндского конфликта с исключительно профинских и антисоветских позиций.

К л ю ч е в ы е с л о в а : СССР, Финляндия, Франция, французская пресса, СМИ, Зимняя война, Маннергейм, Красная армия

Д л я ц и т и р о в а н и я : Терентьева Е. А. Зимняя война в освещении французской прессы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1012

ВВЕДЕНИЕ

В современной французской историографии термин «зимняя война» является устоявшимся [14], [15]. Однако для периодической печати первой половины XX века он не был характерен. Употребленный для обозначения советско-финского конфликта 1939–1940 годов осенью 1939 года и единично (четыре раза) встречающийся в первые месяцы 1940 года, с апреля 1940 года он применялся лишь в значении «зимняя кампания» в последующие годы Второй мировой войны. Только в 1951 году на страницах газеты «Аврора» вышла историческая заметка, где термин «зимняя война» был вновь употреблен в нынешнем конкретно-историческом значении, и затем в его использовании снова наступил перерыв.

В целом Финляндия находилась вне сферы основных интересов французского читателя

и, как правило, появлялась в международной хронике в перечнях государств, объединенных той или иной темой. Кроме того, французы, очевидно, не имели сколько-нибудь обстоятельного представления о географическом положении этой далекой северной страны. Свидетельство тому – необходимость предвзвешивать серии публикаций о проблемах советско-финляндского противостояния, а позднее и участия Финляндии во Второй мировой войне на стороне Германии ознакомительными публикациями со схематичными картами региона; такого рода справками французские газеты в 1930–1940-х годах начинали сообщения о событиях в малознакомых их читателю регионах и странах [8], [9], [11]. Регион Фенноскандии и Карелии (за исключением Ленинградского фронта) и позднее, в годы Великой Отечествен-

ной войны, интересовал французских журналистов заметно меньше, чем другие театры военных действий [10]. Тем заметнее взрывообразный всплеск интереса и пристальное внимание французской периодической печати

к Советско-финляндской войне 1939–1940 годов, интенсивность которого очевидно иллюстрируют графики упоминания географических названий региона, народов и исторических личностей (рис. 1, 2).

Рис. 1. График упоминаний географических названий региона в сентябре 1939 – мае 1940 года
 Figure 1. Word frequency chart for key geographical names of the region, September 1939 – May 1940

Рис. 2. График упоминаний народов и личностей в сентябре 1939 – мае 1940 года
 Figure 2. Word frequency chart for peoples and key persons, September 1939 – May 1940

Несмотря на относительную непродолжительность кампании, интенсивность публикаций, посвященных советско-финляндским отношениям, не была одинаковой на всем протяжении конфликта. За осенние месяцы 1939 года финская проблематика активнее всего дискутировалась в октябре. В период военных действий выделяются два максимума новостных и аналитических публикаций – декабрь 1939 года и февраль 1940 года с последующим последовательным падением интереса к региону, хотя в марте небольшой всплеск публикаций (связанных со взятием Выборга) на фоне общего снижения количества упоминаний региона и событий советско-финляндского противостояния все же заметен.

Осенью, зимой и весной 1939–1940 годов французская периодика оставалась еще относительно гомогенной, продолжая логику своего развития в межвоенные десятилетия, и в основном настроенной антисоветски [12], [13]. В период советско-финляндского конфликта резко антибольшевистская риторика, достигавшая временами уровня истерии, стала всеобщей [7].

Настоящая статья построена на анализе массива французских периодических изданий, размещенных в базе «Ретроньюс»¹ Французской национальной библиотеки. Рассмотрены публикации с сентября 1939 по май 1940 года, причем первоочередное внимание с точки зрения их содержания уделялось мнениям по следующим проблемам: 1) советско-финляндский конфликт, его предыстория и история попыток мирного урегулирования осенью 1939 года; 2) начало войны и оценка действий СССР и Финляндии; 3) оценка ситуации Лигой Наций и исключение из Лиги Наций СССР; 4) оказание Финляндии помощи со стороны западных держав; 5) оценка завершения войны и ее результатов.

* * *

В октябре 1939 года проблема советско-финляндских отношений начинает все чаще появляться на страницах французских газет. При этом говорилось как о претензиях СССР к Финляндии, которую большевики необоснованно обвиняли в империалистических притязаниях и угрозе Ленинграду, так и о перспективе «русской агрессии». В контексте существующего правового урегулирования в регионе читателям напоминали о Тартуском мирном договоре 1920 года, однако даже о переговорах Ярцева в 1938–1939 годах совершенно не упоминалось. Зато переговоры в Москве и предложения СССР по обмену территорий описывались довольно часто, причем акцентировалось внимание на готов-

ности финляндской стороны к уступкам: «“Финские делегаты приняли две трети требований, сформулированных Советами”», – утверждает г-н Эрко. – Вчера вечером финские делегаты вновь уступили г-ну Молотову»². Конкретика в таких сообщениях, впрочем, отсутствовала, зато они нередко сопровождались картами региона и рассуждениями о бесперспективности переговоров и готовности Финляндии мужественно защищать свою независимость³. «Уэст-Эклер» (L'Ouest-Eclair) 6 ноября 1939 года разместила на первой странице броскую и трогательную историческую заметку «Финляндия против красного великана», где говорилось о том, как в 1917 году все мужчины от 15 до 80 лет взялись за оружие, чтобы победить большевиков, и теперь готовы повторить подвиг тридцатилетней давности в случае угрозы безопасности республики⁴. К моменту начала Зимней войны образ СССР как агрессора был сформирован окончательно.

Относительно Майнильского инцидента 26 ноября 1939 года во французских газетах изначально транслировалась финская точка зрения, то есть версия о советской провокации⁵. Наиболее серьезные издания довольно подробно развили эту мысль, сообщая о маневрах Красной армии под Майнилой и гибели «четырех красных солдат» в ходе несчастного случая при метании гранат⁶. Даже там, где публиковались заявления Молотова⁷, материалы подавались в ярко выраженном антисоветском ключе, подчеркивались агрессивные устремления Кремля и отдельно – «русского населения», то есть рабочих и солдат Красной армии⁸. Указывалось, что Майнила находится на границе территории, «уступить которую Москва требовала в ходе недавних переговоров», о причине которых уже не говорилось ни слова⁹. Напротив, акцент делался на мирных устремлениях Финляндии: так, заголовок статьи в «Матен» (Le Matin) от 28 ноября 1939 года звучал как «Финляндия ответит свои войска» с подзаголовком мелким шрифтом «Если Советы сделают это первыми».

Статьи и заголовки на этом этапе становятся все более и более эмоциональными («Драма, которая разворачивается между финляндской республикой и московским медведем»¹⁰), проводятся параллели между политикой гитлеровской Германии и СССР: «Сталин действует с Финляндией как Гитлер с Австрией и Прагой»¹¹, – утверждала парижская «Матен» 29 ноября. Два дня спустя «Пти паризьен» (Le Petit Parisien) на первой странице разместит одновременно карту Балтийского региона и карикату-

ру Гитлера, выглядывающего из палящей во все стороны подводной лодки, под заголовком «Жизненное пространство или пространство смерти?» (рис. 3)¹². В отношении позиции СССР последовательно применяется лексика с агрессивной семантикой, и в целом публикации крайне эмоционально насыщены. Используется образный язык с большим количеством тропов, то есть речь идет о последовательном нагнетании среди читателей антисоветской истерии.

Рис. 3. Карикатура из газеты «Пти паризьен» от 1 декабря 1939 года:

Жизненное пространство или пространство смерти?
Figure 3. Caricature in *Le Petit Parisien*, 1 December 1939:
Living space or space of death?

Серия сообщений об ультиматуме, денонсации договора о ненападении между СССР и Финляндией и начале войны стала логичным продолжением предшествовавших публикаций. Сообщения от 30 ноября о «надменной ноте Москвы»¹³ и объявлении Молотовым о разрыве дипломатических отношений с Финляндией¹⁴ сменились взволнованными публикациями 1 декабря о начале военных действий. «Вчера утром маленькая Финляндия была атакована русским колоссом»¹⁵, – эти слова «Пти паризьен» отражают настроения всех французских изданий. Вообще, идея противопоставления размеров СССР и Финляндии уже с осени привлекала внимание газетных карикатуристов

(рис. 4–6)¹⁶. Наконец, всячески подчеркивалось, что и европейские государства, включая не только Великобританию, но даже Германию и Италию, и США поддерживают Финляндию и осуждают СССР.

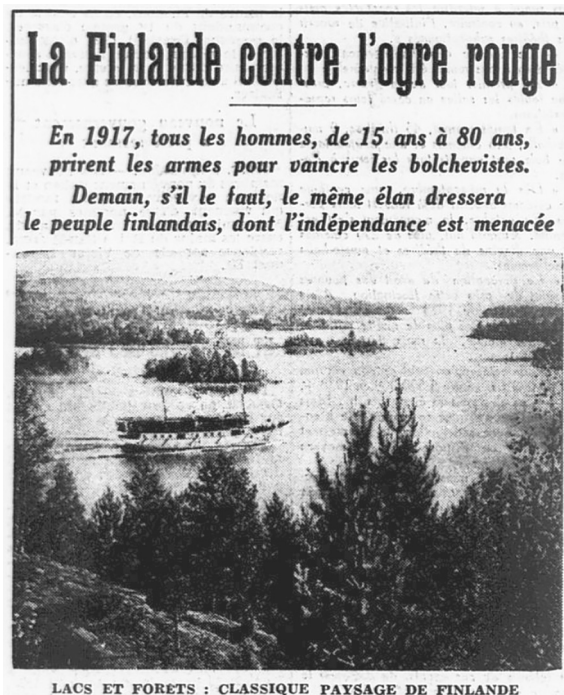

Рис. 4. Передовица газеты «Уэст-Эклер» от 6 ноября 1939 года: Финляндия против красного великана
Figure 4. *L'Ouest-Eclair* (Rennes) editorial, 6 November 1939:
Finland against the Red Ogre

Рис. 5. Карикатура из газеты «Овр» от 30 ноября 1939 года: «На помощь! Эта трусиха хочет меня побить!»
Figure 5. Caricature in *L'Ouvre*, 30 November 1939:
Help! This coward wants to beat me!

Рис. 6. Карикатура из газеты «Журнал» от 1 декабря 1939 года (перепечатка из «Дейли Миррор»): Красный великан: «Не провоцируй меня, малыш!»

Figure 6. Caricature in *Le Journal*, 1 December 1939 (reprint from the *Daily Mirror*): The Red Ogre: "Don't provoke me, little one!"

«Агрессия против Финляндии», «героическое сопротивление финнов», «Москва лжет», «США вмешиваются, Рузвельт требует, чтобы Москва прекратила бомбардировки мирного населения» – это выдержки из одной-единственной передовицы «Пти марселье» (*Le Petit Marseillais*)¹⁷, они демонстрируют идеи, предлагавшиеся читателям самых разных французских изданий по всей стране. Кроме того, рефреном в сообщениях о первых днях войны звучали обвинения СССР в бомбардировках мирных городов и массовых жертвах среди гражданского населения, «особенно женщин и детей» (рис. 7)¹⁸.

Не только симпатии всего западного мира были на стороне Финляндии; ей, «маленькой героической стране»¹⁹, «жертве агрессии СССР»²⁰, оказывали военную помощь людьми, вооружением и боеприпасами ведущие западные державы [1]. Однако об этой помощи газеты сообщали значительно сдержаннее, чем о собственно финском противодействии СССР. «Ревю универсель» (*La Revue universelle*) 1 января 1940 года в ежемесячной сводке международных событий за ноябрь – декабрь 1939 года сообщил одновременно о начале русской агрессии в Финляндии, об исключении СССР из Лиги Наций, а также о заявлении Черчилля о запланированной помощи Финляндии со стороны Великобритании²¹. Информация о помощи датского Красного креста и просьбах о помощи к Франции не была представлена в передовицах газет²².

В январе интенсивность публикаций о советско-финляндской войне снизилась, а новый всплеск интереса к ней в феврале был, конечно, связан с прорывом линии Маннергейма, которая во французских газетах февраля 1940 года обозначалась как «наступление в секторе Суммы». К этому времени риторика осуждения советской агрессии уже потеряла остроту, и основной идеей стала масштабность потерь Советов в борьбе с маленькой Финляндией и малые успехи СССР при очевидном неравенстве сил. Так, 15 февраля сообщалось о 14 000²³ и даже 40 000²⁴ убитых советских солдат и 200 подбитых танках под Суммой. Кроме того, успехи Красной армии очевидным образом преуменьшались, и 16 февраля говорилось о том, что «нет и речи о прорыве линии Маннергейма»²⁵, упоминалось о том,

Рис. 7. Газета «Журнал» от 1 декабря 1939 года: карта Финляндии и портрет Маннергейма с кричащим заголовком о гибели женщин и детей под советскими бомбардировками

Figure 7. *Le Journal*, 1 December 1939: a map of Finland and a portrait of Mannerheim with the headline screaming about women and children killed by Soviet bombings

что не более сотни человек «просочились» сквозь позиции финской армии²⁶. На следующий день, 17 февраля, когда прорыв фактически уже состоялся, газеты осторожно заговорили об оставлении финнами передовых позиций, а наступление становится все более ожесточенным²⁷. «Эксельсиор» (Excelsior) и вовсе утверждал, что «линия Маннергейма стойко обороняется»²⁸. Только 18 февраля отдельные издания задались вопросом, оказалась ли Сумма в руках русских²⁹, а 19 заговорили о «продолжении русского наступления в секторе Суммы». Только в двадцатых числах сообщения стали более объективными, а тулузская «Депеш» (La Dépêche) даже опубликовала карту «ситуации на Карельском перешейке после битвы за Сумму» с указанием зоны недавнего отступления финнов и актуальным расположением армии маршала Маннергейма³⁰ [2], [5], [6].

При том, что принципиально публикация последних сводок с фронтов без задержки была технически возможна даже в период оккупации Франции и под правительством Виши, стремление придержать неприятные новости, характерное для французской прессы после падения Парижа, просматривается уже зимой 1939/40 года [8], [9], [10], [11].

Далее внимание газет переключилось на Выборг, который поначалу позиционировался как некий символ стойкости и непобедимости финнов. Однако к началу марта по тону газет стало ясно, что серьезных перспектив у Финляндии нет. Уже 1 марта католическая «Круа» (La Croix) сообщала об усилении атак Красной армии на Выборг³¹. 5 марта 1940 года, когда Красная армия уже входила с боями на окраины города [3], [4], «Фар де ла Луар» (La Phare de la Loire) писала, что «Выборг еще держится»³², из чего становилось очевидно, что это продлится недолго, «Пти паризьен» подчеркивал «финский героизм», с которым сталкивался советский натиск в Выборге³³, однако «Парисуар» (Paris-Soir) в тот же день вполне объективно сообщала о боях в городе³⁴. Традиционные статьи о горах трупов советских солдат и ожесточенных контратаках финнов уже никого не могли обмануть, да и количество публикаций о Советско-финляндской войне в целом резко пошло на убыль, особенно в двадцатых числах месяца.

Информация о переговорах, которые завершились подписанием Московского мирного договора 12 марта 1940 года, публиковалась уже практически без задержек. И хотя заголовки пестрели сообщениями о готовности «союзниц» – Франции и Великобритании – помочь Финляндии³⁵, в целом фокус внимания переключился

на внутриевропейские дела. Сообщение о заключении мира основные газеты опубликовали 13 марта³⁶. Интересно, что аналитических публикаций об условиях заключенного мира было очень мало. Только 2 апреля 1940 года вышла целая серия статей, посвященных завершению войны и новым границам на севере Европы. «Матен» опубликовала карту-схему региона с новой советско-финской границей и «украденными территориями» (рис. 8)³⁷, и эта характеристика стала наиболее яркой оценкой произошедших перемен. Аналогичные публикации вышли в «Эксельсиор» (Excelsior), «Тан» (Le Temps), «Аксон француз» (L'Action française), «Антрансижан» (L'Intransigeant)³⁸. Однако более подробной характеристики произошедшим изменениям в этот момент дано не было. Фактически французские газеты оставили без комментариев и выводов и завершение, и последствия Зимней войны.

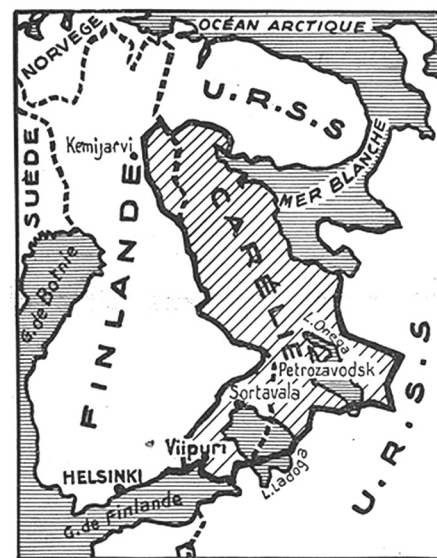

Рис. 8. Карта границы Финляндии и СССР под заголовком «Украденные территории». Газета «Матен» от 2 апреля 1940 года

Figure 8. Map of a new border between Finland and the USSR with the headline “Stolen Territories”. *Le Matin*, 2 April 1940

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая особенности освещения во французской периодической печати Зимней войны 1939–1940 годов, прежде всего следует отметить, что максимальная интенсивность посвященных ей публикаций пришлась на наиболее успешный для Финляндии период противостояния. Напротив, успехи СССР по возможности замалчивались либо преуменьшались. Симпатии французских журналистов и накануне, и во время конфликта были полностью на стороне Финляндии, а позиции Москвы, равно как и геополитическая

и историческая обусловленность ее территориальных претензий, не были озвучены сколько-нибудь объективно и подробно. Более того, тон статей во французской прессе был в целом весьма эмоциональным, и образ СССР как агрессивного гиганта, стремящегося подавить маленькую героическую страну у своих северо-западных границ, к тому же страну, настроенную крайне миролюбиво, стал общим местом подобных публикаций [7]. Ликование от успехов финского оружия и рассуждения о поддержке Финляндии международным сообществом составили постоянный фон статей о ситуации в регионе до самого февраля 1940 года. С момента, когда грядущее поражение Финляндии стало очевидным, во французских СМИ резко уменьшилось количество публикаций о совет-

ско-финляндском конфликте, а его завершение и вовсе осталось без комментариев. Однозначно оценить причины такого молчания трудно. С одной стороны, приближались драматические события в истории самой Франции. С другой – традиция замалчивания, игнорирования успехов противника станет постоянным инструментом французской пронемецкой прессы в период оккупации страны. А неосуществленные планы Франции, Великобритании и других стран Европы по активной помощи Финляндии против СССР, в последний момент сорванные подписанием Московского мирного договора, и ярые профинские публикации во французских газетах не позволяли сохранить лицо в случае любого анализа итогов советско-финляндского конфликта 1939–1940 годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Retronews.fr [Site] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.retronews.fr/> (дата обращения 11.11.2023).
- ² Le Progrès de la Côte-d'Or. 05.11.1939. No. 309. P. 1.
- ³ La Bourgogne Républicaine. 03.11.1939. No. 305. P. 1.
- ⁴ La Finlande contre l'ogre rouge // L'Ouest-Eclair (Rennes). 06.11.1939. No. 15700. P. 1.
- ⁵ Paris-Soir. 29.11.1939. No. 5917. P. 1; La Phare de la Loire. 28.11.1939. No. 42238. P. 2 и др. перепечатали одну и ту же сводку.
- ⁶ Le Matin. 28.11.1939. No. 20337. P. 3.
- ⁷ L'Aube. 28.11.1939. No. 2216. P. 1.
- ⁸ Le Matin. 28.11.1939. No. 20337. P. 3.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Le Temps. 29.11.1939. No. 28565. P. 4.
- ¹¹ Le Matin. 29.11.1939. No. 20338. P. 2.
- ¹² Le Petit Parisien. 01.12.1939. No. 22920. P. 1.
- ¹³ Le Progrès de la Somme. 30.11.1939. No. 21985. P. 1.
- ¹⁴ Le Progrès de la Somme. 30.11.1939. No. 21985. P. 2; L'Aube. 30.11.1939. No. 2218. P. 1; Le Figaro. 30.11.1939. No. 334. P. 1; Le Petit Provençal. 30.11.1939. No. 22926. P. 1; Excelsior. 30.11.1939. No. 10576. P. 1.
- ¹⁵ Le Petit Parisien. 01.12.1939. No. 22920. P. 1.
- ¹⁶ L'Ouest-Eclair (Rennes). 06.11.1939. No. 15700. P. 1; L'Oeuvre. 30.11.1939. No. 8824. P. 1; Le Journal. 01.12.1939. No. 13238. P. 3.
- ¹⁷ Le Petit Marseillais. 02.12.1939. No. 26092. P. 1.
- ¹⁸ Le Journal. 01.12.1939. No. 13238. P. 1.
- ¹⁹ Le Journal. 01.12.1939. No. 13238. P. 3; Le Petit Marseillais. 02.12.1939. No. 26092. P. 1; etc.
- ²⁰ Le Petit Marseillais. 02.12.1939. No. 26092. P. 1; Paris-Soir. 02.12.1939. No. 5920. P. 4; etc.
- ²¹ Le Faits du mois // La Revue universelle. 01.01.1940. P. 63–64.
- ²² Le Progès de la Somme. 01.01.1940. No. 22067. P. 2.
- ²³ L'Oeuvre. 15.02.1940. No. 8901. P. 1; L'Action française. 15.02.1940. No. 46. P. 3.
- ²⁴ L'Ouest-Eclair (Rennes). 15.02.1940. No. 15801. P. 1.
- ²⁵ Le Journal. 16.02.1940. No. 17285. P. 3.
- ²⁶ Le Figaro. 16.02.1940. No. 47. P. 3.
- ²⁷ Courrier de Saône-et-Loire. 17.02.1940. No. 2953. P. 1; Le Temps. 17.02.1940. No. 28644. P. 6; L'Aube. 17.02.1940. No. 2285. P. 1; Paris-Soir. 17.02.1940. No. 5997. P. 1.
- ²⁸ Excelsior. 17.02.1940. No. 10655. P. 1; Le Petit Journal. 17.02.1940. No. 28152. P. 1.
- ²⁹ La Dépêche (Toulouse). 18.02.1940. No. 20093. P. 2.
- ³⁰ La Dépêche (Toulouse). 22.02.1940. No. 20097. P. 1.
- ³¹ La Croix. 01.03.1940. No. 17516. P. 1.
- ³² La Phare de la Loire. 05.03.1940. No. 42336. P. 1.
- ³³ Le Petit Parisien. 05.03.1940. No. 23015. P. 1.
- ³⁴ Paris-Soir. 05.03.1940. No. 6014. P. 1.
- ³⁵ Le Progrès de la Somme. 13.03.1940. No. 22088. P. 1; Le Progrès de la Côte-d'Or. 13.03.1940. No. 73. P. 1.
- ³⁶ L'Oeuvre. 13.03.1940. No. 8928. P. 1; La Dépêche (Toulouse). 13.03.1940. No. 20117. P. 1.
- ³⁷ Le Matin. 02.04.1940. No. 20463. P. 1.

- ³⁸ Excelsior. 02.04.1940. No. 10700. P. 3; Le Temps. 02.04.1940. No. 28689. P. 1; L'Action française. 02.04.1940. No. 93. P. 3; L'Intransigeant. 02.04.1940. No. 52087. P. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 326 с.
2. Дубаренко К. А., Терентьев В. О., Панов Р. А. 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения (Фрунзенского района). 49-я стрелковая дивизия РККА (2-го формирования, с 24.09.1941): историческая хроника боевого пути, тактический обзор боевых действий. СПб.: Полторак, 2011. 83 с.
3. Раунио А., Килин Ю. Сражения Зимней войны. Б. м.: Военный музей Карельского перешейка, 2018. 320 с.
4. Сейдин И. И. Линия Маннергейма и Красная Армия (30 ноября 1939 г. – 22 июня 1941 г.). СПб.: Гйоль, 2012. 448 с.
5. Терентьев В. О. 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения генерала Судакова в обороне Петрозаводска // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI века: Карелия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2019. С. 78–84.
6. Терентьев В. О., Терентьева Е. А. Арктика на завершающем этапе Второй мировой войны // Вопросы истории. 2020. № 4. С. 61–76.
7. Терентьева Е. А. Маленькая героическая европейская страна против русского великана: риторика освещения советско-финляндского конфликта на страницах французских газет 1939–1940 гг. // Подготовка профессиональных кадров в магистратуре для цифровой экономики (ПКМ-2023): Всероссийская научно-техническая и научно-методическая конференция магистрантов и их руководителей. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, 2023. С. 441–445.
8. Терентьева Е. А. Освещение битвы за Москву во французской прессе // Западный мир и Россия. Взаимодействие и восприятие культур в исторической перспективе: Материалы междунар. науч. конф. 11 октября 2018 г. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 100–103.
9. Терентьева Е. А. Освобождение северной Финляндии и Норвегии осенью 1944 г. в освещении французской прессы // Вестник гуманитарного факультета СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. 2019. № 11. Специальный выпуск, посвящ. XXI Междунар. Балтийскому коммуникационному форуму 5–7 декабря 2019 г. СПб.: Изд-во СПбГУТ, 2019. С. 222–229.
10. Терентьева Е. А. Петрозаводск во французской прессе в годы Второй мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.855
11. Терентьева Е. А. «Свой» и «Чужие»: советские войска в сражениях Великой Отечественной войны глазами французских журналистов // «Свой» / «чужой» в кросскультурных коммуникациях стран Запада и России: Коллективная монография. СПб.: Алетейя, 2019. С. 471–490.
12. Histoire générale de la presse française / Sous dir. de C. Bellanger, J. Godechot, P. Guiral, F. Terrou. En 5 vols. Tome III. De 1871 à 1940. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. 688 p.
13. Histoire générale de la presse française / Sous dir. de C. Bellanger, J. Godechot, P. Guiral, F. Terrou. En 5 vols. Tome IV. De 1940 à 1958. Paris: Presses Universitaires de France, 1975. 486 p.
14. Stenman K. La guerre d'Hiver 1939–1940: Staline attaque la Finlande // Revue Batailles Aériennes. 2005. No. 32. 88 p.
15. Zaglia A. La guerre d'Hiver de 1939. Analyse du conflit et des opérations. Louvain-la-Neuve, Belgique: Université catholique de Louvain, 2015. 22 p.

Поступила в редакцию 13.11.2023; принята к публикации 29.01.2024

Original article

Ekaterina A. Terenteva, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Saint Petersburg State University, Associate Professor, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2254-858X; e.a.terenteva@bk.ru

THE WINTER WAR IN THE FRENCH PRESS

Abstract. In the 1930s, Finland was not a subject of great interest for French readers. The sharp rise in publications focused on the country was due to the Soviet-Finnish territorial conflict during the autumn and winter of 1939–1940, commonly referred to as the Winter War, though in France the war was not commonly referred to as such until the 1950s. Nevertheless, since October 1939, Finnish relations with the USSR were consistently covered in French peri-

odicals. This article, based on sources from the National Library of France's electronic resource Retro-news.fr, aims to examine the main trends in French press coverage of the Soviet-Finnish conflict. Two diagrams in the paper illustrate the varying frequency of mentions of key geographical locations and individuals related to events in Northern Europe in both Parisian and regional periodicals. The article analyzes the methods and approaches used in reporting the different stages of the conflict, the positions of the opposing sides, and the international perception of political statements and events. Despite France being engaged in war with Nazi Germany at the time of the Winter War (though not occupied by German forces yet), and its mass media remaining diverse and politically free, the French periodicals displayed a unanimous pro-Finnish and anti-Soviet stance when assessing the Soviet-Finnish conflict.

Key words: USSR, Finland, France, French press, mass media, Winter War, Mannerheim, Red Army

For citation: Terenteva, E. A. The Winter War in the French press. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1012

REFERENCES

1. Baryshnikov, V. N. Finland joining World War II. 1940–1941. St. Petersburg, 2003. 326 p. (In Russ.)
2. Dubarenko, K. A., Terentev, V. O., Panov, R. A. 3rd Leningrad Division of the People's Militia (Frunzensky District). 49th Rifle Division of the Red Army (2nd formation of 24.09.1941): historical chronicle of the combat path, tactical review of the fighting. St. Petersburg, 2011. 83 p. (In Russ.)
3. Raunio, A., Kilin, Yu. Battles of the Winter War. Vyborg, 2018. 320 p. (In Russ.)
4. Seydin, I. I. The Mannerheim Line and the Red Army (30 November 1939 – 22 June 1941). St. Petersburg, 2012. 448 p. (In Russ.)
5. Terentev, V. O. The 3rd Leningrad Division of the People's Militia led by General Sudakov during the defense of Petrozavodsk. *Karelia – a border region of Russia during the XX–XXI centuries: Karelia during World War II*. Petrozavodsk, 2019. P. 78–84. (In Russ.)
6. Terentev, V. O., Terenteva, E. A. The Arctic during the final stage of WWII. *Voprosy istorii*. 2020;4:61–76. (In Russ.)
7. Terenteva, E. A. The French press on the liberation of Northern Finland and Norway in October 1944. *Bulletin of the Faculty of Humanities of the Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications. Special issue dedicated to the XXI International Baltic Communication Forum (5–7 December 2019)*. 2019;11:222–229. St. Petersburg, 2023. P. 441–445. (In Russ.)
8. Terenteva, E. A. The French press on the Battle of Moscow. *Western World and Russia. Interaction and perception of cultures in historical perspective: Proceedings of the international research conference, 11 October 2018*. Moscow, 2019. P. 100–103. (In Russ.)
9. Terenteva, E. A. Liberation of Northern Finland and Norway in the autumn of 1944 in the coverage of the French press. *Bulletin of the Faculty of Humanities of St. Petersburg State University named after Prof. M. A. Bonch-Bruевич*. 2019;11:222–229. (In Russ.)
10. Terenteva, E. A. Petrozavodsk in the French press during the Second World War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;45(1):77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.855 (In Russ.)
11. Terenteva, E. A. “Us” and “Them”: Soviet troops in the battles of the Great Patriotic War through the eyes of French journalists. *“One's own” and “Alien” in cross-cultural communications of Western countries and Russia: Collective monograph*. St. Petersburg, 2019. P. 471–490. (In Russ.)
12. Histoire générale de la presse française. (Sous dir. de C. Bellanger, J. Godechot, P. Guiral, F. Terrou). En 5 vols. Tome III. De 1871 à 1940. Paris, 1972. 688 p.
13. Histoire générale de la presse française. (Sous dir. de C. Bellanger, J. Godechot, P. Guiral, F. Terrou). En 5 vols. Tome IV. De 1940 à 1958. Paris, 1975. 486 p.
14. Stenman K. La guerre d'Hiver 1939–1940: Staline attaque la Finlande. *Revue Batailles Aériennes*. 2005;32:88.
15. Zaglia, A. La guerre d'Hiver de 1939. Analyse du conflit et des opérations. Louvain-la-Neuve, Belgique, 2015. 22 p.

Received: 13 November 2023; accepted: 29 January 2024

ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ МИРОНИЧЕВ

научный сотрудник

Музей Карельского фронта (филиал БУ «Национальный музей Республики Карелия»)

(Беломорск, Российская Федерация)

ORCID 0009-0008-8453-6529; evilchainsaw@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ КАНДАЛАКШСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКОМ ВОЕННОМ ПЛАНИРОВАНИИ НАКАНУНЕ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ

А н н о т а ц и я . Предпринята попытка показать значение кандалакшского направления в контексте военного планирования на северных участках боевых действий во второй половине 1930-х годов. На основе доступных источников советского военного планирования второй половины 1930-х годов и ряда материалов 54-й стрелковой дивизии, хранящихся в Государственном архиве Мурманской области, прослежено изменение взглядов на значение кандалакшского направления на тактическом и оперативно-тактическом уровнях в период 1936–1939 годов. Показаны противоречивые аспекты оперативно-тактического планирования, связанные с трудностью выбора приоритетных направлений боевых действий в условиях ограниченности военных сил. Анализируется влияние взглядов военного командования на кандалакшское направление в 1936–1939 годах относительно дальнейших военно-политических процессов в 1936–1941 годах, когда этот участок стал играть одну из важнейших ролей на стратегическом уровне в связи с особым географическим положением и появлением железной и автомобильной дорог до советско-финляндской границы. Военное планирование на кандалакшском направлении в указанный период можно охарактеризовать как несистемное. Военное командование не имело конкретного выбора приоритетного направления боевых действий, но постепенно пришло к мнению, что именно кандалакшское направление должно играть важную роль в северной Карелии и Заполярье. Делается вывод о необходимости дальнейшего, более глубокого изучения военного планирования на Севере.

К л ю ч е в ы е с л о в а : военное планирование, 1930-е годы, кандалакшское направление, ухтинское направление, Советско-финляндская война, Заполярье, Кандалакша, Ухта, Ленинградский военный округ

Б л а г о д а р н о с т и . Автор благодарит В. А. Нагиряка, К. Ю. Трубникову, А. П. Казареца, С. С. Никитину за советы на разных этапах подготовки статьи.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Мироничев Е. П. Значение кандалакшского направления в оперативно-тактическом военном планировании накануне Советско-финляндской войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 105–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1013

ВВЕДЕНИЕ

В годы Великой Отечественной войны кандалакшское направление боевых действий Северного (Карельского) фронта было одним из приоритетных в связи с его особенностями. Оно представляло собой узкий участок от государственной границы с Финляндией до Кировской железной дороги, а также один из немногих районов, имевших на тот момент полноценные автомобильную и железную дороги, связывавшие советскую территорию с финской. В 1941 году германский 36-й армейский корпус провел здесь во многом неудачное наступление, не достигнув своих целей: ему не удалось перерезать сухопутное снабжение Кольского полуострова.

В историографии кандалакшскому направлению не уделено должного внимания. Исследователи рассматривают в основном мурманское и петрозаводское направления, анализируются победы 1944 года. В последние годы автором настоящей статьи изучается кандалакшское направление с привлечением архивных материалов как отечественных федеральных и региональных архивов, так и зарубежных [9], [10].

Поскольку кандалакшское направление приобрело в военные годы особое значение¹, представляется важным проследить ход эволюции взглядов советского военного и политического руководства на его роль в военном планировании второй половины 1930-х годов. Достаточ-

но глубоко проработана история боевых действий на юге Заполярья исследователями, занимающимися изучением Советско-финляндской войны 1939–1940 годов [14]. Но военное планирование на этом участке в более ранние периоды фактически не становилось объектом изучения. Лишь частично об этом упоминает Д. Г. Семёнов [16]. В целом оперативно-стратегические планы войны с Финляндией в 1930-е годы раскрывает Ю. М. Килин [5]. К стратегическому и оперативно-стратегическому планированию СССР до 1939 года в общих чертах в историографии обращались, например, И. П. Макара [7] и С. Н. Михалёв [12], большое значение играют воспоминания М. В. Захарова². Также тема затрагивается зачастую в контексте планирования 1940–1941 годов³ или в политическом [1] и мобилизационном аспектах общегосударственного [4] и регионального уровней [15]. Однако тактический и оперативный уровни военного планирования в большинстве своем остаются нерассмотренными.

В данной статье важную роль играют документы 54-й стрелковой дивизии (сд), полученные Мурманским областным комитетом ВКП(б) в ходе взаимодействия по хозяйственным, строительным и иным вопросам и хранящиеся в Государственном архиве Мурманской области (ГАМО), а также косвенные данные и материалы других временных периодов федеральных архивов, находящиеся в открытом доступе, но не вводившиеся в научный оборот в контексте военного планирования на Севере или не рассматривавшиеся с точки зрения планирования на Северо-Западе.

* * *

Существовавший к 1935 году стратегический план войны на Западе во многом устарел из-за стремительных политических изменений. Согласно этому плану, главная задача СССР – разгром Польши, которая могла привлечь в качестве союзника Румынию, в то время как прибалтийские страны, Финляндия и Германия сохранили бы нейтралитет⁴. К началу 1935 года, по мысли заместителя наркома обороны М. Н. Тухачевского, ситуация поменялась: Германия могла стать главным организатором антисоветской интервенции в союзе с Польшей, а прибалтийские страны и Финляндия – плацдармами, помощниками антисоветских сил. Тем не менее важнейшим стратегическим направлением оставалось западное и юго-западное, где предполагалось сосредоточить в первые два месяца войны от 120 до 160 стрелковых дивизий, тогда как на Финляндию, Эстонию и Латвию вместе взятых выделялось всего от 10 дивизий. Из них по принятому плану 1935 года

пять дивизий находилось на Карельском перешейке, одна стрелковая дивизия и одна стрелковая бригада – в Карелии [1: 33]. Тухачевский, рассчитывая численность войск, рассматривал не только теоретическое количество, но и реальное, исходя из существовавших тогда возможностей: против Финляндии можно было выделить пять стрелковых дивизий. Войскам ставились оборонительные задачи, что соответствовало условиям – они располагались бы на крайне широком фронте в 1200 км, не имели резервов и были изолированы друг от друга.

В планах 1936 и 1937 годов задачи поменялись. Первоначально они ограничивались разгромом финских войск на Карельском перешейке и захватом укрепрайонов силами Северо-Западного фронта в 16 дивизий. Однако в 1937 году план предусматривал активную задачу по разгрому финской армии уже от «Мурманского района» до Карельского перешейка. Войска должны были занять Петсамо, Каяни, Нурмес и Сортавалу. Но численность войск в Карелии по обоим планам составляла две стрелковые дивизии из 16 на весь фронт [1: 32, 33]. На оперативно-тактическом уровне это, вероятно, означало лишь ограниченные действия вдоль коммуникаций на наиболее угрожаемых участках.

В марте 1938 года начальник Генштаба РККА Б. М. Шапошников представил наркому обороны записку об основах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР в случае войны против коалиции фашистских государств⁵. Она содержала конкретные данные по северо-западному направлению. В случае выступления Финляндии, Эстонии и Латвии ожидалось развертывание с их стороны 20 пехотных дивизий, а также размещение на их территории германских войск. Основными направлениями со стороны финнов представлялись «межозерное» с двумя пехотными дивизиями и одной кавалерийской бригадой (петрозаводско-олонецкое) и Карельский перешеек с семью пехотными дивизиями. Противник на карельском и кольском участках не конкретизировался, разведка не ожидала здесь крупных сил. С советской стороны к северу от Ладожского озера и до Мурманска включительно действия должны были свестись к активной обороне границ и вторжению на территорию Финляндии с задачей разрушения связи Финляндии со Швецией, а также к захвату Петсамо и полуостровов Рыбачий и Средний. Для действий на Северо-Западе планировалось разместить 17 стрелковых и две кавалерийские дивизии, шесть танковых бригад, из которых непосредственно в северной Карелии и на юге Заполярья (направление обозначено как «Ухта – Кемь») находилась одна стрелковая

дивизия. 13 ноября 1938 года записка была рассмотрена и принята на Главном Военном Совете РККА⁶.

Что касается Финляндии, то советская разведка выявляла тенденции к усилению финской агрессии, особенно по отношению к советским северным территориям. В феврале 1935 года заместитель наркома внутренних дел Я. С. Агранов получил добытые агентурой в октябре 1934 года предложения германского военного атташе полковника Гартмана к спецдокладу контрразведывательного отдела штаба Рейхсвера о советской армии. В этих предложениях, среди прочего, рассматривалась внешнеполитическая оценка стран – соседей СССР. О Финляндии германский атташе писал, что она в собственных целях будет стремиться использовать конфликты с Советским Союзом для присоединения в конечном счете советской Карелии и Кольского полуострова⁷. Примечательно, что финская разведка в 1930-е годы сосредоточилась на северо-западных районах СССР и выявляла транспортные, экономические и иные условия на территории Карелии и Заполярья [6: 171]. Известны и конкретные военные планы Финляндии, предполагавшие действия на советской территории, включая не только Ленинград и петрозаводское направление, но и северные районы [5: 117–122].

С середины 1930-х и вплоть до лета 1939 года силы РККА от северной Карелии до Баренцева моря ограничивались 54-й стрелковой дивизией, Северной военной флотилией (затем Северным флотом) и некоторыми другими формированиями. Если стратегические планы на Севере известны, то оперативные и тактические на данный момент можно лишь предполагать: в силу малочисленности, особенностей организационно-штатной структуры, комплектования и иных факторов, вероятно, до 1937 года предполагались исключительно оборонительные задачи на наиболее угрожаемых направлениях. Затем же, исходя из стратегического плана 1938 года, 54-я и вторая, выдвинутая по плану развертывания дивизия, вероятнее всего, ограничивались в большей мере пассивными действиями и продвижением до того момента, пока не были бы встречены значительные финские силы на тех же важных направлениях.

На юге Заполярья и в северной Карелии таковыми являлись кандалакшское и ухтинское направления. Это вытекало из естественных природных условий, а также особенностей расположения населенных пунктов и путей сообщения. Но к 1939 году, несмотря на вышеуказанную записку Генштаба с указанием на Ухту, видимо, на оперативно-тактическом уровне не было единого мнения о том, какое из двух приоритетное.

Об этом свидетельствует записка по вопросу подготовки театра военных действий кандалакшского направления и мероприятий бывшего командования 54-й Мурманской стрелковой дивизии по подготовке войск для действий в условиях этого театра в период 1936–1937 годов, написанная в январе 1939 года начальником особого отдела дивизии младшим лейтенантом госбезопасности Быстровым⁸.

В указанной записке, во-первых, отмечается бурное экономическое развитие Заполярья, особенно Кандалакшского района, сочетаемое с богатством природных ресурсов и полезных ископаемых, незамерзающим портом Мурманск и важнейшей единственной сухопутной артерией – Кировской железной дорогой. Это означало, что Заполярье при большом экономико-логистическом значении имеет и крайне уязвимые места – узкие участки от финской границы до железной дороги.

Во-вторых, возможно проследить и ожидания от вероятного противника на тактическом уровне. Быстров делает акцент на диверсионном характере действий финских отрядов:

«Местность этого района также способствовала выполнению этой авантюры (захвата Кандалакши. – *Е. М.*): от озера Имандра до озера Ковдозеро почти отсутствуют водные преграды. Эта полоса позволяет проходить мелким подразделениям и отрядам без особого труда, и крупным отрядам вооруженных и артиллерией с прокладкой дорог... выдвинувшиеся в район Кандалакша части противника смогли бы без должного отпора, с малыми силами прервать жел. дор. в особо опасных местах (дамба через Канда Губа, мосты через р. Нива у Зашеек), разрушить жел. дор. узел и навредить в гидроэлектростанции. Все эти диверсионные действия весьма вредно отразились бы на успешности ведения боевых действий на Мурманском направлении и побережье Баренцева моря... захват северной части Карелии – Кандалакшского направления грозил чрезвычайно большими трудностями и многочисленными потерями в людском составе по очищению этой территории. Пришлось бы вводить количество войск в три-четыре раза больше, чем противника...»⁹.

С большой долей вероятности эти убеждения были основаны на данных разведки [16: 413]. Финские планы подтверждают предположение об использовании небольших подразделений: в районе Салла должен был действовать 17-й егерский батальон, выполнявший задачу разбить немногочисленные силы РККА, а затем вести на участках Кировской железной дороги диверсии малыми отрядами [5: 119, 120].

Что же касается направлений боевых действий, то, судя по записке Быстрова, командовавший дивизией в 1936 году комбриг Г. Д. Антонов и штаб дивизии считали приоритетным ухтинское направление. Кандалакшское же

фактически не имело обороны, там не планировалось строить дорогу. Мнение о ненужности кандалакшского направления, по информации начальника особого отдела, культивировалось среди командиров и личного состава, поэтому местность даже не осваивалась.

При детальном рассмотрении «выбор» бывшего командира дивизии имел вполне явные основания. Во-первых, это планы развертывания 1937–1938 годов. Во-вторых, если исходить из того, что 54 сд была единственной значимой сухопутной силой на Севере, но растянутой на сотни километров и потому имевшей оборонительные задачи, а со стороны финнов ожидалось действия малыми группами, то в данном случае ухтинское направление было более выгодным для финской армии. Именно на нем размещалось множество небольших поселений, среди жителей которых преобладали финны и карелы. Это означало, что финские отряды могли потенциально рассчитывать, например, на помощь информацией и провизией со стороны сочувствующего населения. Кандалакшское направление таковыми «возможностями» не обладало: восточнее поселка Алакуртти на финской территории и государственной границы был только «зимник»; какие-либо поселения отсутствовали вплоть до Кандалакши. Для советской стороны ухтинское направление в то же время являлось невыгодным, поскольку упомянутая растянутость сил дивизии вместе с необходимостью контролировать поселения района действительно требовали большего количества подразделений. Можно предположить, что выделение при стратегическом развертывании второй дивизии на северный сектор было бы недостаточным. В-третьих, видимо, учитывался опыт 1918–1920 годов, когда Финляндия активно вмешивалась в события, происходившие в Беломорской Карелии, с целью отторжения территории от Советской России [13]. На кандалакшском же направлении финские отряды действовали не так результативно.

В записке Быстров утверждал, что кандалакшское направление имеет куда большее значение. Мотивировал он это более выгодными условиями местности, а также тем, что финны уже проводили соответствующую подготовку, обеспечивая себя дорогами вплотную до границы от Рованиemi и Оулу до Алакуртти. К сожалению, на данный момент нет информации, насколько это коррелировалось с установками командования военного округа в 1936–1937 годах, а в контексте планов развертывания 1937–

1938 годов неясно, почему Быстров вопреки им фактически требовал перенести внимание с ухтинского на кандалакшское направление. Неизвестно, какое влияние оказала записка Быстрова, однако в начале 1939 года был принят очередной оперативный план Северо-Западного фронта, по которому 54 сд должна была захватить города Каяни и Нурмес, видимо, действуя на ребольском направлении, а 104 сд находилась бы на мурманском направлении и обороняла Кандалакшу [5: 170]. Таким образом, роль кандалакшского направления на оперативном уровне повысилась – на нем требовалась прочная оборона. Определенным образом на тактическом уровне приоритет обороны на юге Заполярья подтвердился в марте 1939 года в предложениях командира 54 сд комбрига Н. А. Гусевского по оборонным работам в Мурманской области¹⁰.

Командир дивизии предлагал строительство целого ряда объектов по всей территории области и среди прочего большое внимание уделял объектам, относящимся так или иначе к кандалакшскому направлению. По его мнению, требовалось строительство четырех дорог: Кандалакша – Умба, Кандалакша – пос. Слюдоразработок, Кандалакша – оз. Верхний Верман (приграничье), Кандалакша – Лоухи – Кемь – Сорока. Для усиления авиационной группировки предлагалось строительство аэродромов в Кировске и северо-западнее Кандалакши. Были необходимы ротные и батальонные укрепленные районы. Так, предполагалось строить ротные укрепрайоны в пос. Слюдоразработок, севернее оз. Верхний Верман, западнее оз. Нижний Верман, восточнее оз. Каменное. Для сравнения: на ухтинском направлении в целом определялись четыре ротных укрепрайона, не образующих единый участок и разбросанных по территории. Гусевский отмечал, что это лишь минимум объектов. Хотя в целом ЛВО не смог обеспечить сколь-нибудь существенное строительство обороны и путей сообщения на севере [5: 171, 172], видимо, часть объектов все-таки построили – они стали использоваться уже в 1941 году, когда начались бои в районе старой границы. В то же время укрупнение сил РККА в Заполярье еще с середины 1930-х годов сопровождалось хронической нехваткой стройматериалов, жилплощади, трудовых ресурсов, денежных средств, кадров и т. д.¹¹ Это тормозило реализацию планов по укреплению Кольского полуострова и северной Карелии и создавало большие проблемы в обеспечении войск.

Можно заключить, что до осени 1939 года кандалакшское направление, видимо, не выделялось в военном планировании на оперативно-стратегическом уровне. Тем не менее рассмотрение роли кандалакшского направления до Советско-финляндской войны представляется неполным без упоминания ее планирования, хода и результатов. Именно она стала своего рода подтверждением идей о важности кандалакшского направления, возникавших на тактическом уровне в предшествующий период.

Война с Финляндией выдвинула юг Заполярья на первый план: силы 9-й армии РККА должны были стремительно наступать на кандалакшском и ухтинском направлениях с целью выхода к Ботническому заливу. Направления, ранее не предполагавшиеся для столь активных действий, видимо, были выбраны по причине их стратегического потенциала: серьезного противника не ожидалось, а достижение обозначенной цели ставило Финляндию в тяжелое положение. В результате войны действия 122 сд на кандалакшском направлении стали одним из наиболее глубоких продвижений советских войск на территорию Финляндии. Был накоплен и опыт организации тыла на этом участке, в связи с чем активизировалось строительство Сорокско-Обозерской ветки железной дороги [8]. В 1940 году группировка войск на кандалакшском направлении резко увеличилась, а до границы с Финляндией в Куоляярви по условиям мирного договора началось строительство еще одной ветки железной дороги, имевшей стратегическое значение [3].

Стоит упомянуть, что в силу выгодных условий кандалакшское направление играло большую роль и в германском планировании в 1940–1941 годах [9], но подготовка оказалась посредственной, что привело к германским неудачам на Севере [11]. Кандалакшское направление как вероятный участок проведения наступательных операций рассматривалось также военно-политическим руководством Великобритании и Франции в 1940 году [2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в 1936–1939 годах до начала Советско-финляндской войны кандалакшское направление, изначально не рассматривавшееся как значимое, постепенно заняло важное место в военном планировании. Документы 54 сд показывают, что понимание большой роли Кандалакши расширялось на тактическом уровне – командиры на местах начали понимать важность данного направления. Однако это понимание, появившееся и у Ленинградского воен-

ного округа, сталкивалось помимо формального подхода к планированию еще и с чисто практическими проблемами развертывания и расквартирования большого количества войск.

Важный вопрос ставит записка Быстрова, написанная в противоречии со всеми планами стратегического развертывания с 1937 по 1939 год. Исходя из поставленных в них задач, активные действия предполагались, в сущности, на ухтинском направлении. Поэтому, надо полагать, бывшее командование дивизии, обвинявшееся Быстровым в неправильном подходе, следовало этим установкам: например, упоминавшиеся города Каяни и Нурмес находятся именно в полосах ухтинского и ребольского направлений. Ретроспективно же начальник особого отдела дивизии оказался в определенной степени прав: в конце 1939 года РККА, действовавшая на кандалакшском направлении, благодаря более выгодным условиям местности достигла больших результатов. В полной же мере идеи Быстрова своеобразно подтвердились в 1941 году, когда тактические неудачи под Кандалакшей могли привести к осложнению оперативной и даже стратегической обстановки, что заставляло обращать на этот участок внимание даже Ставки ВГК.

Записка Быстрова свидетельствует, что на оперативном уровне не были поставлены конкретные задачи войскам на Севере. Практически прямо на это указывает информация в акте приема Наркомата обороны СССР С. К. Тимошенко от К. Е. Ворошилова в 1940 году: «не разработаны и отсутствуют оперативные планы, как общий, так и частные»¹². Можно предположить, что оперативные планы Северо-Западного фронта (ЛВО), разрабатывавшиеся в 1936–1938 годах, являлись во многом лишь дублированием плана стратегического развертывания, потому не имели конкретизации действий выделенных сил. Этот аспект, как представляется, фактически показан Ю. М. Киным при описании оперативных планов [5: 121, 122]. При четком, глубоко проработанном оперативном плане идеи о выборе приоритетных направлений высказывались бы в виде предложений изменить существующий план, а не в виде дискуссии и обвинений прежнего командования на уровне дивизии.

Вопросы планирования тактического и оперативно-тактического уровня на северных приграничных участках в период до осени 1939 года требуют дальнейшего изучения, поскольку являются неотъемлемой частью общих военных и политических процессов, приведших в 1941 году к двойственным результатам боевых действий уже Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Старостин М. И. Дневник войны. Мурманск, 2014. С. 26.
- ² Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы: Сборник. М., 2005. 766 с.
- ³ 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. 183 с.
- ⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 400. Л. 226–236 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/1297270> (дата обращения 22.11.2023).
- ⁵ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦА МО РФ). Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 240. Л. 15–16, 121–150.
- ⁶ Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы... С. 277.
- ⁷ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. 3. Оп. 2. Д. 155. Л. 46–47 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/1296844> (дата обращения 22.11.2023).
- ⁸ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 161. Л. 1–5.
- ⁹ Там же. Л. 2, 3, 4.
- ¹⁰ ГАМО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 161. Л. 88, 88 об., 89.
- ¹¹ ГАМО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 288. Л. 13–31.
- ¹² Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2-1). Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 21.06.1941 г. М., 1994. С. 299.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышников В. Н. Финская война. М.: Кучково поле, 2023. 448 с.
2. Барышников В. Н. План «петсамской операции» 1940 г. западных союзников по материалам Архива Министерства иностранных дел Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодной междунар. науч. конф. (16–17 апреля 2008 г.). СПб., 2009. С. 116–130.
3. Зеленская Ю. Н. Кировская железная дорога в 1940–1941 гг. // Военная история: люди, судьбы, конфликты: Материалы VIII междунар. конф., Санкт-Петербург, 19 ноября 2021 года. СПб.: Санкт-Петербургская гос. бюджет. учреждение Дом молодежи «ФОРПОСТ» Выборгского района, 2021. С. 120–123.
4. Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). М.: ОГИ, 2008. 512 с.
5. Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1999. 277 с.
6. Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1918–1939). Выборг: Военный музей Карельского перешейка, 2019. 304 с.
7. Макарь И. П. Из опыта планирования стратегического развертывания вооруженных сил СССР на случай войны с Германией и непосредственной подготовки к отражению агрессии // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 3–9.
8. Материально-техническое обеспечение Красной армии в вооруженных конфликтах и локальных войнах (конец 1930-х – начало 1940 гг.): Военно-теоретический труд. М.: ООО «Буки Веди», 2016. 382 с.
9. Мироничев Е. П. Военно-стратегическое положение кандалакшского направления к началу Великой Отечественной войны // Военная история России: Материалы XIV междунар. конф., Санкт-Петербург, 18 ноября 2021 года. Т. 1. СПб.: Санкт-Петербургское гос. бюджет. учреждение «Центр патриотического воспитания молодежи “Дзержинец”», 2021. С. 464–468.
10. Мироничев Е. П. «Особую опасность представляет кандалакшское направление...»: боевые действия на юге Заполярья в 1941 году: Монография. Красноярск: ООО «Научно-инновационный центр», 2022. 126 с.
11. Мироничев Е. П. Деятельность немецкой разведки на кандалакшском направлении в 1941 году (по документам армии «Норвегия» и 36-го армейского корпуса) // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: Материалы юбилейной 75-й Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. обучающихся и молодых ученых, Петрозаводск, 3–23 апреля 2023 года. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2023. С. 116–119.
12. Михалёв С. Н. Стратегическое руководство. Россия / СССР в двух мировых войнах XX столетия / Под ред. В. А. Золотарева. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. 459 с.
13. Попов Д. А. Финский излом. Финская интервенция в Карелии в 1918–1920 годах. Т. 1. От Кеми до Тарту 1918–1920 гг. Выборг: Военный музей Карельского перешейка, 2023. 272 с.
14. Раунио А., Килин Ю. Сражения зимней войны. Выборг: Военный музей Карельского перешейка, 2018. 320 с.
15. Репухова О. Ю. Мобилизационное планирование в Карелии в предвоенное десятилетие // Studia Humanitatis Borealis. 2015. № 1. С. 4–14.
16. Семёнов Д. Г. Финская Лапландия в конце 1930-х гг.: «скрытая милитаризация»? // Первопроходцы крайнего Севера: Четырнадцатые Феодоритовские чтения: к 450-летию блаженной кончины преподобного Феодорита Кольского, в начале XVI века просветившего Евангельским светом земли Кольского Севера: Материалы историко-краеведческой конф., Апатиты, 16–19 сентября 2021 года. Мурманск: Мурманская епархия, 2022. С. 410–415.

Поступила в редакцию 24.11.2023; принята к публикации 29.01.2024

Original article

Evgeniy P. Mironichev, Research Associate, Museum of the Karelian Front (Branch of the National Museum of the Republic of Karelia) (Belomorsk, Russian Federation)
 ORCID 0009-0008-8453-6529; evilchainsaw@yandex.ru

THE SIGNIFICANCE OF THE KANDALAKSHA AREA IN OPERATIONAL AND TACTICAL MILITARY PLANNING PRIOR TO THE RUSSO-FINNISH WAR

Abstract. The paper aims to highlight the significance of the Kandalaksha direction in military planning during the latter half of the 1930s, specifically in the northern battlefields. By examining available sources on Soviet military planning and materials from the 54th Infantry Division stored in the State Archives of the Murmansk region, this study traces the changes in perspectives regarding the importance of the Kandalaksha direction at the tactical and operational-tactical levels between 1936 and 1939. The analysis revealed conflicting aspects of operational-tactical planning, stemming from the challenge of selecting priority directions for military operations with limited military resources. Furthermore, the article examines the impact of the military command's views on the Kandalaksha direction during 1936-1939 on the subsequent military and political developments spanning from 1936 to 1941. During this period, the Kandalaksha direction gained strategic importance due to its unique geographical position and the establishment of railway and motor roads leading to the Soviet-Finnish border. Notably, military planning in the Kandalaksha direction during this period can be characterized as lacking a systematic approach. Initially, the Kandalaksha direction was not specifically chosen by the military command as the priority direction of military operations, but gradually they realized that it should assume an important role in military operations in northern Karelia and the Arctic. Consequently, the study concluded that further in-depth research into military planning in the North is necessary.

Keywords: military planning, 1930s, Kandalaksha direction, Ukhta direction, Russo-Finnish War, Arctic, Kandalaksha, Ukhta, Leningrad Military District

Acknowledgements. The author expresses his sincere gratitude to V. A. Nagirnyak, K. Yu. Trubnikova, A. P. Kazarez and S. S. Nikitina for their invaluable guidance throughout the article's preparation process.

Citation: Mironichev, E. P. The significance of the Kandalaksha area in operational and tactical military planning prior to the Russo-Finnish War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):105–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1013

REFERENCES

1. Baryshnikov, V. N. The Finnish War. Moscow, 2023. 448 p. (In Russ.)
2. Baryshnikov, V. N. The plan of the 1940 "Petsamo Operation" of the Western Allies based on the materials of the Archives of the Finnish Ministry for Foreign Affairs. *St. Petersburg and the Nordic countries: Proceedings of the tenth annual international research conference (16–17 April 2008)*. St. Petersburg, 2009. P. 116–130. (In Russ.)
3. Zelenskaya, Yu. N. Kirov Railway in 1940–1941. *Military history: people, destinies, conflicts: Proceedings of the VIII international conference, St. Petersburg, 19 November 2021*. St. Petersburg, 2021. P. 120–123. (In Russ.)
4. Ken, O. N. Mobilization planning and political decisions (late 1920s – mid-1930s). Moscow, 2008. 512 p. (In Russ.)
5. Kilin, Yu. M. Karelia in the polity of the Soviet state. 1920–1941. Petrozavodsk, 1999. 277 p. (In Russ.)
6. Laidinen, E. P., Verigin, S. G. Finnish intelligence against Soviet Russia. Finnish special services and their intelligence activities in northwestern Russia (1918–1939). Vyborg, 2019. 304 p. (In Russ.)
7. Makar, I. P. A look at the experience of planning the strategic deployment of the USSR armed forces in the event of war with Germany and direct preparation for repelling aggression. *Voenna-istoricheskiy zhurnal*. 2006;6:3–9. (In Russ.)
8. Logistics and technical support for the Red Army in armed conflicts and local wars (late 1930s – early 1940s): Military theoretical work. Moscow, 2016. 382 p. (In Russ.)
9. Mironichev, E. P. The military and strategic position of the Kandalaksha direction prior to the Great Patriotic War. *Military history of Russia: Proceedings of the XIV international conference, St. Petersburg, 18 November 2021. Vol. 1*. St. Petersburg, 2021. P. 464–468. (In Russ.)
10. Mironichev, E. P. "The Kandalaksha direction poses a particular danger...": military operations in the south of the Arctic in 1941: Monograph. Krasnoyarsk, 2022. 126 p. (In Russ.)
11. Mironichev, E. P. German intelligence activities in the Kandalaksha direction in 1941 (based on the documents of the AOK "Norwegen" and the 36th Army Corps). *Research work of students and young scientists: Proceedings of the 75th anniversary all-Russian scientific conference of students and young scientists (with international participation), Petrozavodsk, 3–23 April 2023*. Petrozavodsk, 2023. P. 116–119. (In Russ.)
12. Mikhalev, S. N. Strategic leadership. Russia / USSR in two world wars of the XX century. Krasnoyarsk, 2000. 459 p. (In Russ.)
13. Popov, D. A. Finnish breakage. Finnish intervention in Karelia in 1918–1920. Vol. 1. From Kem to Tartu, 1918–1920. Vyborg, 2023. 272 p. (In Russ.)
14. Raunio, A., Kilin, Yu. Battles of the Winter War. Vyborg, 2018. 320 p. (In Russ.)
15. Repukhova, O. Yu. Mobilization planning in Karelia in prewar decade. *Studia Humanitatis Borealis*. 2015;1:4–14. (In Russ.)
16. Semenov, D. G. Finnish Lapland in the late 1930s: "hidden militarization"? *Pioneers of the Far North: Fourteenth Theodoret Readings: commemorating the 450th anniversary of the blessed death of St. Theodoret of Kola who enlightened the lands of the Kola North with the Gospel Light in the early XVI century: Proceedings of the historical and local history conference, Apatity, 16–19 September 2021*. Murmansk, 2022. P. 410–415. (In Russ.)

Received: 24 November 2023; accepted: 29 January 2024

ТИМОФЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АЛЕКСЕЕВ

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии
Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0809-2400; timofey1967@mail.ru

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ ЛОСИК

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Военного института (научно-исследовательского)
Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-7085-6627; timofey1967@mail.ru

Рец. на кн.: Охочинский М. Н. Николай Алексеевич Рынин. Его жизнь и работа в области межпланетных сообщений. – СПб.: Политехника Сервис, 2022. – 216 с.

Для цитирования: Алексеев Т. В., Лосик А. В. Рец. на кн.: Охочинский М. Н. Николай Алексеевич Рынин. Его жизнь и работа в области межпланетных сообщений. – СПб.: Политехника Сервис, 2022. – 216 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 112–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1014

Профессор Николай Алексеевич Рынин (1877–1942) известен прежде всего как специалист в области начертательной геометрии, воздухоплавания и авиации, однако его реальный вклад в становление и развитие ракетной техники и космонавтики практически не изучен. Этот пробел решил восполнить кандидат исторических наук М. Н. Охочинский в книге «Николай Алексеевич Рынин. Его жизнь и работа в области межпланетных сообщений», вышедшей в 2022 году, в год празднования 90-летия Балтийского государственного университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, в котором автор монографии трудится доцентом кафедры ракетостроения – одной из первых подобных кафедр, появившихся в СССР вскоре после окончания Великой Отечественной войны.

Актуальность изучения научного наследия Н. А. Рынина очень емко подчеркнул в «Слове к читателям» монографии летчик-космонавт, Герой России А. И. Борисенко. Он вспомнил, как космонавт-военмеховец, дважды Герой Советского Союза Георгий Михайлович Гречко рассказывал, что его увлечение космической техникой началось именно с многотомного издания энциклопедии «Межпланетные сообщения» Н. А. Рынина. Далее А. И. Борисенко отметил, что хотя ВОЕНМЕХ стал специализироваться на подготовке инженеров-ракетчиков уже после ухода Н. А. Рынина, но работы ученого, прочитанные многими будущими выпускниками ВОЕНМЕХА еще в школьные годы, помогли им правильно выбрать свою траекторию жизни

и стать создателями первых отечественных носителей и космических аппаратов.

В первой части книги М. Н. Охочинский дает обзор научных исследований и практики ракетостроения и космонавтики 20-х годов XX века. Затем он анализирует основные этапы научной деятельности Н. А. Рынина, привлекая работы ученого, посвященные ракетной технике и космонавтике, делая особый акцент на анализе публикаций Н. И. Кибальчича и К. Э. Циолковского. Подробно М. Н. Охочинский рассматривает так называемые поздние работы Н. А. Рынина, а также ряд выявленных им в архивах и библиотечных хранилищах рукописей ученого (в том числе и неопубликованных), ранее неизвестных научной общественности.

В монографии сформулировано одно из главных достижений Н. А. Рынина – создание и постепенное наполнение трех информационно-технических баз (в современной терминологии – баз знаний) в области космонавтики и ракетной техники. Это информационные базы:

- по предыстории ракетостроения и развития мечты человечества о полетах;
- научным и техническим достижениям в области ракетной техники конца 1920-х годов;
- техническим проектам ракетостроения первой половины 1930-х годов.

Автор книги убедительно показывает, что и сегодня эти информационные базы не потеряли своей исторической и практической ценности.

Любопытными являются факты, свидетельствующие о том, что будущий главный конструктор

тор советского космического проекта С. П. Королёв пользовался в своих работах данными из публикаций Н. А. Рынина.

Несомненный интерес представляет и рассмотрение автором монографии практических опытов Н. А. Рынина с соавтором по исследованию эффекта ускорения на живые организмы и требований к оборудованию, создающих необходимые для исследований и тренировок перегрузки.

Ценные для историографии сведения содержит раздел монографии, посвященный исследованию Н. А. Рыниным жизни и творчества К. Э. Циолковского и написанной им первой биографии одного из отцов отечественной науки о ракетной технике и космонавтике.

Важной составляющей деятельности Н. А. Рынина в рассматриваемой области науки и техники стали его предложения по созданию международной организации по космическим исследованиям, в терминологии ученого – «международного научно-исследовательского института межпланетных сообщений». Именно Н. А. Рынин, специально подчеркнем, первым в мире сделал предложения, по сути предвосхитившие принципы, по которым в наше время происходит сотрудничество в проекте МКС.

В связи со сказанным выше интересен и актуален затронутый в книге аспект перспективности изучения творческого наследия Н. А. Рынина, поскольку некоторые его идеи не внедрены в жизнь и сегодня.

Отметим, что новизна исследования М. Н. Охочинского состоит в том, что деятельность профессора Н. А. Рынина – одного из пионеров в области космонавтики и ракетной техники – впервые рас-

смотрена как полноценная научно-техническая работа, доведенная в ряде случаев до конкретного результата. Несомненно значимым сюжетом в книге является изученная автором на материалах научного наследия Н. А. Рынина проблема взаимосвязи теоретических исследований ученого с его педагогической, консультационной деятельностью и активной работой в области популяризации ракетно-космической техники.

Подчеркнем, что исследование М. Н. Охочинского лежит, по мнению доктора исторических наук, профессора С. Б. Ульяновой, в рамках биографической истории – направления современной исторической науки, позволяющего сохранить память о научном наследии и обозначить вклад конкретного ученого. При этом сквозь призму достижений одного человека можно проследить развитие той или иной научной отрасли в целом, а также показать политический, экономический, социальный и культурный контекст развития науки и техники в тот или иной исторический период. Принципиально важным представляется также развитие историко-технических исследований, связывающих прошлое и настоящее, показывающих процесс становления науки сегодняшнего дня. В рамках этого направления современной исторической науки следует рассматривать и исследование М. Н. Охочинского.

Рецензируемая монография характеризует Н. А. Рынина как талантливого ученого, внесшего большой вклад в развитие космонавтики как в теоретическом, так и практическом плане, а также в становление и развитие отечественной науки об освоении Вселенной.

Поступила в редакцию 27.12.2023; принята к публикации 29.01.2024

Review

Timofey V. Alekseev, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor, Military Space Academy named after A. F. Mozhaysky (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0809-2400; timofey1967@mail.ru

Alexander V. Losik, Dr. Sc. (History), Professor, Senior Researcher, Military Space Academy named after A. F. Mozhaysky (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7085-6627; timofey1967@mail.ru

The book review: Okhochinsky, M. N. Nikolai Alekseevich Rynin. His life and work in the field of interplanetary communication. St. Petersburg, 2022. 216 p.

For citation: Alekseev, T. V., Losik, A. V. The book review: Okhochinsky, M. N. Nikolai Alekseevich Rynin. His life and work in the field of interplanetary communication. St. Petersburg, 2022. 216 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):112–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1014

Received: 27 December 2023; accepted: 29 January 2024

НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА ЧИКИНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5419-3758; tchikina@krc.karelia.ru

Рец. на кн.: Сойни Е. Г. Н. К. Рерих: иероглифы северной жизни / Елена Сойни; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории. – Петрозаводск: Скандинавия, 2022. – 252 с.

Для цитирования: Чикина Н. В. Рец. на кн.: Сойни Е. Г. Н. К. Рерих: иероглифы северной жизни / Елена Сойни; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории. – Петрозаводск: Скандинавия, 2022. – 252 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 114–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1015

В 2024 году исполняется 150 лет со дня рождения литератора, известного художника, автора сотен живописных полотен Н. К. Рериха. Одной из первых, написавших о его жизни в Карелии, стала доктор филологических наук Е. Г. Сойни. В ее ранних работах художник предстал в романтическом образе, а искусство Н. К. Рериха трактовалось с символистских позиций. Открыв места пребывания художника на Севере, Е. Г. Сойни продолжила исследование, выпустив ряд книг и публикаций по истории искусства и литературы.

В рецензируемой книге автор расставила совершенно иные акценты, обратившись не только к картинам, написанным в Карелии (многие из которых найдены лично и сфотографированы в частных собраниях разных стран), но и к публицистике, эпистолярному жанру, северо-европейской критике 1900–1919 годов о Н. К. Рерихе. Актуальность монографии обусловлена постановкой значительных историко-культурных проблем.

В первой главе «Археолог не может не быть художником...» отмечено влияние этой исторической науки на творца. Е. Г. Сойни пишет: «Изучение археологии предшествовало литературным опытам Рериха. О раскопках он писал и научные отчеты, и художественную прозу» (с. 19). Поскольку детство он провел среди ингерманландцев, это не могло не сказаться на его мировоззрении. В статье «На кургане» (1898) он передает пейзаж глазами ворона, то есть смотрит на землю с высоты птичьего полета. В статье «Радость искусству» Н. К. Рерих проводит параллели с преданиями финно-угорских народов, вспоминая о мифологии эрзя, еми и веси.

Во второй главе «Искусство начинается с радости» Е. Г. Сойни объясняет понятие «радость» в творчестве Н. К. Рериха. Статья «Подземная Русь» (1911) написана как отчет о раскопках, проведенных в Великом Новгороде, но с некоторыми лирическими отступлениями. Здесь мы вновь видим связь с археологией. Призыв к бережному отношению к природе звучит в статье «К природе» (1901), в которой Н. К. Рерих пишет о посещении водопада Кивач.

В центре внимания третьей главы «Сберечь старейшие храмы» – отношение Н. К. Рериха к древнему религиозному искусству. Автор, высоко оценивая призыв художника сберечь финские настенные росписи, справедливо считает, что решение замазать росписи нельзя называть вандализмом, это сложнейший мировоззренческий вопрос времени. В статье «Древнейшие финские храмы», вошедшей в первый том собрания сочинений Н. К. Рериха (1914), он не соглашается с распространенным мнением, что средневековые церкви Финляндии – это всецело шведские церкви.

В главе «Плавали ладьи варяжские» Е. Г. Сойни, анализируя творчество литератора, предположила, что он был знаком с литературным наследием древних скандинавов по русским переводам, например С. Н. Сыромятникова, поскольку их влияние отразилось на его творчестве. В сказке Н. К. Рериха «Гримр-викинг» (1899) заимствованы имена героев исландского эпоса (Олав Хаки, Гаральд), мифологические и исторические персонажи (Один, Эйрик Рыжий), географические названия (Лебединый Мыс, Гула). Композиционно сказка написана в жанре саги.

Публицистика Н. К. Рериха часто взаимосвязана с его живописью, поэтому, когда читаешь статьи, сразу же возникают зрительные образы и сюжеты его картин. Нередко публицистика предвосхищала появление живописных полотен, например статья «По пути из Варяг в Греки» (1900) и холст «Заморские гости». Некоторым исследователям хотелось прочитать объяснение к картинам, поэтому публицистика Н. К. Рериха и его художественное творчество – своеобразный симбиоз литературы и искусства.

Глава «На севере Ладogi» посвящена жизни Н. К. Рериха в Сортавале во время Гражданской войны. Художник показан в моменты растерянности и потрясения. Пережитое на Севере, по мнению Е. Г. Сойни, обусловило поиск Н. К. Рерихом утопии, переоценку роли культуры, стремление найти новую духовность, что отразилось в его публицистике и литературе этого времени. Наибольшее внимание уделено эпистолярному жанру.

В книге рассматриваются рериховские статьи северного периода о народной культуре и назначении искусства. Автор исследует принципы народности и декоративности, восприятие истории сквозь призму культуры, идеализацию художником прошлого, отношение к природе. Статьи

сортавальского периода («Священный огонь», «Единство», «Духотворчество») стали объектом анализа в соотнесенности с творчеством неоромантиков и русских символистов.

В приложении автор монографии впервые представляет творчество Н. К. Рериха в восприятии шведской, датской и финляндской критики, доказывая, что дискуссия о Рерихе в странах Северной Европы была своеобразной страницей в истории межнациональной коммуникации. В то же время импульсы, полученные художником в Карелии, обогатили его публицистику, литературное и живописное наследие. Впервые публикуется каталог выставки 1919 года.

Проблемы, поставленные в монографии Е. Г. Сойни, документы, открытые автором, картины, репродуцированные впервые, делают возможным дальнейшее изучение темы. Книга представляет несомненную научную ценность. Она будет интересна как ученым, студентам, изучающим литературу и искусство северной России, так и широкой аудитории, интересующейся историей культуры первой половины XX века. Безусловно, это ценное издание для многочисленных туристов, приезжающих в Карелию, и экскурсоводов, знакомящих их с наследием и красотами республики.

Поступила в редакцию 29.01.2024; принята к публикации 12.02.2024

Review

Natalya V. Chikina, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5419-3758; tchikina@krc.karelia.ru

The book review: Soini, H. G. N. K. Roerich: hieroglyphs of northern life. Petrozavodsk, 2022. 252 p.

For citation: Chikina, N. V. The book review: Soini, H. G. N. K. Roerich: hieroglyphs of northern life. Petrozavodsk, 2022. 252 p. Proceedings of Petrozavodsk State University. 2024;46(2):114–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1015

Received: 29 January 2024; accepted: 12 February 2024

ПЕТРОЗАВОДСК – ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ: ИТОГИ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

13 октября 2023 года в Петрозаводском государственном университете состоялась VII Международная научно-практическая конференция «Петрозаводск – город воинской славы: военная история России в региональном измерении».

Конференция проводится ежегодно, начиная с 2016 года, при содействии Карельской республиканской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, которую возглавляет Почетный гражданин города Петрозаводска Н. П. Черненко. Основанием для учреждения конференции стал указ Президента Российской Федерации В. В. Путина от 6 апреля 2015 года № 178 о присвоении городу Петрозаводску почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы». Важный вклад в организацию конференции, определение ее магистральных направлений работы внес кандидат исторических наук, доцент Г. В. Чумаков. В течение трех последних лет дело Германа Владимировича продолжают его коллеги по кафедре отечественной истории Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ С. Г. Веригин, О. Ю. Репухова и Ю. Н. Зеленская.

В этом году конференция получила международный статус, объединив ученых, преподавателей, студентов вузов из регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Результаты научных изысканий представили опытные и молодые исследователи из России, Белоруссии, Казахстана, Финляндии и Норвегии. География участников из России включала представителей научных школ от Мурманской области до Дальнего Востока.

Мероприятие вызвало большой интерес у представителей научного и педагогического сообществ, органов власти и управления Республики Карелия, общественных организаций, краеведов, поисковиков. На открытии конференции с приветственным словом к собравшимся обратились Председатель Законодательного Собрания Республики Карелия Э. В. Шандалович, заместитель министра образования и спорта Республики Карелия А. А. Бутенко, заместитель Главы Петрозаводского городского округа Д. В. Евстигнеева, заместитель Председателя Петрозаводского городского Совета А. Ю. Хан-

цевич. Первый проректор ПетрГУ С. Т. Коржов от имени ректората и профессорско-преподавательского состава университета пожелал участникам конференции успешной работы, открыто-го диалога и содержательных дискуссий.

Целью конференции стали обсуждение и анализ широкого круга научных и практических вопросов, касающихся военной истории России, сохранения исторической памяти, патриотического воспитания подрастающего поколения. Обсуждение коснулось следующих ключевых направлений: методологические, источниковедческие и историографические проблемы изучения военной истории, опыт мобилизации тыла в условиях войн (российские / советские практики), сохранение исторической памяти и вызовы современности.

Пленарное заседание открыла д. и. н., профессор, Лауреат Государственной премии РФ, Почетный доктор ПетрГУ Е. С. Сенявская. Елена Спартаковна раскрыла актуальные задачи, тематику исследований и источники изучения в контексте специальной военной операции России на Украине, отметила особое значение военно-исторической антропологии в изучении современных событий, методические аспекты работы с комбатантами и членами их семей.

Д. э. н., советник при ректорате, заместитель директора Института североевропейских и арктических исследований ПетрГУ В. А. Шлямин показал в динамике развитие российско-финляндских отношений с 2014 по 2023 год, указал на переход от добрососедства к противостоянию. Валерий Александрович подчеркнул важность долгосрочного планирования в обеспечении национальной безопасности нашей страны, обратил внимание на ключевые аспекты выступления Президента России В. В. Путина на Валдайском форуме 5 октября 2023 года.

В ракурсе заданного обсуждения продолжил пленарное заседание доцент университета города Хельсинки Й. Бекман. Он проанализировал формулировки заголовков и содержание статей в финской прессе за 2022–2023 годы, агитировавших за войну против России, новые нарративы о Финляндии во Второй мировой войне.

Тематика секционных заседаний включала фундаментальные и прикладные аспекты воен-

ной истории России, Белоруссии, Казахстана. На секции «Военная история. Опыт современно-го изучения» исследователи обсудили вопросы общего исторического прошлого России, Белоруссии и Казахстана, отметили важность сохранения научных, культурных контактов между странами, учеными, педагогами и студентами. Научный интерес вызвали доклады о формировании и составе областной партийной номенклатуры предвоенной эпохи на основе автобиографических материалов Г. Н. Куприянова, освещении событий Советско-финляндской войны во французской прессе, а также реконструкции военных событий на разных фронтах Великой Отечественной войны. Активное обсуждение получили выступления, посвященные мемориализации подвигов советских солдат и офицеров, роли личности в истории, проблеме восстановления народного хозяйства СССР в период первой послевоенной пятилетки.

Секция «Военная история глазами молодых исследователей» стала площадкой для апробации результатов научного поиска студентов, аспирантов, музейных работников из Минска, Петрозаводска, Беломорска и Хабаровска. Молодых ученых интересуют проблемы эвакуационного планирования в предвоенное десятилетие, перестройки работы предприятий на военный лад на начальном этапе Великой Отечественной войны, организации производства вооружения и боеприпасов для Карельского фронта, роли

партизанского и подпольного движений в победе, сохранения исторической памяти о жертвах военных преступлений нацизма.

Доклады, прозвучавшие на конференции, будут опубликованы в научном журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета», сборнике статей и материалов конференции и студенческом научном электронном издании «StudArctic forum».

Одновременно в рамках конференции проходил конкурс профессионального мастерства для учителей истории и обществознания образовательных организаций общего образования Республики Карелия «Не забывайте о войне...». Конкурс проводился с целью формирования позитивного профессионального имиджа учителей истории и обществознания, использующих инновационные образовательные технологии как средство повышения качества гражданского и патриотического воспитания в школе. Для экспертной оценки жюри методические разработки занятий, реализуемых в рамках освоения основной образовательной программы, по номинациям «Урок» и «Занятие по внеурочной деятельности» представили учителя общеобразовательных организаций Петрозаводского городского округа и районов Республики Карелии. Подведение итогов конкурса состоится на заседании круглого стола «Преподавание истории и обществознания в современной школе».

Ю. Н. Зеленская
кандидат исторических наук, доцент,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.10.2023; принята к публикации 29.01.2024

Scientific information

Yulia N. Zelenskaya, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

PETROZAVODSK – THE CITY OF MILITARY GLORY: RESULTS OF THE INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE

Received: 16 October 2023; accepted: 29 January 2024

CONTENTS

<p>Editorial note 7</p> <p>HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH</p> <p><i>Korotkiy A. Yu.</i> NIKOLAY GOLOVIN ON RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE FIRST WORLD WAR: ORIGINS OF THE INSTITUTIONAL APPROACH 8</p> <p>RUSSIAN HISTORY</p> <p><i>Belov A. M., Malinin A. N.</i> COOPERATIVE MOVEMENT IN KOSTROMA PROVINCE DURING WORLD WAR I 18</p> <p><i>Dianova E. V.</i> PARTICIPATION OF COOPERATIVE ORGANIZATIONS IN CINEFICATION OF KARELIA IN THE 1920S 25</p> <p><i>Kozhevnikova Yu. N.</i> SUMA PARISH SCHOOL AND ITS ROLE IN EDUCATING THE KOLA DEANERY CLERICS IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY. 38</p> <p><i>Vasilyeva A. V.</i> TRAINING SYSTEM FOR TOURISM PERSONELL IN KARELIA OF THE 1980S 45</p> <p><i>Petin D. P.</i> STAFFING OF SOVIET JUSTICE AUTHORITIES IN THE KOLA NORTH DURING THE 1920S (ANALYZING THE MATERIALS FROM THE MURMANSK REGION) 52</p> <p>VII INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE “PETROZAVODSK – THE CITY OF MILITARY GLORY: THE REGIONAL DIMENSION OF RUSSIA’S MILITARY HISTORY”</p> <p><i>Verigin S. G.</i> A LOOK AT THE HISTORY OF SOVIET COUNTERINTELLIGENCE: THE FATE OF SPY VASILY KIRILLOV 64</p>	<p><i>Repukhova O. Yu., Sigaev D. V.</i> STATE SECURITY BODIES IN THE ORGANIZATION OF LOCAL AIR DEFENSE IN KARELIA DURING 1930–1942 81</p> <p><i>Terentev V. O.</i> THE ARTILLERY OF GENERAL TSVETAYEV’S SOUTHERN GROUP IN THE DEFENSE OF OLONETS 87</p> <p><i>Terenteva E. A.</i> THE WINTER WAR IN THE FRENCH PRESS 96</p> <p><i>Mironichev E. P.</i> THE SIGNIFICANCE OF THE KANDALAKSHA AREA IN OPERATIONAL AND TACTICAL MILITARY PLANNING PRIOR TO THE RUSSO-FINNISH WAR. 105</p> <p>Reviews</p> <p><i>Alekseev T. V., Losik A. V.</i> The book review: Okhochinsky, M. N. Nikolai Alekseevich Rynin. His life and work in the field of interplanetary communication. 112</p> <p><i>Chikina N. V.</i> The book review: Soini, H. G. N. K. Roerich: hieroglyphs of northern life. 114</p> <p>Scientific information</p> <p><i>Zelenskaya Yu. N.</i> Petrozavodsk – The City of Military Glory: results of the international research and practical conference 116</p>
---	--

М. Н. Охочинский

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ РЫНИН. ЕГО ЖИЗНЬ И РАБОТА В ОБЛАСТИ МЕЖПЛАНЕТНЫХ СООБЩЕНИЙ

В монографии рассматривается вклад в развитие ракетно-космической техники профессора Н. А. Рынина, пионера космонавтики, автора знаменитой энциклопедии «Межпланетные сообщения». Рассказано о его деятельности как исследователя-аналитика, автора экспериментальных работ по изучению влияния больших ускорений на живые организмы, исследователя научного творчества К. Э. Циолковского, руководителя подготовки научных кадров.

Издание посвящено 90-летию со дня основания Ленинградского военно-механического института – Балтийского государственного технического университета «Военмех» имени Д. Ф. Устинова.

Охочинский, М. Н. Николай Алексеевич Рынин. Его жизнь и работа в области межпланетных сообщений / М. Н. Охочинский. – СПб.: Политехника Сервис, 2022. – 216 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

Елена Соини

Н. К. РЕРИХ: ИЕРОГЛИФЫ СЕВЕРНОЙ ЖИЗНИ

В монографии впервые рассматривается жизнь и творчество знаменитого русского живописца Н. К. Рериха (1874–1947) в контексте исторических событий, происходивших в Сортавале в 1918 году. Ставится вопрос о назначении искусства в экстремальной политической ситуации, об отношениях деятелей культуры разных стран в сложнейшие периоды истории. Исследуются статьи, написанные на Севере, в которых Рерих возвысил идею народности в искусстве, обратился к осмыслению опыта прошлого. Рерих создал в Карелии около двухсот картин и этюдов, с некоторыми из них читатель познакомится впервые. Вместе с Максимом Горьким и Ильей Репиным Николай Рерих сыграл важную роль в истории русско-финских культурных связей. Исследуется история творческих взаимоотношений Рериха с иллюстратором «Калевалы» Аксели Галлен-Каллелой.

Книга вызовет несомненный интерес специалистов и широкого круга читателей, интересующихся культурой России начала XX века и художественной историей Карелии.

Соини Е. Г. Н. К. Рерих: иероглифы северной жизни / Елена Соини; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории. – Петрозаводск: Скандинавия, 2022. – 252 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

П. А. Кротов, М. О. Акишин

ВИЦЕ-АДМИРАЛ Н. А. СЕНЯВИН (1681–1738)

Профессор ЛГУ В. В. Мавродин (1908–1987) справедливо ставил имя вице-адмирала Наума Акимовича Сенявина (1681–1738) в списке прославленных русских флотоводцев на второе место после императора Петра Великого, продолжая перечень фамилиями таких выдающихся адмиралов эпохи парусного флота, как Г. А. Спиридов, Ф. Ф. Ушаков и Д. Н. Сенявин. Тем не менее жизни и деятельности выдающегося российского флотоводца эпохи рождения Российского военно-морского флота Н. А. Сенявина до выхода из печати этой книги не было посвящено ни одной научной монографии. Настоящее издание восполняет эту несправедливость в исторической памяти Отечества. Значительная часть книги посвящена вкладу военных моряков и других деятелей из рода Сенявиных в создание Великой России.

Книга рассчитана не только на специалистов, но и на широкие читательские круги – всех интересующихся историей Российского флота Петра Великого.

Кротов П. А., Акишин М. О. Вице-адмирал Н. А. Сенявин (1681–1738) / Отв. ред. Н. В. Кирющенко. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2022. – 308 с.

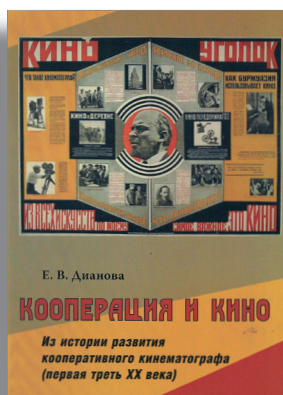
Е. В. Дианова

КООПЕРАЦИЯ И КИНО

В монографии рассматривается история отношений кооперативных и кинематографических организаций России до и после революции 1917 г., развитие кооперативного кинематографа в 1920-е гг., когда кооперация участвовала в кинофикации страны и выступала как «основной канал продвижения кино в деревню». Особое внимание уделяется сотрудничеству кинематографических организаций и кооперативных союзов; политике государства в области кинопроизводства и кинопроката, соотношению коммерции и идеологии; работе кооперативных передвижек; подготовке кинемехаников для кооперативной киносети; кооперированию населения «вокруг кино».

Издание будет полезно всем, кто интересуется историей культуры и развитием отечественного кинематографа в первой трети XX в.

Дианова, Елена Васильевна. Кооперация и кино: из истории развития кооперативного кинематографа (первая треть XX века): [монография] / Е. В. Дианова; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2023. – 198 с.

ISSN 2542-1077

